

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

**ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**№ 1 (68) 2019
ЮБИЛЕЙНЫЙ**

Донецк

ISSN 2414-374X (Online)

ISSN 2522-4069 (Print)

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

Научный журнал Донецкого национального университета
Исторический факультет
сетевое издание

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Никольский В.Н., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Заместитель главного редактора – Бобровский А.С. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Ответственный секретарь – Кухтин М.М. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)
Агапов В.Л. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Бредихин А.В. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Кузнецова Е.В. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)
Морозов Р.Н. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Пенькова О.Б. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Черкашин К.В. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Баранов А.В. – д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)
Беловолов Ю.Г. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Ерхов Г.П. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Кияшко А.В. – д-р ист. наук (Южный федеральный университет, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)
Кринко Е.Ф. – д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)
Леонова Н.Б. – д-р ист. наук (Московский государственный университет им М.В.Ломоносова, Российская Федерация, Москва)
Липинский В.В. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Саржан А.А. – д-р ист. наук (Донецкий национальный технический университет)
Шендрикова С.П. – д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Российская Федерация, Симферополь)
Шепко Л.Г. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Цыганков П.А. – д-р филос. наук (Московский государственный университет им М.В.Ломоносова, Российская Федерация, Москва)

Рецензенты: д.и.н. Бредихин А.В., д.и.н. Колесник А.В., д.филос.н. Муза Д.Е., к.и.н. Разумный В.В., д.и.н. Саржан А.А., д.и.н. Шепко Л.Г., к.и.н. Шкрибитько Е.А.

Рекомендовано к изданию Ученым советом ДонНУ. – Протокол № 5 от 31.05.2019 г.

Журнал зарегистрирован Министерством информации ДНР, Свидетельство о регистрации средства массовой информации Серия ААА, №000149, выдано 20 июня 2017 г.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. – Приказ МОН ДНР №1134 от 1. XI. 2016 г.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), лицензионный договор №117-03/2016 от 9 марта 2016 г., и наукометрические базы данных Index Copernicus, Infobase Index.

Адрес редакции: Исторический факультет, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, Донецк, 83001. Тел. (095) 360-43-70, (071) 305-59-87; e-mail: nvn2015@rambler.ru, nicols46@mail.ru

Сайт <http://donnuhist.ru>

© Донецкий национальный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие Ректора ГОУ ВПО ДНР «ДонНУ» С.В. Беспаловой.	7
Приветствие Председателя Народного совета ДНР В.А. Бидёвки.	8
Приветствие и.о Ректора ГОУ ВПО ЛНР «ЛНУ им. В. Даля» В.Д. Рябичева. ..	10
Приветствие Депутатов Народного совета ДНР.	11
Никольский В.Н. Юбилей журнала.	12

Историография. Источниковедение

Людоровская Т.Ю. Семейная политика советского государства в Донбассе в 1920-30-е гг.: историографический обзор.	21
Старченко Н.Н. Повседневная жизнь населения города Сталино (Донецка) 1945 – 1964 гг. в контексте советской повседневности: историография проблемы.	27
Павлова А.В. «Вопросы периодизации истории становления и развития горноспасательного дела в Донбассе».	33

Отечественная и региональная история

Колесник А.В. Эволюция системы расселения и землепользования в Донбассе в период с рубежа V-IV до середины III тыс. лет до н.э.	38
Агапов В.Л. Угольный Донбасс в контексте политики модернизации России (XVIII век).	48
Неклюдов Е.Г. Судьба Луганского казенного округа в контексте Горной реформы второй половины XIX в.	62
Карнишин В.Ю. Позднеимперская Россия в реалиях модернизации начала XX века.	69
Киселев М.Ю. О старой металлургии Донбасса: из воспоминаний академика И.П. Бардина.	77
Анпилогова Т.Ю. Вклад Сергея Григорьевича Грушевского в развитие образования и науки на Луганщине в 1920-е годы.	82
Чеботарева А. В. К вопросу о продовольственном обеспечении партийно-государственной номенклатуры Донбасса в 1920 – 1930-е гг.	90
Стадник В.А. Роль территориальных органов КК-РКИ в обеспечении производства товаров народного потребления в Донбассе в 1932 – 1934 гг.	94
Джорджо Скотони Захват Сталино в 1941 году и память итальянских оккупантов о «новом порядке» в Донбассе.	101
Удалова Т.М. Характеристика жилищно-бытовых условий населения Донбасса в 1943 – 1945 гг.	111

Шатохина М.В. Восстановление и развитие сети учебных заведений Донбасса в 1943 – 1955 гг.	116
Околотин В.С. Помощь предприятий и населения Ивановской области освобожденному Донбассу в 1944 году.....	123
Полякова М. А. Языковая политика в системе педагогического образования Донбасса в 1950 - е гг.	126
Липинский В.В., Ступак И.А. Формы и методы повышение профессионального уровня инженерно-технических работников тяжелой индустрии Донбасса в 1960-е гг.	131
Карачевская В.И. Состояние лечебно-профилактической и санаторно-профилактической работы в Донбассе в 1964 – 1991 гг.	138
Федоровский Ю.Р. Донбасс в эпоху «Перестройки».	143
Дмитриевский А.В. Коллективное садоводство в Донецкой области во второй половине 1980-х гг.: социальные аспекты.	148
Сигельбаум Л.Х. Воспоминания о Донецке 1989 – 1992 годов.	155

Политология

Морозова О.М. Конфликт на Донбассе в пространстве блогосферы.	165
---	-----

CONTENT

Greetings from the rector of the State educational institution of higher vocational education "Donetsk national university" S.V. Bepalova.	7
Greetings from the Chairman of the People's Council of the DPR V.A. Bidyovka. ...	8
Greetings from the rector of the State educational institution of higher vocational education "Lugansk national university behalf of Vladimir Dahl" V.D. Ryabichev.	10
Greetings from the Deputies of the People's Council of the DPR.	11
Nikol'skij V.N. Anniversary of the magazine.	12

Historiography. Source studies

Lyudorovskaya T.Yu. Family policy of the Soviet state in Donbass in the 1920 – 30s: a historiographical review.	21
Starchenko N.N. Everyday life of the population of the city of Stalino (Donetsk) in 1945 – 1964 in the context of soviet everyday life: historiography of the problem.	27
Pavlova A.V. Questions of periodization of the history of the formation and development of mining rescue in Donbass.	33

Domestic and regional history

Kolesnik A.V. Evolution of the system of settlement and land use in Donbass in the period from the verge of the 5 – 4 th to the middle of the 3 rd millennium BC.	38
Agapov V.L. The coal Donbass in the context of the policy of modernization of Russia (18 th century).	48
Neklyudov E.G. The fate of the Lugansk fiscal district in the context of the Mining reform of the second half of the 19 th century.	62
Karnishin V.Yu. Russia of the late imperial period under the conditions of modernization of the beginning of the 20 th century.	69
Kiselev M.Yu. On the old metallurgy of Donbass: from the memories of academician I.P. Bardin.	77
Anpilogova T.Yu. The contribution of Sergej Grigor'evich Grushevskij to the development of education and science in the Lugansk region in the 1920s.	82
Chebotareva A.V. On the question of food provision of the party-state nomenclature of Donbass in the 1920 – 1930s.	90
Stadnik V.A. The role of the territorial bodies of the CC-WPI in securing the production of consumer goods in Donbass in 1932 – 1934.	94
Giorgio Scotoni The capture of Stalino in 1941 and the memories of italian occupants about the "new order" in Donbass.	101

Udalova T.M. Characterization of the housing conditions of the population of Donbass in 1943 – 1945.	111
Shatohina M.V. Restoration and development of the network of educational institutions of Donbass in 1943 – 1955.	116
Okolotin V.S. Assistance of the enterprises and population of the Ivanovo region to the liberated Donbass in 1944.	123
Polyakova M.A. Linguistic policy in the system of pedagogical education of Donbass in the 1950s.	126
Lipinskij V.V., Stupak I.A. Forms and methods to increase the professional level of engineering and technical workers in the heavy industry of Donbass in the 1960s.	131
Karachevskaya V.I. The condition of preventive medicine and health resorts offering preventive treatment in Donbass in 1964 – 1991.	138
Fedorovskij Yu.R. Donbass in the era of the “Perestroika”.	143
Dmitrievskij A.V. Collective gardening in the Donetsk region in the second half of the 1980s: social aspects.	148
Sigelbaum L.H. Memories of Donetsk 1989 – 1992.	155

Political science

Morozova O.M. The conflict in Donbass in the space of the blogosphere.	165
--	-----

ДОНЕЦКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

83001, г. Донецк - 01, ул. Университетская, 24
тел: приемная (062) 302-07-22, справочная служба (062) 302-06-00, факс: (062) 302-07-49
e-mail: rector@donnu.ru

В связи в 20-летием со дня выхода первого номера "Журнала исторических, политологических и международных исследований", поздравляю редакционный коллектив, членов общественного совета, многочисленных авторов международного научного издания!

За период 1999-2019 г.г. читатели могли ознакомиться на страницах журнала с 1221 научной публикацией, в том числе, в 2015-2019 гг. их количество составило почти 30%. Авторами являются ученые, докторанты, аспиранты из высших учебных и научных учреждений Российской Федерации, Республики Беларусь, Молдовы, Грузии, США, ФРГ, КНР, Японии, ДНР и ЛНР.

Журнал признан как равный в многочисленной семье исторических и политологических научных изданий, имеет лицензионный договор с Российским индексом научного цитирования, официально включен в международные наукометрические базы цитирования Index Copernicus и Infobase index, в официальный перечень ВАК ДНР.

Приоритетными направлениями исследований, результаты которых стали основой научных статей, опубликованных в журнале, являются история Донбасса, актуальные проблемы зарубежной истории, новейшая историография и источниковедение, теоретическая и прикладная политология.

Желаю редакционному коллективу и дальше проявлять научную принципиальность, требовательность и последовательность, продолжать поиск актуальнейших проблем современной исторической и политических наук!

Авторам журнала – побольше принципиальности и настойчивости, избавляться от тривиальных, "модных" подходов, добиваться действительно актуальных научных и перспективных выводов с практическим выходом на современную практику общественной жизни!

Ректор ДонНУ,
доктор физико-математических наук,
профессор, академик
Международной Славянской Академии

С.В. Беспалова

НАРОДНЫЙ СОВЕТ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
НАРОДНОГО СОВЕТА

бул. Пушкина д.76, Донецк, 283001

Тел. (062)209-22-88

Email: sekretariatns@dnrsovetsu

"19" июня 2019 № 031-100/1/350
на № _____ от _____ 20 _____

Коллективу редакции,
членам редакционного совета
«Журнала исторических,
политологических
и международных исследований»
Донецкого национального университета

Уважаемая редакция и члены редакционного совета!

Искренне поздравляем редакционный коллектив, членов общественного совета и авторов международного научного издания «Журнала исторических, политологических и международных исследований» с 20-летием со дня выхода первого номера.

Тематика журнала особенно актуальна сейчас, когда в Донбассе происходит военный конфликт, имеющий внешнеполитические причины и исторические параллели. Снова жителям нашей земли приходится защищать ее от сторонников нацистской идеологии. И непосредственное влияние на этот конфликт имеет сложная международная политическая ситуация. Для того, чтобы понять и разобраться в происходящем с научной точки зрения Донецкой Народной Республике необходимы издания, подобные вашему журналу.

Учитывая возросший интерес к истории, особенно актуальны статьи по этой тематике. Чтобы понять происходящее сейчас нужно разобраться в закономерностях исторического процесса. Кроме того, в условиях тотальной информационной войны одной из целей пропаганды со стороны Украины,

США и стран Западной Европы является дискредитация нашей истории в советский период, особенно подвигов наших предков в годы Великой Отечественной войны. В этом контексте правдивые научные статьи, основанные на подлинных исторических материалах, необходимы современному читателю.

Желаю редакционному коллективу авторитетного научного издания, которым является «Журнал исторических, политологических и международных исследований», новых успехов, интересных статей, свежих идей и новых научных достижений.

С уважением,

Председатель Народного Совета ДНР

В. А. Бидёвка

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ»

91034, г. Луганск, кв. Молодежный, 20а,
телефон (0642) 34-48-28, факс (0642) 34-48-48

№ 107-115-1300/12 от «10» 06. 2019
На № _____

Редакции научного издания
**«Журнала исторических,
политологических и
международных исследований»**

От имени Ректората ГОУ ВПО ЛНР «Луганский Национальный Университет имени В. Даля» поздравляем Вас и Ваших коллег со знаменательным событием – 20-летием создания журнала!

За прошедшие годы журнал превратился в авторитетное периодическое издание, на страницах которого обсуждаются актуальные проблемы истории и широкого круга социально-гуманитарных дисциплин. Публикации в журнале отмечены высоким качеством, фундаментальностью изложения материала, глубокой историчностью. Опубликоваться в «Журнале исторических, политологических и международных исследований» стало престижным для многих специалистов в области гуманитарного знания. Журнал продолжает и развивает лучшие традиции отечественной исторической науки и сегодня стоит в ряду известных и авторитетных научных периодических изданий Донбасса.

Коллектив Вашего издания с честью преодолел все трудности и тяготы последних лет и продолжает с достоинством нести знамя уникального исторического, краеведческого, политологического и международного знания.

Наши коллективы знакомы уже продолжительное время, связывающее нас взаимным плодотворным сотрудничеством. Желаем редколлегии журнала новых интересных публикаций, творческих успехов и издательского долголетия.

С уважением,
И.о. ректора

В.Д. Рябичев

НАРОДНЫЙ СОВЕТ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ДЕПУТАТ
НАРОДНОГО СОВЕТА
2018- 2023

12 июня 2019

№ 7

Коллективу редакции,
членам редакционного совета
«Журнала исторических, политологических
и международных исследований»
Донецкого национального университета

Уважаемая редакция и члены редакционного совета!

Искренне поздравляем вас с 20-летием со дня выхода в свет первого номера международного научного издания «Журнал исторических, политологических и международных исследований»!

За эти годы, публикуя результаты актуальных научных исследований, журнал получил заслуженное признание среди исторических и политологических научных изданий, был официально включен в международные наукометрические базы данных. Это значимое достижение для науки нашей молодой Республики.

Очень важно, что журнал размещает научные статьи по таким приоритетным направлениям, как история Донбасса, актуальные проблемы всемирной истории, теоретическая и прикладная политология, новейшая историография и источниковедение.

Желаем редакции журнала всегда проявлять научную принципиальность и последовательность, продолжать поиск и прилагать все возможные усилия для решения актуальнейших проблем современной исторической и политических наук!

Депутат Народного Совета
Донецкой Народной Республики

С.Н. Абуков
(удост. № 48)

Депутат Народного Совета
Донецкой Народной Республики

О.В. Онопко
(удост. № 69)

Депутат Народного Совета
Донецкой Народной Республики

Е.В. Орлов
(удост. № 31)

Депутат Народного Совета
Донецкой Народной Республики

М.В. Руденко
(удост. № 32)

Депутат Народного Совета
Донецкой Народной Республики

С.Г. Цыплаков
(удост. № 33)

УДК 94:051-029.9379.4 477 – 62 ДонНУ

В.Н. Никольский

доктор исторических наук, профессор,
главный редактор
«Журнала исторических, политологических
и международных исследований»
e-mail: nicols46@mail.ru

ЮБИЛЕЙ ЖУРНАЛА

Аннотация

В статье изложены основные этапы создания и развития издающегося в Донецком национальном университете международного научного журнала, 20-летие которого отмечается в июне 2019 г. Приводятся сведения о тематической направленности публикаций, структуре издания, количественных показателях приоритетных тем. Анализируется постоянный авторский состав. Излагаются основные принципы редакционной политики.

Ключевые слова: «Журнал исторических, политологических и международных исследований», авторы публикации, юбилей издания.

Summary

The article outlines the main stages of the creation and development of the international scientific journal published at Donetsk National University, the 20th anniversary of which is celebrated in June 2019. Data on the thematic trends of the publications, the structure of the edition and quantitative indicators of priority topics are given. The body of the permanent authors is analyzed. The basic principles of editorial policy are outlined.

Keywords: “Journal of Historical, Political and International Studies”, authors of publications, anniversary of the edition

Этот материал, по мнению автора, должен в какой-то мере воссоздать процесс возникновения и развития сетевого научного издания – «Журнал исторических, политологических и международных исследований», которому в эти дни исполняется двадцать лет.

Авторы научных публикаций – люди сугубо практические; для большинства из них, прежде всего, важно, чтобы статья, увидевшая свет, имела какой-то статус, то есть входила в официальный перечень, утвержденный президиумом Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

История юбилейного научного журнала состоит из нескольких, документально подтвержденных этапов, нередко определявшихся событиями бюрократического характера.

Президиум Высшей аттестационной комиссии Украины включил новый донецкий научный журнал, который изначально назывался «Історичні і політологічні дослідження», в перечень научных изданий в которых могут печататься основные результаты диссертационных и других научно-исследовательских работ (протокол №5 – 05 /4 от 11 апреля 2001 г.[1]. Но перед этим предстояло оформить соответствующие факультетские и университетские документы и выпустить первый, как говорится, «сигнальный», номер журнала. Точкой отсчета биографии журнала является 29 июня 1999 г.

Автор данной статьи стоял у истоков издания, будучи ответственным секретарем, заместителем главного редактора и главным редактором. Так уж сложились обстоятельства, что все документы на разных этапах оформления и трансформации издания приходилось оформлять лично. Может быть потому и сохранились их оригиналы, находящиеся сегодня в текущем архиве редакции.

Официально государственную регистрацию журнал прошел в Государственном комитете информационной политики, телевидения и радиовещания Украины, получив Свидетельство о государственной регистрации печатного средства массовой информации КВ №4602[2].

1 декабря 2009 г. за подписью министра юстиции Украины редколлегия журнала получила Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации, которому были присвоены серия и определено, что издание является отечественным научным журналом, издающимся «ЗМІШАНИМИ МОВАМИ: УКРАЇНСЬКОЮ, РОСІЙСЬКОЮ» [3].

Мы условно разделяем историю журнала на два этапа: 1) от выхода первого номера – до трансформации в сетевое издание в период создания Донецкой Народной Республики; 2) современный этап, сочетающий выпуск сетевой версии (Интернет-издание) и параллельного выпуск печатной версии.

На первом этапе – 1999 - 2014 гг. в издании формируются традиционные рубрики-разделы: история Украины – печатаются 512 статей (в статистике публикаций тех лет история Донбасса не выделялась), всемирная история – 133 статьи, историография, источниковедение, методология, археология, методика преподавания истории, педагогика, психология, специальные исторические дисциплины – 131, политология – 59, международные отношения – 58, археология, древняя и средневековая история – 36, рецензии – 11, наши публикации – 1, из редакционной почты – 1. Всего 942 статьи, 354-х авторов.

После создания Донецкой Народной Республики, решением Ученого совета Донецкого национального университета, было возобновлено издание сетевого «Журнала ДНУ», который, в соответствии с постановлением «О легализации деятельности СМИ и правилах производства, распространения массовой информации в Донецкой Народной Республике» от 26.06.2014 г. был зарегистрирован под №195 от 22.03.2015 г. Срок регистрации ограничивался 10

июля 2015 г. и было выдано соответствующее Свидетельство [4]. Затем было выдано второе Свидетельство, с продлением регистрации до 31 декабря 2016 г.

27 марта 2015 г. решением Ученого совета ДонНУ журнал признан преемником выходившего ранее печатного издания «Історичні і політологічні дослідження» (электронные версии предыдущих выпусков размещены на соответствующей странице Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Отметим, что в находящемся в г. Виннице «клоне» Донецкого национального университета была сделана только одна попытка выпуска этого журнала, но он прекратил свое существование.

20 июля 2017 г. за подписью и.о. Министра информации ДНР И.Ю. Антипова редакция получила «Свидетельство о регистрации средства массовой информации» с такими выходными данными: «научный журнал «Журнал исторических, политологических и международных исследований» /Science journal «Journal of historical, political and international studies»; адрес веб-сайта: <http://donnuhist.ru> Форма распространения: сетевое издание. Языки: русский, украинский, английский [5]

Количественные показатели деятельности журнала во втором этапе издания выглядят следующим образом. Вышедшие номера объединены рубриками: отечественная и региональная история (опубликована 41 статья), всемирная история (24 статьи), историография, источниковедение (14 статей), международные отношения (26 статей), политология (12 статей), трибуна молодого автора, письма в редакцию, наша почта...

Кроме того, в журнале были введены новые рубрики: «Донбасс в цифрах», «История Донбасса в цифрах и фактах», «Количественные методы в исторических исследованиях», «Количественные измерения международных отношений», «Количественный анализ исторических событий: достижения и проблемы», «Наука и культура сквозь призму статистики», «Политическая и демографическая история на фоне статистики», «Социальная политика государства в количественных измерениях», «Статистические источники в исторической науке». Появление этих рубрик было вызвано необходимостью расширить источниковедческую основу исследований с целью помочь преподавателям более доходчиво использовать в качестве иллюстративных материалов опубликованные количественные материалы.

Автор данной публикации, после окончания университета, в течение 10 лет работал учителем средней общеобразовательной школы и с 1987 г. по настоящее время, 33-й год работает преподавателем (доцентом, профессором) исторического факультета Донецкого национального университета. Опыт преподавательской деятельности позволил в 2003 г. поставить вопрос о необходимости создания в журнале специальных рубрик, включающих статьи, отражающие результаты исследований, позволяющих авторам писать статьи, основанные на количественных источниковедческих материалах, с использованием квантификационных методов. В 2003 г. Институт истории Украины НАН Украины создал при историческом факультете ДонНУ «Центр историческо-

статистических (количественных) исследований» (руководитель – автор этих строк). Материалы центра и результаты проведенных трех международных научных конференций регулярно публикуются в указанном журнале.

Довольно быстро издание получило достаточно большую известность в научном мире.

Журнал дважды официально зарегистрирован в Реестре ISSN - мировом каталоге периодики и продолжающихся ресурсов – ISSN 2414-374X (онлайн-версия) и ISSN 2522-4069 (печатная версия).

9 марта 2016 г. ректором Донецкого национального университета был подписан двусторонний лицензионный договор с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ), по которому лицензиат (РИНЦ) с 2005 г. осуществляет разработку, наполнение и продвижение с целью создания отечественной библиографической базы данных научных изданий, является владельцем и правообладателем интегрированного научного информационного ресурса в сети Интернет. Речь идет о регистрации в системе всех публикаций «Журнала исторических, политологических и международных исследований».

10 августа 2016 г. журнал входит в международные наукометрические базы данных Infobaseindex и Index Copernicus.

Большой интерес вызвали аналитические статьи, посвященные событиям последних лет в ДНР и ЛНР: М.В. Руденко «Утверждение формулировки вопроса референдума о самоопределении Донецкой Народной Республики» [6], В.И. Сальникова «Расширение зоны «проблемной государственности» как фактор турбулентности современного мира (на примере непризнанных государств постсоветского пространства)» [7], В.И. Сальникова «Феномен ДНР и ЛНР: в поисках методологии исследования» [8], В.И. Сальникова «Революция Достоинства» и «Русская Весна»: сравнительный анализ» [9], О.В. Онопко «Концепция внешней политики Донецкой Народной Республики: институциональное и идеологическое значение» [10], О.В. Онопко «Геополитический статус Донбасса и внешнеполитические потребности Донецкой Народной Республики»? [11].

Редакция журнала благодарит всех авторов и читателей «Журнала исторических, политологических и международных исследований», приславших поздравления и приветствия с нашим 20-летним юбилеем !

Приложение 1.

Полный список учебных заведений, научных и других организаций, научные статьи, рецензии и заметки, преподаватели, сотрудники, докторанты и аспиранты которых являются авторами публикаций журнала в 1999 – 2014 гг.

Академия сухопутных войск им. Петра Сагайдачного (Львов),
Академия таможенной службы Украины (Днепропетровск),
Бангорский университет (Уэльс, Великобритания),

Белгородский государственный университет,
Белорусский государственный университет (Минск),
Бердянский государственный педагогический университет,
Винницкий педагогический университет им. Коцюбинского,
Висконсинский университет (О-Клэр),
Волынский государственный университет им. Леси Украинки,
Воронежский государственный университет,
Востокукринский национальный университет им. В. Даля (Луганск),
Горловский автодорожный институт,
Горловский государственный педагогический институт иностранных языков,
Горловский институт МАУП,
Государственный архив Хмельницкой области,
Государственный архив Черкасской области,
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Беларусь),
Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара,
Донбасская государственная машиностроительная академия (Краматорск),
Донбасская национальная академия строительства и архитектуры (Макеевка),
Донецкая государственная академия управления,
Донецкий информационно-аналитический центр мониторинга Верховного комиссара ОБСЕ и Уполномоченного Верховной рады Украины по правам человека,
Донецкий государственный институт искусственного интеллекта,
Донецкий государственный медицинский университет,
Донецкий институт автомобильного транспорта,
Донецкий институт внутренних дел (при ДонНУ),
Донецкий институт городского хозяйства,
Донецкий институт предпринимательства,
Донецкий институт рынка и социальной политики,
Донецкий институт социального образования,
Донецкий национальный технический университет,
Донецкий национальный университет,
Донецкий национальный университет экономики и торговли,
Донецкий областной институт последипломного педагогического образования,
Донецкий университет экономики и права,
Донецкий юридический институт,
Дрогобычский государственный педагогический университет им. Ивана Франко,
Елецкий государственный университет И. А. Бунина,
Житомирский государственный технологический университет,
Запорожский государственный городской архив,
Запорожский национальный технический университет,
Запорожский национальный университет,

Запорожский юридический институт,
Ивано-Франковский институт права, экономики и строительства,
Измаильский государственный гуманитарный университет,
Институт востоковедения и международных отношений «Харьковский коллегийум»,
Институт европейских исследований НАН Украины (Киев),
Институт истории НАН Беларуси (Минск),
Институт истории Украины НАН Украины (Киев),
Институт мировой экономики и международных отношений НАН Украины (Киев),
Институт социального управления, экономики и права (Черкассы),
Институт стран СНГ (Москва),
Институт украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины (Киев),
Институт управления природными ресурсами (Коломыя),
Казанский государственный университет,
Киево-Могилянская академия,
Киевская малая академия наук «Исследователь»,
Киевский государственный лингвистический университет,
Киевский государственный университет финансов и международной торговли,
Киевский национальный торгово-экономический университет,
Киевский национальный университет им. Т. Шевченко,
Киевский национальный университет культуры и искусств,
Киевский политехнический институт,
Киевский славистический университет,
Кировоградский государственный педагогический университет им. В.В. Винниченко,
Константиновский индустриальный техникум,
Краматорская машиностроительная академия,
Краматорский экономико-гуманитарный институт,
Крымский гуманитарный университет (Ялта),
Кубанский государственный университет (Краснодар),
Курский государственный медицинский университет,
Луганская академия внутренних дел,
Луганский национальный педагогический университет им. Т. Шевченко,
Львовский институт внутренних дел,
Люблинский университет им. М. Склодовской-Кюри,
Макеевский экономико-гуманитарный институт,
Мариупольский государственный университет,
Международный открытый университет развития человека «Украина» (Николаевский филиал),
Межрегиональная академия управления персоналом (Киев),

Мелитопольский государственный педагогический университет,
Молдавский государственный университет (Кишинев),
Национальная академия внутренних дел Украины (Киев),
Национальная академия Государственной пограничной службы Украины им.
Б. Хмельницкого (Хмельницкий),
Национальная академия руководящих кадров культуры и искусств (Киев),
Национальная академия Службы безопасности Украины (Киев),
Национальная юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого
(Харьков),
Национальный институт стратегических исследований при президенте
Украины (Киев),
Национальный педагогический университет имени М. Драгоманова (Киев),
Нежинский государственный педагогический университет им. Н. Гоголя,
Николаевский государственный аграрный университет,
Николаевский государственный педагогический университет,
Одесская национальная юридическая академия,
Одесский институт внутренних дел,
Одесский национальный технический университет,
Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова,
Отдел международных связей Президиума НАН Украины (Киев),
Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет
им. Г. Сковороды,
Полтавский военный институт связи,
Полтавский государственный педагогический университет
им. В.Г. Короленко,
Полтавский университет потребительской кооперации Украины,
Приазовский государственный технический университет (Мариуполь),
Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника (Ивано-
Франковск),
Ровненский институт славяноведения,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
президенте РФ (Москва),
Санкт-Петербургский государственный университет,
Славянский государственный педагогический университет,
Славянский университет (Харьков),
Сумской государственный педагогический институт,
Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского
(Симферополь),
Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили,
Тернопольский государственный экономический университет,
Ужгородский национальный университет,
Украинская академия железнодорожного транспорта (Харьков),
Украинский государственный университет экономики и финансов (Киев),

Уманский государственный педагогический университет им. П. Тычины,
Университет им. Отто фон Герике (Магдебург),
Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург),
Федерация профсоюзов Украины (Киев),
Харьковская государственная академия дизайна и искусств,
Харьковский государственный педагогический институт им. Г. Сковороды,
Харьковская национальная академия городского хозяйства,
Харьковский национальный университет внутренних дел,
Харьковский национальный университет им. В. Каразина,
Херсонский национальный технический университет,
Центрально-европейский университет (Будапешт),
Центр политологического анализа и технологий (Донецк),
Черкасский государственный технологический университет,
Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого,
Черкасский филиал Европейского университета,
Черновецкий национальный университет им. Ю. Федьковича,
Черноморский государственный университет им. Петра Могилы (Николаев),
Южноукраинский педагогический университет им. К. Д. Ушинского (Одесса),
Южный научный центр РАН (Ростов-на-Дону),
Ягеллонский университет (Краков).

Приложение 2.

**Полный список учебных заведений, научных и других организаций,
научные статьи, рецензии и заметки, преподаватели, сотрудники,
докторанты и аспиранты из которых являются авторами публикаций
журнала
в 2015 – 2019 гг.**

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Воронежский государственный технический университет, Воронежский
государственный университет, Донбасская национальная академия строительства
и архитектуры (Макеевка), Донецкий государственный университет управления,
Донецкий институт железнодорожного транспорта, Донецкий национальный
технический университет, Донецкий национальный университет, Донецкий
педагогический институт, Институт всеобщей истории РАН (Москва), Институт
истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), Крымский федеральный
университет им. В.И. Вернадского (Симферополь), Кубанский государственный
университет (Краснодар), Липецкий государственный педагогический
университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Луганский национальный
университет им. В. Даля, Луганский национальный университет им. Тараса
Шевченко, Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва), Омский
государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Пекинский университет

(КНР), Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь), Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования (Москва), Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва), Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону).

Ссылки и примечания:

1. Историчні і політологічні дослідження. Видання Донецького державного університету. №1 (5)/ 2001.//Текущий архив редакции журнала, Б/н.
2. Свидетельство о государственной регистрации печатного средства массовой информации КВ №4602 // См.: Там же.
3. Там же. Свідоство про державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації Серія КВ №16418-4890 ПР. // Текущ. Архив редакции, Б/н.
4. Свидетельство о регистрации средства массовой информации. Регистрация действительна до 10.07.2015 //Текущий архив редакции журнала. Б/н. Затем этот срок был продлен до 31 декабря 2016 г. Там же. Регистрация действительна до 31.12.2016
5. Там же/ О регистрации средства массовой информации №000149 Текущий архив редакции. Б/н.
6. Руденко М.В. Утверждение формулировки вопроса референдума о самоопределении Донецкой Народной Республики» //Журнал ...№3 (66)-2018. С.121-124.
7. Сальников В.И. «Расширение зоны «проблемной государственности» как фактор турбулентности современного мира (на примере непризнанных государств постсоветского пространства» //Журнал ... №2 (65)-2018. С. 95- 103.
8. Сальников В.И. Феномен ДНР и ЛНР: в поисках методологии исследования» //Журнал ... №3 (55).-2016. С.88-94.
9. Сальников В.И. «Революция Достоинства» и «Русская Весна»сравнительный анализ» //Журнал ... №1 (57)-2016. .С.62-69.
10. Онопко О.В. Концепция внешней политики Донецкой Народной Республики: институциональное и идеологическое значение //Журнал ... №4 (67). 2018. С.95-102.
11. Онопко О.В. Геополитический статус Донбасса и внешнеполитические потребности Донецкой Народной Республики? //Журнал ... №3 (66).2018. С. 116-121.

Историография. Источниковедение

УДК 94:316.356.2«1920/1930»

Т.Ю. Людоровская

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: t.ludorov@mail.ru

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ДОНБАССЕ в 1920 - 30-е гг.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация

В статье представлен историографический анализ семейной политики в Донбассе в 1920 - 1930-е гг., проанализирована трансформация семейных отношений и разрушение традиционной патриархальной семьи дореволюционной России. Рассмотрена официальная идеология государственной семейной политики советского периода.

***Ключевые слова:** советская семья, Донбасс, семейная политика, историография.*

Summary

The article presents a historiographical analysis of family policy in the Donbas in the 1920s – 1930s, analyzes the transformation of family relations and the destruction of the traditional patriarchal family of pre-revolutionary Russia. Considered the official ideology of the state family policy of the Soviet period.

***Keywords:** Soviet family, Donbas, family policy, historiography.*

Семья – это небольшая группа людей, связанная кровными узами, а также взаимными правами и обязанностями по отношению друг к другу. К основным функциям семьи относят продолжение рода, взаимную моральную и материальную поддержку, а также воспитательную и хозяйственно-экономические функции [1]. Поэтому она занимает важное место не только в регулировании общественных отношений, но и в дальнейшем нормальном функционировании человеческого общества в социально-экономической и культурной сферах.

Актуальность исследования заключается в том, что на сегодняшний день отсутствует комплексное исследование, которое бы раскрыло бы проблемы политики в отношении советской семьи в Донбассе 1920 – 1930 гг. Особенно актуальным является изучение данной проблематики, поскольку используя опыт и

способы советского правительства в борьбе с семейными проблемами, можно предотвратить пагубное влияние войны на теперешние семьи Донбасса.

Известно, что под влиянием определенных объективных причин развитие семейных отношений и основ семьи нарушается. Среди этих проблем необходимо выделить особенно острые, связанные непосредственно с жизнедеятельностью семьи. В первую очередь, – это социальные проблемы: увеличение количества неполных семей, увеличение смертности среди детей и матерей, неприемлемая система медицинской помощи и организации детского питания, проблемы и виды досуга советской семьи. С другой стороны, – это проблемы, охватывающие материально-бытовую сферу жизни семьи: низкая заработная плата, недостаток продовольствия, плохие жилищные условия и состояние общественных зданий и пр.

Такая тема, как семейная политика в 1920 – 1930 гг. как в целом СССР, так и Донецкого региона, на данный момент находится на начальном этапе изучения и еще не получила форм системного исследования. Но, несмотря на это, существует ряд отдельных научных разработок, которые затрагивают некоторые аспекты данного вопроса, что позволяет их определенным образом сгруппировать и обобщить.

Основная цель данного исследования заключается в том, чтобы, опираясь на имеющиеся разработки по данной теме, проанализировать и систематизировать историографию проблемы советской семьи в Донбассе в 1920 – 1930-е гг.

Влияние революционных событий 1917 г. на семейно-брачные отношения и сегодня остается дискуссионным вопросом в отечественной историографии семьи. Установлено, что первые годы после установления советской власти характеризуются как период изменения традиционной семьи и отказа от преемственности семейного законодательства, связанного с формированием новых отношений между супругами, родителями и детьми. Начинают разрабатываться идеи общественного воспитания, обобществления родительских функций.

Основываясь на анализе литературы, периодических изданий, а также диссертационных исследованиях, можно выделить два основных периода в изучении историографии проблемы. Первый период – советский (1917 – 1991 гг.), когда актуальным становится вопрос, связанный с особенностями советского семейного быта и нравственными нормами в среде рабочей молодежи Донбасса. При этом, научные разработки до 1980-х гг. либо опирались на марксистско-ленинские подходы, либо направлялись приоритетами холодной войны. Отсюда следует, что эти и другие подходы не позволяли критически описывать противоречия советской политики в отношении семьи. Второй период – современный (с 1991 г. – по настоящее время), когда изменяются направления государственной семейной политики при необходимости оказания социальной поддержки семьям на государственном уровне. В рамках предложенных периодов можно также выделить еще несколько этапов, связанных с объективными изменениями развития семей Донбасса и ее специфическими особенностями.

При изучении историографии семейной политики в Донбассе нельзя не учитывать научные разработки, посвященные исследованиям развития семейных отношений в СССР и УССР, т.е. общие работы по данной проблематике.

Этому вопросу уделяли внимание даже такие значимые представители государственного аппарата, как В.И. Ленин, И.В. Сталин, А.М. Коллонтай, А.В. Луначарский, Н.К. Крупская, Л.Д. Троцкий и др. Следует отметить, что в данных работах акцент делался на перестройку семейного быта советской семьи на новых началах социалистического общества [2, 3].

Известно, что в СССР в 1920-1930-х гг. постепенно разрушались старые патриархальные пережитки, и строилась семья «нового» – советского – типа. Церковные браки окончательно утратили свою юридическую силу и единственной формой брака считалось заключение гражданского брака. Упрощалась процедура развода и вступления в брак. Супруги были уравнены в правах и могли иметь общее имущество. В семье нового типа женщина выступала не только хранительницей семейного очага, но и активной участницей в жизни общества. Главной обязанностью мужчины теперь было не только материальное обеспечение своей семьи, а и обязанность воспитывать своих детей наравне с женой. Преобразования, введенные новой властью, повлияли на изменение семейных взаимоотношений, а также улучшили условия досуга и быта советских семей. Данный аспект семейной политики рассмотрен Гуполовым Ю.В. в работе «Становление концепции института советской семьи (1918-1930 гг.)» [4].

Советский социолог А.Г. Харчев в работах «Брак и семья в СССР: опыт социологического исследования» и «Быт и семья в социалистическом обществе» рассматривает, каким образом социалистическая революция 1917 г. повлияла на изменения в семейно-брачных отношениях. В своих работах он проанализировал не только естественное перемещение населения РСФСР, как движущего фактора исторического процесса, но и описал семью в дореволюционное время, а также проследил причины изменения численности и структуры советской семьи и ее функций [5].

Э.К. Васильева в своих трудах «Семья в социалистическом обществе» и «Образ жизни городской семьи» рассматривала численность, структуру, бюджет советской семьи в разное время, затрагивая вопросы ведения хозяйства, и государственные постановления, которые касались изменений в сфере семейной политики. В работах также рассмотрены различные стороны жизнедеятельности городской семьи, которые выступают как элементы современного образа жизни: социалистический образ жизни, трудовой вклад семьи в общественное производство, морально-психологический микроклимат семьи, организация быта и досуга и др. [6].

Подтверждением того, что в Донбассе население в целом положительно выступало за гражданскую регистрацию брака, поскольку такое положение семейного кодекса отвечало условиям переходного периода, потребностям трудящихся масс, является статья в газете «Луганская правда» под названием «Брак нужно регистрировать» за 1926 г. Отмечалось: «Общий голос был – за

регистрацию браков. Ведь большинство населения у нас крестьяне, еще в значительной мере проникнутые старыми взглядами на семейно-брачные отношения, и необязательность регистрации брака может подорвать авторитет Загса и увеличить количество церковных браков. Брак регистрировать нужно – вот наш голос». Автор статьи подчеркивает активность рабочих шахт региона в вопросе реформирования советского семейного права [7].

Значимость зарегистрированного брака в Донецком бассейне в 1920-е гг. подчеркивает тот факт, что, например, по статистическим данным города Луганска, все супруги при регистрации хотели получить выписку о браке. Но эта услуга была платной, ее цена составляла 1 рубль, выписку выдавали по желанию вступающих в семейный союз, тогда как сама регистрация была абсолютно бесплатной [8].

Рассматривая историографию второго периода, следует обратить внимание на работу В.С. Гопанчука «Сімейне право України», в которой автор анализирует тему семейных прав и обязанностей в 1920-1930-е гг., а также развитие семейного права на территории УССР, в состав которой на то время входил наш регион [9].

Монография Мовчан О. Н. «Повсякденне життя робітників УСРР. 1920-ті рр.» посвящена истории повседневной жизни рабочих на рубеже эпох – в первое десятилетие советской власти. Показана динамика изменений в их быту в связи с переходом от политики военного коммунизма к новой экономической политике. Рассматривается широкий комплекс вопросов, связанных с жизнью наемных работников, проблема трудоустройства, условия труда и взаимоотношения в трудовых коллективах, уровень медицинского обеспечения и других видов социального страхования, жилищные условия, доходы и расходы рабочих семей, характер их питания. Показаны способы приспособления рабочих к новым условиям жизни и их протестные действия. Однако данное исследование не рассматривает специфику семейной политики Донбасса в указанный период [10].

Среди современных отечественных ученых, которые в своих работах рассматривают некоторые аспекты уклада советской семьи, необходимо назвать Н.Л. Пушкареву, А.А. Темкину, Е.А. Здравомыслову, Г.М. Цинченко и др. [11].

При изучении развития советской семьи в Донбассе важно учесть научные разработки И.В. Стрионовой. В своих работах она исследовала численность городских семей Донбасса, изменение семейных взаимоотношений, особенности семейного права нашего региона, а также некоторые аспекты быта и досуга рабочих семей [12].

В монографии Дмитрик И.А., Никольского В.Н. «Соціальна політика радянської держави та її реалізація в Донбасі періоду НЕПУ (1921-1928 рр.)» подведены итоги научного поиска авторов по исследованию проблем разработки и внедрения государственной социальной политики в Донбассе в годы НЭПа. Рассмотрены доходы и расходы различных групп населения, социальная защита и функционирования социально-бытовой сферы [13].

Рассматривая проблему семейной политики, необходимо остановиться на вопросах создания сети детских учреждений для «физически и морально-

дефективных» детей в Донбассе в указанный период. Данной проблематике, к сожалению, посвящено незначительное количество научных работ: статья О.И. Анатольевой «Профилактически-воспитательные методы борьбы с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в УССР в 20-х годах», труд В.И. Виноградовой «Проблема преступности несовершеннолетних в Украине в 20-е годы XX века», учебное пособие Н.В. Рябиной «Детская беспризорность и преступность в 1920-е годы», монография Анпиловой Т. Ю. «Детская беспризорность на Луганщине 1920–1930-х гг.: генезис и пути ликвидации», статья Липинского В.В. «Детская беспризорность в Донбассе в 1920-е годы»[14]. В упомянутых публикациях, в основном, раскрываются вопросы общего характера государственной борьбы с детской беспризорностью и преступностью, и только частично освещаются проблемы создания и функционирования сети специальных учреждений для несовершеннолетних преступников. В рамках исследования семейной политики в Донбассе данная проблема может стать предметом специального исследования.

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. начались политические, экономические и социокультурные преобразования, среди которых важное место отводилось трансформации семейно-брачных отношений. Об этом свидетельствует отечественная историография, в которой до сих пор нет однозначной оценки процесса становления советской семьи как института государственной политики в исследуемый период. Не изучено также формирование этого процесса и на региональном уровне, что, безусловно, вызывает потребность для серьезного исследования. В настоящее время исследовательский интерес в области политики и института семьи в Донбассе сосредоточен на изучении государственной семейной политики.

Таким образом, проведя историографический обзор политики советского государства в отношении семьи в Донбассе в 1920-1930-е гг., можно предоставить общую характеристику научной литературы, в которой рассмотрены лишь отдельные аспекты жизни советских семей. Следует отметить, что, несмотря на значительное количество научных трудов, еще не проведено комплексное исследование, связанное с проблемами уклада советской семьи непосредственно в Донбассе, что дает основание для дальнейшего исследования историографии и источниковой базы данной проблемы.

Ссылки и примечания:

1. Семья: история и современность. Хрестоматия. М.: Изд-во Российского государственного социального университета, 2005. 324 с.
2. Луначарский А. О быте. М.-Л., 1927, 125 с. // Переработанная стенограмма доклада Луначарского, прочитанного им в Ленинграде 18 ноября 1926 года; Луначарский А.В. Мораль и свобода. Красная новь / А.В Луначарский, М., 1923, №3.

3. Смидович С. Молодежь и любовь / С. Смидович // «Быт и молодежь». М., 1926, с. 62-63; Ярославский Е. Мораль и быт пролетариата в переходный период / Е. Ярославский // «Молодая гвардия», 1926. №5, 180 с.; Коллонтай А.М. Семья в коммунистическом обществе / А.М. Коллонтай. Одесса: Государственное издательство «Москва-Петроград», 1919. 75 с.; Вольфсон С.Я. Социология брака и семьи. Опыт введения в марксистскую генеалогию / С.Я. Вольфсон. М., 1925. 435 с.
4. Гуполов Ю.В. Становление концепции института советской семьи (1918-1930 гг.) / Ю.В. Гуполов // Ученые записки РГСУ. М., 2009. №4. С.90-93.
5. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР / А. Г. Харчев. 2-е изд. М.: Мысль, 1979. 367с.; Харчев А.Г. Быт и семья в социалистическом обществе / А. Г. Харчев. Л.: Знание, 1968.
6. Васильева Э. К. Семья в социалистическом обществе / Э. К. Васильева. М.: Мысль, 1985. 154 с.; Васильева Э.К. Образ жизни городской семьи / Э. К. Васильева. М.: Финансы и статистика, 1981. 96 с.
7. «Брак нужно регистрировать» // Луганская правда, 1926, № 5.
8. Либерман Л.В. Труд и быт горняков Донбасса прежде и теперь / Л.В. Либерман. М.: Мосполиграф, 1929. 135 с.
9. Гопанчук В. С. Семейное право Украины / В. С. Гопанчук. К., 2002. 299 с.
10. Мовчан О. М. Повсякденне життя робітників УСРР. 1920-ті рр. / О.М. Мовчан. К.: Інститут історії України НАН України, 2011. 312 с.
11. Пушкарева Н.Л. Женщина, семья, гендерная система: противоречивая история XX века // Феномен семьи в ракурсе видения социальных и гуманитарных наук / Ред. З.З.Мухина. Старый Оскол, 2008; Введение. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда. Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности / Под редакцией Е. Здравомысловой, А. Роткирх и А. Темкиной. СПб: Издательство ЕУСПб. 2009. С. 7-30; Цинченко Г.М. Политика в отношении семьи в первые годы советской власти / Г.М. Цинченко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2015, № 1 (37), С. 174-182.
12. Стрионова И.В. Дискуссии о семейном кодексе в СССР в середине 1920-х годов / И.В. Стрионова // Новые страницы истории Донбасса: сборник статей. Кн.20 Донецк, ДонНУ, 2011. С.79-87; Стрионова И.В. Практика супружеских отношений в период формирования советского гендерного строя в 1920 - 1930 гг. / И.В. Стрионова // Новые страницы истории Донбасса: сборник статей. Кн.22. Донецк, ДонНУ, 2013. С.162-174.
13. Дмитрик І.О., Нікольський В.М. Соціальна політика радянської держави та її реалізація в Донбасі періоду НЕПУ (1921-1928 рр.) / І.О. Дмитрик, В.М. Нікольський. Донецьк : ДонНУ, 2011. 172 с.
14. Анатольева О.И. Профилактически-воспитательные методы борьбы с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних в УССР в 20- х годах // Электронный ресурс: режим доступа: http://www.institutemvd.by/components/com_chronoforms5/chronoforms/uploads/20171221122819_Anatoljeva.pdf;

Рябина Н. В. Детская беспризорность и преступность в 1920-е гг. Ярославль, 1999; Анпилогова Т. Ю. Детская беспризорность на Луганщине 1920 – 1930-х гг.: генезис и пути ликвидации: монография / Т. Ю. Анпилогова. – Луганск: [б. и.], 2016. 176 с.; Липинский, В.В. Детская беспризорность в Донбассе в 1920-е годы / В.В. Липинский // Новые страницы истории Донбасса: сборник статей. Кн.7. Донецк, ДонНУ, 1999. С.243-248.

УДК 930.2:394(477.62)«1945/1964»

Н.Н. Старченко

аспирант,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: starchenko.natalya@mail.ru

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА СТАЛИНО (ДОНЕЦКА) 1945 – 1964 ГГ. В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация

Рассмотрены актуальные вопросы истории повседневности в отечественной историографии, основные тенденции развития данного историографического направления применительно к периоду 1945 – 1964 гг. советской истории.

***Ключевые слова:** историографический анализ, история повседневности, советское общество, уровень жизни, социально-бытовые проблемы.*

Summary

In the article considered current issues of the history of everyday life in the national historiography, the main trends in the development of this historiographical direction in relation to the period of 1945 – 1964 of the Soviet history.

***Keywords:** historiographical analysis, daily life history, Soviet society, standard of living, social problems.*

История повседневности в отечественной историографии представляет собой сравнительно молодое направление, являясь, на данный момент и одним из малоисследованных. По мнению академика Ю.А. Полякова, важнейшей задачей современной историографии стало изучение не столько производственной и политической деятельности, не столько культурных и научных достижений

человечества, сколько «самого человека, как такового, его жизни, какой она была и какой стала» [1].

Историография истории советской повседневности периодов «послевоенного сталинизма» и «хрущевской оттепели» относится в науке к так называемой проблемной историографии, так как ставит цель всесторонне исследовать именно ежедневную, обыденную жизнь советского человека в обозначенный период.

Цель данной работы – рассмотреть актуальные вопросы истории повседневности в историографии, проанализировать основные тенденции развития данного историографического направления применительно к периоду 1945 – 1964 гг. советской истории.

В СССР, а впоследствии на территориях постсоветской России и Украины, изучение истории повседневности развивалась, преимущественно, под влиянием французской школы «Анналов». Первые попытки изучить мир повседневности, сделанные в 20-е годы XX века, принадлежат именно школе «Анналов» и одному из ее представителей Ф. Броделю. Он ввел в научный оборот термин «повседневность», сделав первую попытку комплексного анализа повседневной жизни людей.

Историографический анализ исследуемого периода обуславливает выделение двух этапов истории ее изучения. Первый из них относится к 1950 – 80 гг., а второй охватывает 1990-е гг. – начало XXI в.

Изменение политической ситуации в стране в середине 1950-х гг. и некоторое ослабление идеологического влияния в годы «оттепели», а также появившаяся возможность частичного доступа к партийным и государственным архивам вызвали заметный интерес историков к изменениям в жизненном уровне населения, которые произошли после смерти Сталина. В основном для 1950–60-х гг. было характерно появление научных трудов, в центре внимания которых находились вопросы деятельности партии по улучшению социально-бытовых условий и систематическому повышению уровня жизни населения [2].

Основное внимание советских историков в 1960-е гг. уделялось анализу заработной платы, которая в исследуемый период являлась основным источником доходов рабочих. Исследователи отмечали, что заработная плата обеспечивала 75–80 % всех потребляемых благ и услуг и составляла примерно 85-95 % всех денежных доходов рабочих [3].

В 1960 – 1970-е годы материально-бытовые условия основной массы населения СССР, по сравнению с первым послевоенным десятилетием, значительно улучшилось. Это благоприятно сказалось на массовых настроениях людей. Жизнеутверждающую атмосферу духовной жизни среди населения страны, успехи СССР в социальной сфере пытались показать советские историки, экономисты, социологи [4]. Необходимо учитывать время написания этих исследований: авторы не могли остаться вне идеологической и политической конъюнктуры, поэтому в основном в трудах ученых замалчивались негативные явления повседневной жизни основной массы населения.

Как уже указывалось выше, советская историческая наука уделяла вопросам быта, будничной жизни широких народных масс СССР очень мало внимания. Только лишь в многотомных изданиях по истории рабочего класса, вышедших уже в перестроечные 1980-е годы, имеются разделы об уровне жизни рядовых тружеников индустрии и сельского хозяйства, весьма осторожно говорится о трудностях и нерешенных проблемах в социальной сфере [5]. Бытовые трудности объяснялись тогда в основном тяжелыми последствиями войны.

Для литературы, созданной на первом этапе, было характерно то, что в ее основе лежала концепция коммунистического строительства, впоследствии трансформировавшаяся в концепцию развитого социализма, предполагавшая непрерывность роста общественного благосостояния, улучшение условий жизни трудящихся и общую бесконфликтность развития жизни общества. Стоит отметить, что подобный подход мешал глубокому анализу советской повседневности.

В современной российской историографии направление история повседневности (особенно советского и постсоветского периодов) стремительно развивается еще с середины 1990-х годов и на сегодняшний день имеет как собственный методологический, так и уникальный практический материал.

В 1993 г. Российский государственный гуманитарный университет реализовал масштабный проект под названием «Россия XX в.» под общей редакцией академика Ю. Афанасьева. Четвертая книга этого издания называется «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал» [6].

В 1999 г. вышла в свет в Московском издательстве «Российская политическая энциклопедия» монография Елены Зубковой «Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945 – 1953». Один из разделов книги имеет характерное название «Стратегия выживания», где рассматриваются особенности послевоенной повседневности, а именно, способы выживания людей во время голода 1946 – 1947 гг., влияние на повседневную жизнь послевоенной преступности и др. [7].

В 2000-х гг. интерес к советской повседневности только возрос. Если в 1990-х гг. преимущественно создавались мини-антологии повседневной жизни, и зачастую повседневность выступала как иллюстрация достижений или промахов власти, например, в вышеуказанной монографии Е. Зубковой, то в 2000-х гг. произошли характерные качественные изменения. Появился ряд серьезных монографических изданий и сборников по истории советского общества и его повседневной жизни [8].

В советской историографии, в общем контексте изучения истории Украины, данная проблема нашла отображение на страницах таких изданий, как – «История городов и сел Украинской ССР. Донецкая область», «История рабочих Донбасса», «Робітничий клас Української РСР (1946 – 1970 рр.)» В. Романцова [9], так и в исследованиях, где изучалась история восстановления послевоенного Донбасса [10]. Следует отметить, что в указанных работах содержится значительный фактический материал.

Исследователями собран обширный фактографический материал по истории повседневности, что отразилось в ряде специальных научных публикаций. Среди ученых, касавшихся в своих трудах исследуемой проблемы, можно назвать В.М. Даниленко, О.В. Стяжкину, М.В. Поповича, В.В. Кононенко, О. Рабенчука, О. Янковскую, З.Г. Лихолобову, М.С. Герасимову, О.Д. Исайкину, А.А. Саржана, А.В. Броваря, Л. Ковпака и других. Для автора эти научные труды обеспечили интересный и редкий материал по исследуемой проблеме. В них структурно рассматриваются отдельные вопросы, такие как: изменения в социально-экономической жизни Донбасса [11], бытовые условия жизни населения Украины и в частности Донбасса [12] и другие [13]. В трудах Т.В. Вронской, М.С. Герасимовой, О.Д. Исайкиной исследования основываются не только на архивных документах, но и на материалах устной истории. В работах предложены новые подходы изучения истории повседневности, внимание авторов сосредоточено на человеке, его мыслях и чувствах.

Отдельные аспекты повседневной жизни населения Донбасса изучались на диссертационном уровне донецкими историками А.А. Саржаном, М.С. Герасимовой, О.Б. Пеньковой, К.В. Кузиной. Внимания заслуживают также научные статьи о послевоенном Донбассе, таких авторов как М.С. Герасимова, А.А. Саржан, Э.Л. Кравченко, М.А. Алфёров, Н.М. Касьянова, О.В. Косиненко, К.В. Кузина, Н.Ф. Шипик, А.В. Бровар, Л.О. Краснопёрова, И.М. Есип и другие – опубликованные в сборниках статей («Нові сторінки історії Донбасу», «Історичні і політологічні дослідження») в 1994 – 2014 гг. Научные статьи дополняет литература о Донецке – статьи Е. Ясенова, опубликованные в периодических изданиях, а затем собранные в книге «Город который придумал Юз», совместные труды В.П. Степкина и В.И. Гергеля о полной истории Юзовки – Сталино – Донецка [14]. Следует также выделить и художественную литературу – Борис Горбатов «Слово о быте шахтеров» [15].

История повседневности достаточно многопланова, поэтому она нуждается в таком же разнообразии источников. Внушительный процент составляют труды о советской повседневности. Среди многочисленных публикаций можно определить тематические приоритеты в общей проблематике повседневности: материально-бытовое обеспечение, жилищно-коммунальная сфера, отдых и досуг, семейно-брачные аспекты, гендерные проблемы социализации. Также стоит отметить, что наработки по истории повседневности, сформированные в интеллектуальной среде российской исторической науки – это уникальный опыт и научный запас знаний, который будет благоприятствовать развитию истории повседневности в Донбассе.

Ссылки и примечания:

1. Поляков Ю.А. Человек в повседневности // Вопросы истории. М., 2000. № 3. С. 125-127.
2. Харитонов А.Е. Основные этапы жилищного строительства в СССР // Вопросы истории. 1965. № 5. С. 63-67; Боромлей Н.Я. Уровень жизни в СССР.

- 1950–1965 // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 3-18; Гордон Л.А., Левин Б.М. Пятидневка: культура и быт. М., М.: Профиздат, 1967. 79 с.; Рабочий класс СССР (1951–1965 гг.). М.: Наука, 1969. 558 с. и др.
3. Фигурнов, С. П. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР / С. П. Фигурнов. М.: Соцэкгиз, 1960. 199 с.; Казанцев, Б. Н. Рост реальной заработной платы и доходов рабочих промышленности СССР в 1951–1958 гг. // История СССР. № 3. 1966. С. 10-27.
 4. Агабабян Э.М. Экономический анализ сферы услуг. М.: Экономика, 1968. 272 с.; Думнов Д. И. Бюджет времени населения. М., 1984; Игнатов И. Д. Развитие торговли в СССР после окончания Великой Отечественной войны. – М., 1961; Гордон Л. А., Клопов Э. В. Социальное развитие рабочего класса СССР / Л. А. Гордон, Э. В. Клопов, кандидаты ист. наук. М.: Знание, 1974. – 62 с.; Рабочий класс СССР. 1951 – 1965 гг. М.: Наука, 1969; Рабочий класс СССР. 1966 – 1970 гг. М.: Наука, 1979 и др.
 5. История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 4. М.: Наука, 1987; Т. 5. М.: Наука, 1988.
 6. Удод О. Історія повсякденності: питання історіографії // «Історія повсякденності: теорія та практика»: матеріали Всеукр. наук. конф., Переяслав-Хмельницький, 14–15 трав. 2010 р. / [Упоряд.: Лукашевич О.М., Нагайко Т.Ю.]. Переяслав-Хмельницький, 2010. С. 21.
 7. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945-1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
 8. Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Булавин, 2003. 340 с.; Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20-30-е годы). М.: Мол. гвардия, 2003. 253 с.; Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004. 277 с.: ил. Нация и культура и др.
 9. Історія міст і сіл Української РСР: у 26 т. Донецька область / гол. ред.: Тронько П.Т. (голова) [та ін.]. К.: Укр. рад. Енциклопедія, 1970. 992 с.; История рабочих Донбасса. В 2-х т. Т. 2: Рабочие Донбасса в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму / Глав. ред. Ю.Ю. Кондуфор. К.: Наукова думка, 1981. 432 с.; Романцов В. Робітничий клас Української РСР (1946-1970 рр.). К., 1972. 219 с.
 10. Хорошайлов Н.Ф. Возрождение всесоюзной кочегарки. Из истории восстановления Донбасса в 1946-1950 гг. Исторический очерк / Н.Ф. Хорошайлов. Донецк: «Донбасс», 1974. 151 с.; Он же. На відбудові. З історії відбудови Донбасу / М.Ф. Хорошайлов. Донецьк: «Донбас», 1966. 178 с.
 11. Саржан А.О. Зміни в соціально-економічній сфері Донбасу. Друга половина 40-х - кінець 80-х рр. ХХ ст. Донецьк: ООО «Либідь», 2004. 368 с.; Саржан А.О. Новітня історія Донбасу (1945-1999 рр.): [навч. посібник] / А.О. Саржан. Донецьк: Сталкер, 1999. 463 с.; Бровар О.В. Вугільна промисловість Донбасу у 40-60-х рр. ХХ ст.: проблеми соціального розвитку: монографія / О.В. Бровар. Донецьк: Юго-Восток, 2009. 365 с.; Бобровський А.С. Соціальна політика

- радянської держави та її реалізація в Донбасі у 1943середині 1960-х років: / А.С. Бобровський, В.М. Нікольський. Донецьк: Норд-Пресс, 2008. 245 с.; Он же. Соціальне забезпечення населення Донеччини у другій половині 1940-хсередині 1960-х років / А.С. Бобровський // Наука. Релігія. Суспільство. 2005. № 4. С. 95-102.
12. Ковпак Л. Соціально-побутові умови життя населення України в другій половині ХХ ст. (1945-2000 рр.) / Л. Ковпак. К.: Ін-т історії України НАН України, 2003. 230 с.; Герасимова М.С. Повсякденне життя населення Донбасу в 1945 - 1955 рр.: дис. канд.іст.наук: 07.00.01 / Герасимова М. Донецьк, 2007. 280 с.; Ісайкіна О. Побут і дозвілля міського населення України у повоєнний період (1945 - 1955 рр.): дис. канд. іст. наук : 07.00.01 / Ісайкіна О. К., 2004. 274 с.
13. Герасимова М.С. Житлова проблема в повсякденному житті населення Донбасу в 1945 - 1953 рр. // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Зб. статей / Відп. ред. В. М. Даниленко. К.: Інститут історії України НАН України, 2007. Вип. 11. С. 299- 317; Она же. Девіантні форми поведінки у буденному житті населення Сталінської області в перші післявоєнні роки (1945-1953 рр.) // Історичні і політологічні дослідження. Донецьк, 2002. № 3/4. С. 141-149; Бровар О.В. Соціальне забезпечення працівників вугільної промисловості Донбасу у 1943-1964 рр. // Історичні і політичні дослідження. Донецьк, 2008. №1-2(37-38). С. 112-120; Краснопорова Л.О. Процес житлового благоустрою у містах Донецької області (1943-1964 рр.). Історичний аспект. // Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. Кн. 21 / Заст. Гол. ред. О.В.СтяжкінаДонецьк, 2012. С. 216-224; Кузіна К.В. Організація побутового обслуговування населення в шахтарських містах Донбасу у 1950-80-і рр. // Історичні і політичні дослідження. Донецьк, 2010. №1-2(43-44). С. 199-205.
14. Стёпкин В.П., Гергель В.И. Полная история Донецка. Донецк: Алекс, 2008. 560 с.; Ясенов Е. Город, который придумал Юз. Донецк: «Донетчина», 2009. 272 с.
15. Борис Горбатов. Слово о быте шахтёров (очерк) // Борис Горбатов. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 3. / Составитель: А.В. Терновский. М.: Правда, 1988. С. 416-428.

УДК 94(477.6):622:867

А.В. Павлова

аспирант,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: angelina.pavlov@yandex.ua

«ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОРНОСПАСАТЕЛЬНОГО ДЕЛА В ДОНБАССЕ»

Аннотация

В статье автором предпринята попытка периодизации основных этапов истории становления и развития горноспасательного дела, как отдельной отрасли горного дела в Донбассе, на основе анализа новейшей исторической и специальной литературы, охватывающей научные основы, технику и организацию спасения людей, а также профилактику и ликвидацию аварий в угольных и рудничных шахтах Донбасса.

Ключевые слова: *горноспасательное дело, горное дело, спасательные станции, горнорабочие, безопасность труда, профилактика аварий, горная наука*

Summary

In the article, the author attempted to periodize the main stages of the history of the formation and development of the mine-rescue business as a separate mining industry in the Donbass, based on an analysis of the latest historical and specialized literature covering scientific fundamentals, technology and organization of rescue people, and the prevention and elimination of accidents in coal and mines of Donbass.

Keywords: *mining and rescue, mining, rescue stations, miners, occupational safety, accident prevention, mining science*

Развитие Донецкой Народной Республики, ее независимость, экономическая и политическая стабильность в большой степени обусловлены наличием, разработкой и степенью использования собственной топливно-энергетической базы. Традиционно основным направлением топливно-энергетического комплекса Донецкого края была и остается угледобыча.

Угольная промышленность продолжает оставаться одной из самых опасных отраслей промышленности не только в Донбассе, но и во всем мире. Тяжелые условия труда, требующая постоянной переоценки система оплаты труда горняков, высокий уровень производственного риска, утрата здоровья и гибель шахтеров – все это провоцирует постоянные конфликты в шахтерской среде и

социальную напряженность среди населения в регионах, где активно добывают каменный уголь.

Потенциальная опасность труда горнорабочих, а также, несоблюдение руководителями угледобывающих предприятий, подчас и самими шахтерами, элементарных требований по охране труда приводит к авариям и катастрофам, которые сопровождаются гибелью людей и существенными материальными убытками для производства и государственного бюджета.

Несчастные случаи на шахтах продолжаются и в наше время. Поэтому тема предупреждения и профилактики аварий на угольном производстве, а также выработка мер по ликвидации уже случившихся катастроф является для нас актуальной.

Данной проблематикой занимается отдельная отрасль горного дела – горноспасательное дело.

Цель данного исследования обусловлена актуальностью избранной тематики и предполагает разработку периодизации исторического процесса развития горноспасательного дела как самостоятельной отрасли горного дела в Донбассе.

При изучении историографии по данной тематике автором был сделан вывод о том, что какой-либо систематизированной работы в исторической науке учеными-краеведами проведено не было, что значительно сужает социально-экономический аспект истории нашего края.

Только в диссертационном исследовании Касьяновой М.Н. «Гірничорятувальна служба в Донбасі (к. ХІХ ст. – п. ХХ ст.)» нашли свое отражение поднимаемые в данном исследовании вопросы, но только для периода середины ХІХ – начала ХХ вв.

Касьяновой М.Н. исследованы проблемы становления горноспасательной службы под влиянием деятельности общественных деятелей и представительных организаций буржуазии (Съезд горнопромышленников Юга России), а также горных инженеров – энтузиастов своего дела (Д.Г. Левицкий, Н.Н. Черницын, И.И. Федорович, Л.М. Антонович, А.А. Скочинский и др.), испытательная работа которых легла в основу будущей научной отрасли – горноспасательного дела. Рассмотрена деятельность рудничных спасательных станций в плане выполняемых ими функций и поставленных задач по спасению и предотвращению гибели горнорабочих, ликвидации последствий аварий на шахтах. В результате анализа собранных автором данных сделаны выводы о том, что для рудников ХІХ – начало ХХ вв. самоспасение – основной принцип организации спасательных работ, а «Правила по безопасности горных работ» – прообраз правил по технике безопасности и охране труда в горнодобывающей промышленности [1].

Этот же период охарактеризован в статье Тарнавского И.С. «Возникновение первой горноспасательной станции в Донбассе», где рассмотрена история создания и деятельности Макеевской центральной спасательной станции периода конца ХІХ – начало ХХ вв., деятельность Левицкого Д.Г. по созданию

спасательных станций, курсов для горняков, открытие школы горных десятников, по обеспечению шахт и команд спасательной техникой [2].

В статье Касьяновой М.Н. «Гірничорятувальна служба в Донбасі в роки Другої світової війни» автором дан анализ состояния горноспасательной службы в Донбассе в годы Второй мировой войны на основе изученной литературы и найденных источников. Сделан вывод о том, что изменения, коснувшиеся всей угледобывающей отрасли в эти годы, не могли не найти свое отражение и в деятельности горноспасательной службы.

Касьянова М.Н. снова акцентирует внимание на отсутствии в исторической литературе серьезных работ по данной тематике. Историографической базой ее исследования являются систематизированные и фундаментальные труды горных инженеров, которых в советский период появляется все больше [3].

Все выше приведенные работы донецких историков были изданы до 2014 года и относятся к периоду, когда Донбасс в совокупности с территориями современных ДНР и ЛНР составлял общее с Украиной политическое, социально-экономическое и культурное пространство.

В сложных условиях военной агрессии Украины против ДНР и ЛНР возникает необходимость переосмысления рассмотренных этими авторами интересующих нас исторических процессов.

Российские ученые – представители горной науки (Санкт-Петербургский Горный Университет), представители ведомственных вузов и НИИ (Академия ГПС МЧС России, Санкт-петербургский университет ГПС МЧС России, Научно-исследовательский институт горноспасательного дела (г. Кемерово), ФГБУ Всероссийский научно-исследовательский институт по проблемам гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций МЧС России) рассматривают проблему безопасности горных работ в Донбассе, начиная с XIX века, но уже в контексте деятельности горноспасательной службы в России [4].

Горноспасательное дело – отрасль горного дела, которая разрабатывает научные основы и осуществляет комплекс организационных мероприятий по борьбе с авариями в шахтах.

К аварийноопасным процессам относятся: взрывы метана («гремучего газа»), угольной пыли; экзогенные (от внешнего источника) и эндогенные пожары (самовозгорание углей); внезапные выбросы газа, угля и породы; горные удары; внезапные прорывы в горной выработке плавунов, подземных и поверхностных вод [5].

Горное и горноспасательное дело как отдельные отрасли науки и техники являются неразрывными составляющими в системе угледобывающей промышленности Донбасса, и должны рассматриваться в контексте всей истории ее развития.

По мнению российских авторов В.Д. Марковой и С.А. Кузнецовой, отрасль, как и товар, имеет свой жизненный цикл. В ней можно выделить следующие основные стадии: зарождение, рост (становление), зрелость и спад [6].

В своей работе «Формирование жизненного цикла угольной промышленности Донбасса» И.К. Сапицкая делает вывод о том, что в процессе своего развития угольное производство в Донбассе прошло несколько этапов, которые составляют его жизненный цикл.

Проведенный автором ретроспективный анализ позволил выделить следующие этапы жизненного цикла угольной промышленности Донбасса: *этап зарождения* (начало XVIII – середина XIX вв.); *этап роста* (середина XIX – начало XX вв.); *этап разрушения* (1917-1922 гг.); *этап восстановления, или повторный рост* (1923-1940 гг.); *этап «повторное разрушение»* (1941-1943 гг.); *этап «повторный рост»* (1943-1955 гг.); *период становления или зрелости* (1956-1985 гг.); *спад или кризисные явления* (1986 г. – по настоящее время).

Автор достаточно уверенно аргументирует данную хронологическую периодизацию и одновременно характеризует влияние происходивших исторических событий на развитие отрасли и объемы добычи угля [7].

Похожие критерии в периодизации социально-экономического развития края мы находим в монографии А.А. Саржана «Трансформация промышленного сектора экономики Донбасса (1945 – 2013 гг.)», в которой автором раскрыты процессы трансформации всех отраслей промышленного сектора экономики Донбасса во второй половине XX – начале XXI века, при этом особое внимание уделено угольной, металлургической, машиностроительной, химической промышленности и электроэнергетике [8].

В диссертационных исследованиях Броваря А.В. [9] и Тарнавского И.С. [10] рассмотрены вопросы развития угледобывающей промышленности Донбасса в период немецкой оккупации (1941-1943 гг.) и в период восстановления экономики и промышленности края после Великой Отечественной войны (1943-1964 гг.). И выбранные этими историками периоды для проведения исследований также соответствуют рассмотренным ранее критериям периодизации угледобывающей промышленности Донбасса.

Таким образом, мы можем предположить, что периодизация исторического процесса развития горноспасательного дела как самостоятельной отрасли горного дела в Донбассе, учитывающая этапы жизненного цикла угольной промышленности, наиболее полно отражает и изменения, происходившие в развитии горноспасательного дела как неотъемлемой части всей угледобывающей промышленности нашего края в период с начала XVIII века и по настоящее время.

Ссылки и примечания:

1. Касьянова М.М. Гірничорятувальна служба в Донбасі (к. XIX ст. – п. XX ст.): дисертація на здобуття ступеню кандидата історичних наук: 07.00.01. Донецьк, 2008. 220 с.
2. Тарнавский И. С. Первая гоноспасательная станция Донбасса // Летопись Донбасса. Вып. II. Донецк, 1994. С. 72-76.

3. Касьянова М. Гірничорятувальна служба в Донбасі в роки Другої світової війни [Электронный ресурс] // Волинські історичні записки. Том 4. 2010 р. URL: http://eprints.zu.edu.ua/4785/1/kasianova_m.pdf (Дата обращения: 31.03.2019)
4. Щаблов Н.Н., Виноградов В.Н., Гаврилова О.В. Становление и развитие горноспасательного дела в России / Н.Н. Щаблов, В.Н. Виноградов, О.В. Гаврилова // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. № 4 (21). Спб., 2013. С. 58 – 68.; ВГСЧ: вчера, сегодня, завтра. Горноспасательное дело в России. М.: ФГБУ ВНИИГОЧС, 2013. 180 с.; Горноспасательное дело в России [Электронный ресурс] URL:<http://www.referat911.ru/bezopasnost-jeznedeyatelnosti/gornospasatelnoe-delo-v-rossii/320516-2709083-place1.html> (Дата обращения: 31.03.2019)
5. Соболев Г.Г. Горноспасательное дело [Электронный ресурс] / Горная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. Под редакцией Е.А.Козловского URL:https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geolog/1535/Горноспасательное (Дата обращения: 31.03.2019)
6. Сапицкая И.К. Формирование жизненного цикла угольной промышленности Донбасса [Электронный ресурс] URL:<https://cyberleninka.ru/article/v/formirovaniye-zhiznennogo-tsikla-ugolnoy-promyshlennosti-donbassa> (Дата обращения: 31.03.2019)
7. Маркова В.Д., Кузнецова С.А. Стратегический менеджмент. М.: ИНФРА-М, 1999. 288 с.
8. Саржан А.А. Трансформация промышленного сектора экономики Донбасса (1945 – 2013 гг.). Монография. – Донецк: ДОННТУ, 2017. 331 с.
9. Бровар О.В. Соціальні умови розвитку вугільної промисловості Донбасу (1943-1964 рр.): дисертація ... д-ра історичних наук: 07.00.01. Донецьк, 2010. 379 с.
10. Тарнавський І.С. Німецько-фашистський окупаційний режим в Донбасі (1941-1943 рр.): дисертація к істор. наук: 07.00.01. Донецьк, 1999. 212 с.

Отечественная и региональная история

УДК: 94(477.6) ".../5"

А.В. Колесник

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: akolesnik2007@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ДОНБАССЕ В ПЕРИОД С РУБЕЖА V-IV ДО СЕРЕДИНЫ III ТЫС. ЛЕТ ДО Н.Э.¹

Аннотация

Практически на всем протяжении периода древней истории в Донецком регионе развивались экономики и системы землепользования, основанные на различных формах скотоводства и земледелия при доминировании (в конце периода – тотальном) скотоводства. Происходило последовательное освоение степных пространств Донбасса в рамках различных систем расселения: от стационарных и полу-оседлых к высококомобильным. Общий тренд развития экономики в этот период – от пастушеских к кочевым экономикам. Наиболее комплексным было землепользование в период поздней бронзы, когда в одинаковой степени использовались различные ландшафты. В этот же период истории складывается особый экономический район – Донецкий горно-металлургический центр (ГМЦ), основанный на добыче медной руды и плавке меди.

Ключевые слова: Донбасс, Древний Мир, пастушество, пашенное земледелие, скотоводство.

Summary

From the point of view of natural and climatic history, in Eastern Europe, the Ancient period coincides with the end of the Holocene first climate optimum and the establishment of a relatively cool and dry climate within the modern zoning. Throughout this entire historical period, economies and land-use systems based on different forms of cattle breeding and agriculture with domination (total domination by the end of the period) of cattle breeding developed. There was a consistent development of the Donbas steppe expanses within the framework of different settlement systems: from stationary and semi-sedentary to highly mobile ones. The general trend of economic development

¹Статья продолжает тематику, начатую ранее [1].

during this period is from pastoral economies to nomadic ones. According to this trend, land-use systems have been dynamically changing. There is a regularity: in intensive agricultural and pastoral economy (the Chalcolithic and Early), they developed river valleys a limited areas of adjoined steppes, and in extensive nomadic cattle breeding (Scythian-Sarmatian stage), they controlled wide steppe expanses. The most integrated land-use was during the Late Bronze Age period when different landscapes were equally used. In the same period of history, there is a special economic region, i.e. Donetsk mining and smelting center (MSC) based on copper ore extraction and copper smelting. The research materials are based on the data of archaeology, paleogeography and historical and geographical reconstructions. Internal periodization is mainly based on the stages of ethno-cultural history. The basic terminology is proposed in the previous article on this topic [1].

Keywords: *Donbas, Ancient period of history, pastoralism, arable farming, cattle breeding.*

Введение

Период с рубежа V-IV до середины III тыс. до н.э. на территории Донбасса корреспондируется с периодом истории Древнего Мира, который принято связывать с плеядой древних государств, появившихся в меднокаменном веке и сменявших друг друга до конца железного века, или до позднеримского времени. Древняя история как периодизационная единица распространяется и на обширные территории Западной Евразии, включая Донбасс, на которых государство как таковое не появилось или существовало эпизодически. Так или иначе, на землях Донбасса период древней истории был связан с переходом от регионального неолита к энеолиту, или меднокаменному веку, и ранним периодом бронзового века. Повсеместное распространение производящих экономик в пищевой сфере и ряд технических новаций в эпоху раннего металла ознаменовали собой качественно новый этап в расселении людей и формах эксплуатации недр и земной поверхности. По сравнению с каменным веком, можно говорить об интенсивных формах землепользования в силу возросшей нагрузки на ландшафтную оболочку Земли. Формальные и содержательные критерии этого периода в истории этносов и племен, проживавших на землях Донбасса, – предмет отдельной дискуссии.

Проблемы расселения и землепользования в период древней истории системно изучается представителями различных научных школ в качестве составной части экономической и демографической истории, не выделяясь полностью в отдельное направление. В рамках традиций советской исторической науки эти вопросы анализировались в основном сквозь призму экономики и социального строя древних обществ [2]; исследования в русле географического детерминизма подвергались критике за отход от стандартов классической формационной теории [3]. Вслед за работами С.Н. Бибикова [4], широкое развитие получили палеоэкономические реконструкции, в которых рассматривалась взаимосвязь экономики и природной среды, процесс расселения племен [5]. В

вопросах «географии человека», планетарного расселения *Homo sapiens* преобладали подходы на основе экологии и биологии человека, эволюционной географии, теории социобиоценозов, этнографии [6]. На этом фоне вопросы расселения и землепользования как целостной системы хозяйственной и популяционной адаптации людей в прошлом достаточно уверенно начали обособляться в качестве инструмента анализа исторического процесса. Особенности расселения и землепользования в период древней истории могут быть описаны при помощи терминов с выраженным междисциплинарным контекстом (см. глоссарий). В предлагаемом глоссарии указаны только термины с уточненной смысловой нагрузкой, важной для целей нашего анализа. Подобная «агрегация терминов» прокладывает мостик между поставленными задачами и контурами новых знаний. Отдаленным результатом исследования может стать установление закономерностей в смене типов расселения и землепользования в рамках глобального исторического процесса; среднесрочной задачей является выявление устойчивых моделей расселения и землепользования в Донбассе в период древней истории. В рамках изучения истории Донбасса такая комплексная задача ставится впервые.

Системы расселения и землепользования

Система расселения и землепользования на территории Донбасса в период археологического энеолита во многом зависела от форм организации пищевого производства. Меднокаменный век развивался в пределах климатической эпохи, связанной с окончанием атлантического периода и системным похолоданием после климатического оптимума. В это время, по Н.П. Герасименко, происходит иссушение в степной зоне, отмечается редукция древесных и широколиственных древесных пород, луговая степь сменяется разнотравно-злаковой [7].

Экономическая основа и система расселения племен меднокаменного века Большого Донбасса рассматривается с различных точек зрения. Сложилось два основных подхода в этом вопросе. Согласно первому, основу хозяйства составляло мобильное скотоводство со значительным или доминирующим удельным весом лошади в составе стада домашних животных. Земледелие рассматривается как второстепенная или вспомогательная отрасль экономики. Важную роль продолжали играть формы присваивающей экономики. Декларируется, что кости домашней лошади составляют до 65% находимых на поселениях костей животных, по материалам старых раскопок [8]. Большинство специалистов признают, что лошадь в это время была окончательно одомашненной [9], хотя есть и скептическое мнение по этому поводу. Процесс domestikации лошади, по мнению Н.С. Котовой, начался в данном секторе Евразии еще в неолите и окончательно завершился в энеолите [10]. Аналогичные процессы domestikации лошади имели место в энеолите Казахстана, однако дискуссия по поводу природы использовавшихся лошадей еще не завершена. В Северном Приазовье кости домашней лошади фиксируются уже в матвеево-курганской неолитической культуре [11]. Тезис об особой роли коневодства в

экономике, быте и социальной жизни, всадничестве, системе расселения у степных энеолитических племен в настоящее время приобрел у ряда специалистов характер аксиомы [12]

Несколько отличная точка зрения основана на признании комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства с доминированием т.н. отгонного животноводства при наличии земледелия. Речь идет о моделях полuosедлого скотоводческого хозяйства с широким использованием стада крупного рогатого скота. По данным В.И. Бибиковой, в фаунистической коллекции поселения Александрия (среднее течение Северского Донца) среди костей домашних животных преобладают остатки крупного и мелкого рогатого скота, преимущественно быка, при значительной роли лошади [13, с.134-135]. Видимо, донецко-оскольские племена среднестоговской культуры практиковали полuosедлый вариант животноводства, благодаря обильной кормовой базе в широкой и плодородной долине Северского Донца. Напомним, что в среднем течении плодородная долина Донца достигает ширины 40 и более километров. В энеолитическом слое поселение Заневское-1 О. Журавлев определяет доминирующее значение костей крупного рогатого скота при участии костей лошади, мелкого рогатого скота и диких животных [14, с.15]. Такой же тип животноводческого хозяйства отмечен в материалах поселения Серебрянское [15]. Практиковался тип животноводства, которое Н.С. Котова условно назвала восточноевропейским [16]. Для него типичен большой удельный вес лошади в составе стада домашних животных, выраженный процент крупного рогатого скота при полном отсутствии свиньи. Признаки земледелия в виде немногочисленных роговых и каменных мотыг, зернотерок и растиральников [17, с.139-140] свидетельствуют о прочном положении земледелия при относительно простых агротехнических приемах. Н.С. Котова сообщает об активной культивации пшеницы двузернянки и ячменя голозерного населением среднестоговской культуры [18, с.117].

Так или иначе, система расселения энеолитических племен бассейна Северского Донца мало соответствует охотничьим стратегиям и во многом совпадает с экономическими моделями, основанными на выпасе крупных стад одомашненных животных в экономической зоне поселений при вспомогательной роли земледелия. Это следует из концентрации известных поселений и могильников преимущественно в долинах крупных и средних рек, экологический потенциал которых в условиях растущей аридизации климата после голоценового климатического оптимума позволял поддерживать пастушеский тип хозяйства, дополненный земледелием, основанным на относительно простых способах обработки почвы. «Связанные ... с экологическими особенностями лесостепных районов поселения базировались на производящих отраслях экономики и носили стационарный характер» [19, с.324]. Тяготение поселков к широким поймам косвенно указывает на тип животноводства со значительным удельным весом крупного рогатого скота в составе стада. Наличие поселков со следами стационарных жилищ (Александрия, Серебрянское и др.) свидетельствует об

относительной оседлости населения. Это подтверждается близостью поселковых кладбищ, содержащих до нескольких десятков могил. Характерной особенностью расселения энеолитических племен в Подонцовье является групповое расположение основных поселков [20, с.170]. Эта ситуация отмечена в Черниковском Озере [21, с.51], у с. Трехизбенка на Луганщине, и в других местах. В свою очередь, в пределах Подонцовья выделяются крупные скопления поселений, или локальные группы, по крайней мере, айдарское и донецко-оскольское. Концентрация поселков в виде «узлов» предполагает наличие четких границ зон выпаса животных отдельных поселков, т.е. закрепление «поселковой собственности». Видимо, в среднем энеолите в Подонцовье оформляется сложно организованная структура территорий полуоседлого населения, состоящая из экономических зон поселков, скоплений поселков и крупных локальных групп. Любая территориальная структура сопровождается инфраструктурой, или системой коммуникаций. Следовательно, в Подонцовье в это время складывается достаточно развитая внутренняя транспортная сеть с основной транспортной водной артерией по Северскому Донцу и его притокам.

Могильники надежно отражают сложившуюся у скотоводов и земледельцев систему землепользования. Помимо грунтовых могильников вблизи сезонных или круглогодичных поселков, известно относительно небольшое количество единичных энеолитических подкурганых захоронений. Зона распространения этих погребений связана со степными участками, тяготеющими к долинам крупных рек, на удалении в пределах 20-30 км. Это означает ограниченную эксплуатацию степной зоны и косвенным образом отражает тип мобильности населения, в основе которой лежала привязанность к ресурсам поймы больших рек. Ограниченная сезонная эксплуатация пограничных с поймой степных участков не противоречит модели пастушеско-земледельческой экономики жителей речных долин Донбасса при доминировании различных форм скотоводства. Вариантность скотоводства во многом зависела от удельного веса мелкого рогатого скота в совокупном стаде домашних животных.

В настоящее время накоплена информация о кратковременных, сезонных поселках или эфемерных стойбищах в долинах небольших рек, стекающих с Кряжа, или дренирующих Северное Приазовье. Подобные поселки с остатками маломощных культурных слоев известны в долине р. Ольховой [22], у с. Белокузьминовка в долине р. Ступка в Северо-Западном Донбассе, в долине степной реки Каратюк в Северном Приазовье и в других местах. Эти памятники свидетельствуют о сезонном освоении территории Кряжа и Северного Приазовья. Судя по датировкам находок в долине р. Ольховая, процесс освоения степной зоны усилился в конце меднокаменного века. Возможно, это было связано с расширением роли овцеводства на фоне дальнейшего иссушения климата.

В целом, в энеолите отмечается относительно интенсивное освоение плодородных долин крупных рек при мозаичном заселении долин, а также систематическое (возможно, специализированное) использования прилегающей степной зоны. Наличие стационарных и сезонных поселков свидетельствует о

сезонных миграциях в рамках годового цикла, в пределах значительной по территории экономической зоны. Грунтовые могильники фиксируют родовые «домены» полукочевого населения в долине Северского Донца и стекающих рек. Структура населения степных территорий во многом не ясна. Вероятно, еще не сложился широкий контроль над степными просторами и междуречными пространствами, характерный для более поздних социумов раннего бронзового века.

Климатические изменения в период от рубежа IV-III до рубежа II-I тыс. лет до н.э. выразились в росте аридности (иссушении) природной обстановки и распространении степного покрова на границе с лесостепью, сокращении пойменных лесов. В это время происходит переход к эпохе палеолметалла и сложение первой самой крупной культурно-исторической общности (КИО) раннего бронзового века с охватом практически всей европейской степной зоны. Она была названа «ямной» по типу могильных сооружений. Курганное строительство резко возрастает в это время. Широко распространяются медные сплавы. Внедрение бронзы было частью взаимосвязанных новаций в области материального производства, экономики и системы землепользования. Одновременно формируется новый состав стада домашних животных. Революционный характер имело появление колесного транспорта.

В основе общественного прогресса всегда лежит рост народонаселения, позитивная популяционная динамика. Развитие племен ямной КИО происходило в условиях, когда пищевая отрасль экономики перешагнула рубеж достаточности и достигла уровня пищевого производства, опережающего темпы естественного прироста населения. Явные признаки «демографического взрыва» свидетельствуют об успешном развитии базисной пищевой экономики, скотоводства, которое стало качественно иным. Впервые скотоводство было направлено на получение не только мясных, но и различных молочных продуктов. Складываются предпосылки для формирования классической диеты кочевников, лишь частично зависимой от продукции земледелия [23]. Комплексный характер экономики предполагает комплексный характер землепользования, в котором, в рамках годового цикла пищевого производства, сочетались участки с различной степенью интенсивности использования. В области скотоводства, по мнению Н.Н. Чередниченко и Д.О. Воронцова, в раннем бронзовом веке формируются формы эксплуатации пастбищ с циклической сезонной нагрузкой: на участках с богатым растительным покровом сначала выпасались стада крупного рогатого скота и лошадей, затем отары менее прихотливых к кормовой базе овец [24]. В этот период происходит формирование овцеводства в качестве особой формы скотоводства. М.Я. Мерперт и его последователи развивали идею о преимущественно овцеводческом характере скотоводства ямной КИО [25]. Пространственный размах скотоводческого хозяйства можно оценить по топографии курганных могильников, которые сооружались в пределах экономической зоны общины [26]. По данным картографирования отмечено, что «ямные» курганы локализуются в основном вдоль рек и балок, заходя в степь до 3 км [27]. На участках в глубине степи

курганы с ямными могилами встречаются реже. Такое расположение некрополей ямной КИО свидетельствует о сезонном характере эксплуатации отдельных участков степи, продуктивность которых существенно менялась в течение года. Основная нагрузка ложилась на степные участки, тяготеющие к рекам и балкам. При этом, видимо, правы и те исследователи, которые включают всю глубинную степь в годовой цикл землепользования племен данного культурного типа [28]. Этому способствовало широкое развитие транспортных средств. Время существования ямной КИО ассоциируется с развитием колесного транспорта, прежде всего, простых возов с цельнодеревянными колесами, запряженных быками. Резко возросшие транспортные возможности стимулировали активную подвижность племен.

Вторым компонентом экономики обществ ранней бронзы степной полосы в сфере пищевого производства было земледелие нового типа, пашенное. Часть специалистов признавала важную роль земледелия в экономике племен ямной КИО. Такой подход выразился в тезисе о двух параллельно существовавших хозяйственно-культурных типов – скотоводов и земледельцев. Примитивное деревянное рало ямного времени хорошо известно по археологическим данным. Оно было приспособлено для неглубокой вспашки легких пойменных почв. Вероятно, практиковалось и мотыжное земледелие. Проблема земледелия тесно связана с вопросом оседлости, или поселенческих стратегий племен ямной КИО. По археологическим данным, нам известны немногочисленные поселки ямного времени. Единственное поселение со стационарными (круглогодичными) жилищами исследовано у с. Раздольное в среднем течении р. Кальмиус. Крупные поселения с остатками стационарных жилищ единичны, преобладали кратковременные сезонные стойбища с бедным культурным слоем. При такой форме контроля территории небольшие по площади посевы не нуждались в постоянной охране.

В целом, в раннем бронзовом веке происходит дальнейшее развитие систем расселения и землепользования с максимально полным использованием потенциала скотоводческо-земледельческого хозяйства в условиях актуальной на то время технической базы и относительно аридного климата.

Глоссарий

Мозаичность ландшафтов – сочетание на ограниченной территории участков пространства с различным рельефом, растительностью и животным миром; неоднородность биогеоценоза в горизонтальном направлении. Мозаичность ландшафтов повышала привлекательность территории для человека за счет суммарного разнообразия востребованных ресурсов и возможности совмещать в один годовой цикл сезоны их эксплуатации.

Культурно-историческая область (КИО) – крупная территориальная единица, в пределах которой распространена группа (группы) генетически связанных племен и племенных объединения с близким укладом жизни и общей

историей. История крупных регионов в указанный период хорошо отражена в динамике развития и замещения КИО, и т.д.

Археологическая культура – совокупность близких во времени и пространстве памятников археологии различных функциональных типов с похожим набором признаков материального комплекса. В контексте исторического анализа, археологическая культура отражает поведение (расселение, хозяйственная и бытовая деятельность, культовая практика, и т.д.) родственных групп населения, проживавшего на ограниченной территории в пределах нескольких (как правило) веков.

Хозяйственно-культурный тип (ХКТ) – вариант хозяйственной и культурной адаптации человеческих коллективов к географической среде. Концепция ХКТ была выработана в 50-е гг. в этнографической науке и широко применялась в археологических и исторических реконструкциях в 70-90-е гг. прошлого века. Хозяйственно-культурный тип отражает устойчивое сочетание поселенческих стратегий и материального комплекса со сложившейся хозяйственной специализацией при доминирующем влиянии типа хозяйства. В настоящее время термин фактически вышел из употребления, однако важен для понимания системы понятий 70-90-х гг.

Многоукладное хозяйство – комплексное хозяйство, сочетающее в себе различные по направленности и уровню организации производства и промыслы, максимально приспособленные к ресурсной базе и сложившейся экономической инфраструктуре. Элементы многоукладного хозяйства комплементарно дополняют друг друга в рамках единого экономического организма.

Экономический район – ограниченный в пространстве район концентрации природных (часто однородных) ресурсов, эксплуатация которых вызывает экономическую специализацию и получение унифицированной продукции (однотипные каменные и металлические изделия, и пр.) для внутреннего и внешнего потребления. Перенос произведенного продукта за пределы экономического района в иной район означает их экономическую связанность и порождает эффект *экономического районирования*.

Обмен (межплеменной обмен) – форма индивидуальных или групповых отношений, проявляющаяся в прямом или опосредованном эквивалентном обмене предметами, веществами и материалами, обладающими различной ценностью (производственной, потребительской, культовой, и пр.). Обмен (межплеменной обмен) в экономических целях предшествует торговле. В непищевой сфере, производство продукта для обмена способствует его унификации и серийности. В 90-е гг. активно развивалась идея *престижного обмена*, как части элитарной субкультуры.

Заключение

1. В период древней истории в системах землепользования отчетливо проявляется компенсаторный механизм: низкая плотность населения в условиях кочевого хозяйства компенсировалась чрезвычайно подвижным образом жизни;

это позволяло контролировать ресурсы относительно бедных в ресурсном плане территорий и получать приблизительно такой же совокупный прибавочный продукт, что и при ведении интенсивного земледелия на ограниченных участках в плодородных речных долинах.

2. Под воздействием прессинга стад домашних животных, систематических палов, культивации посевов, вырубки древесного и кустарникового покрова, и т.д., в этот период в степной зоне формируются отдельные участки с устойчивыми антропогенными формами растительного покрова; землепользование делает первые шаги в качестве планетарного фактора формирования ландшафтной оболочки Земли.

3. В раннем бронзовом веке, в связи с зарождением и развитием овцеводства, формируется динамичная система расселения в речных поймах и окраин открытых степей с ярко выраженной сезонностью эксплуатации отдельных участков ландшафта, появляются специфические самодостаточные диеты, основанные на мясомолочных продуктах.

Ссылки и примечания:

1. Колесник А.В. Эволюция системы расселения и землепользования в Донбассе в первобытное время // Журнал исторических, политологических и международных исследований. Исторический факультет. Сетевой журнал. № 4(67) 2018. Донецк, 2018. С.20-31.
2. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976. 191 с.
3. Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982. 334 с.
4. Бибилов С.Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // Советская археология, №4. 1969. С.5-23.
5. Саушкин Ю.Б. Географическая среда и человеческое общество // География и хозяйство, №12. М.. 1963. С.
6. Гололобов Е.И. Палеоэкономическое исследование как метод археологической реконструкции // Автореф. ... канд. ист. наук. Сургут, 1998. 17 с.; Величко А.А. Эволюционная география: проблемы и решения. М.: ГЕОС, 2012. 563 с.; Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид / Отв. ред. А.А. Величко, О.А. Соффер. М.: Наука, 1997. 302 с.
7. Герасименко Н.П. Развитие зональных ландшафтов четвертичного периода на территории Украины: автореф. ... докт. геогр. наук. К., 2004. С.24.
8. Підоплічко І.Г. Матеріали до вивчення минулих фаун УРСР, вип. 2. К., 1956. 233 с.
9. Кузьмина Е.Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // Вестник древней истории. 1996. №2; Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск, 2006. 328 с.

10. Котова Н.С. Материалы к проблеме доместикации лошади // Проблемы археологии бассейна Дона. Воронеж, 1999.
11. Крижевская Л.Я. Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб, 1992. 176 с.
12. Дергачев В.А. О скипетрах, о лошадях, о войне: Этюды в защиту миграционистской концепции М. Гимбутас. СПб, 2007. 488 с.
13. Бибииков С.Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. К истории ранних земледельческих племен на Юго-Западе Европы. МИА №38. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 439 с.
14. Теліженко С.А. Пізнійнеоліт-энеоліт Сходу України (проблемиміжкультурнихконтактів): автореф. канд. дис.: 07.00.06 / С.А. Теліженко. К., 2007. 15 с.
15. Санжаров. С.Н., Бритюк. А.А., Котова Н.С., Черных Е.А. Поселения неолита – ранней бронзы Северского Донца. Луганск: Изд-во ВНУ, 2000. 128 с.
16. Котова Н.С. Неолитизация Украины. Луганск: Шлях, 2002. 267 с.
17. Телегін Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді. К.: Наук. Думка, 1973. С.139-140.
18. Котова Н.С. Деревинская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев-Харьков, 2013. С.117.
19. Мерперт Н.Я. Энеолит Юга СССР и евразийские степи // Энеолит СССР / Археологи СССР. М.: Наука, 1982. С.324.
20. Бритюк А.А., Черных Е.А., Удовиченко Н.И., Удовиченко А.Н. Энеолитические памятники в пойме р. Ольховой на Луганщине // Археологические записки. Вып.3. Ростов-на-Дону, 2004. С.170.
21. Санжаров. С.Н., Бритюк. А.А., Котова Н.С., Черных Е.А. Поселения неолита – ранней бронзы Северского Донца. Луганск: Изд-во ВНУ, 2000. С.51.
22. Бритюк А.А., Черных Е.А., Удовиченко Н.И., Удовиченко А.Н. Энеолитические памятники в пойме р. Ольховой на Луганщине // Археологические записки. Вып.3. Ростов-на-Дону, 2004. С.163-176.
23. Бунятян Е.П. Древнейшие скотоводы украинских степей. Николаев, 1997. – 24 с.
24. Чередниченко Н.Н., Д.О. Воронцов О характере скотоводческого хозяйства эпохи ранней бронзы в степной части Украины // Проблемы охраны и использования памятников археологии Донбасса. Тезисы областного научно-практического семинара. Донецк, 1989. С.84-85.
25. Мерперт Н.Я. Энеолит Юга СССР и евразийские степи // Энеолит СССР / Археологи СССР. М.: Наука, 1982. С.321-331.
26. Котова Н.С. Деревинская культура и памятники Нижнемихайловского типа. Киев-Харьков, 2013. 485 с.
27. Шилов В.П. Модели скотоводческих хозяйств степной области Евразии в эпоху энеолита – ранней бронзы // Советская археология. 1975. №1. С.5-16.
28. Кузьмина Е.Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // Вестник древней истории. 1997. №2. С. 73-84.

УДК 94:622.3(477.6)-048.35(470)«17»

В.Л. Агапов

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: agapov_donetsk@ mail.ru

УГОЛЬНЫЙ ДОНБАСС В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ (XVIII ВЕК)

Аннотация

В статье показаны последствия указа Петра I о создании Берг-коллегии для изучения угольных залежей Донбасса, выявлены проблемные или спорные моменты в описании открытия донецкого угля, показана роль генерал-губернаторов и правителей Екатеринославского наместничества в создании основ угольной и металлургической отраслей промышленности на Юге Российского государства

Ключевые слова: *Донбасс, уголь, С. Чирков, Н. Венрейский, Г. Капустин, Г. Потемкин, модернизация*

Summary

The consequences of Peter the First decree on developing Berg Board on investigation of coal deposits in Donbas and problematic, controversial issues are shown in the article. The role of Jeneral-Yovernors and authorities of Ekatirinoslav vicegerency in creation of basics in coal and metallurgical industries in the South of Russian state is also highlighted.

Keywords: *The Donbas, coal, S. Chirkov, N. Verey, G. Kapustin, G. Potemkin, modernization*

В недавнем прошлом «Всесоюзная кочегарка» приближается к важному рубежу своей истории – 300-летней годовщине начала изучения и освоения угольных месторождений края. За почти этот период горняки разных поколений совершили свой трудовой подвиг – они подняли на поверхность (вдумаемся!) более 21 млрд т (12 км³) горной массы, в том числе, 15 млрд т (10 км³) угля[1]. Несомненно, в год «круглой даты» в сообществе историков и краеведов, экономистов и горных инженеров будут обсуждаться различные аспекты истории Донбасса. Уже сегодня имеет смысл «пошагово» проследить процесс зарождения угольной промышленности Донецкого бассейна. Рассматриваемая проблема имеет солидную историографию. Ее начало может быть связано с именем Е. П. Ковалевского, который первым дал не только геологическое описание Донецкого

кряжа, но и первым использовал приемы исторического исследования. Именно с его легкой руки достоянием общества стала приписываемая Петру I фраза: «Сей минерал, если не нам, то нашим потомкам полезен будет»[2]. Геологическому описанию некоторых наиболее крупных рудников Донбасса в работе Е.П. Ковалевского предшествует историческая справка. Так, о Лисичанском месторождении он писал: «Многие утверждают, что оно было известно уже Петру Великому, другие относят открытие его ко времени поселения в здешнем крае гусарских полков... При Лисичьей Балке производилась поверхностная разработка каменного угля для Черноморского Флота под руководством Горного Офицера Аврамова» [3]. Первой «историей» промышленного развития региона стала опубликованная в 1915 г. в Харькове «История горно-заводского дела на территории Донецкого кряжа и вблизи Керчи (1696 – 1859 гг.)» П. Н. Горлова [4]. В частности, благодаря П. Н. Горлову стало известно, что впервые о Лисичанском месторождении «узнали официально в 1790 г., когда горный чиновник Аврамов был командирован Морским Ведомством добывать лисичанский уголь» [5].

Среди публикаций, увидевших свет в послевоенные годы и углублявших знания об интересующей нас проблеме, хочется назвать труды А.А. Зворыкина [6], авторского коллектива первого тома «Истории рабочего класса Донбасса» [7]. В последние десятилетия плодотворно трудились в данном направлении В. И. Подов [8], И. С. Костыря [9] и другие. Среди названных публикаций хочется выделить монографию В.И. Подова «Открытие Донбасса: Исторический очерк. Документы (1991 г.)», в которой собраны 30 документов, относящиеся к интересующему нас вопросу.

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы, опираясь на уже опубликованные документы и результаты исторических исследований, проанализировать начальный период изучения угольных месторождений и угледобычи на Юге (Донбассе) в контексте цивилизационных трансформаций российского общества под воздействием внутренней и внешней политики государства.

Начало модернизационных процессов в российской истории связано с деятельностью Петра I. Царь понимал, что выполнение внешнеполитических задач немыслимо без современной обученной и оснащенной армии, а ее материально-техническое обеспечение невозможно без металлургической промышленности, для развития которой нужно знать запасы подземных кладовых. С целью упорядочения геологоразведочных работ Петром I 24 августа 1700 г. был издан указ о создании особого Приказа рудокопных дел – поисково-разведочного государственного учреждения. В течение 1700 – 1711 гг. Приказом было организовано исследование 121 рудного месторождения в Европейской части России. В 1711 г. после первой административной реформы Приказ был расформирован. Его функции были переданы губернаторам, что привело к остановке геолого-разведывательных изысканий. 17 мая 1715 г. по распоряжению Петра I Приказ рудокопных дел был восстановлен под названием Рудная канцелярия, и 15 июля 1715 г. она была переведена из Москвы в Петербург. В 1717 г. Петр I вернулся из-за границы, где находился с 1716 г. Начался новый этап реформирования системы

государственного управления, в том числе, и горной промышленностью. 10 декабря 1719 г. Петр I подписал «Указ об учреждении Берг-Коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах». В указе говорилось: «Соизволяется всем и каждому дается воля, какого б чина и достоинства ни был, во всех местах как на собственных, так и на чужих землях, искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы, сиречь: золото, серебро, медь, олово, свинец, железо, також и минералов, яко селитра, купорос, квасцы и всяких красок, потребные земли и каменя, к чему каждый толико промышленник принять может, колико тот завод и к тому подобное иждивение востребует». Заканчивался указ угрозой: «А тем, которые изобретенные руды утаят и доносить о них не будут... объявляется наш жестокий гнев, неотложное телесное наказание и смертная казнь» [10]. В указе речь не шла о «земляном угле», но его поиски подразумевались, поскольку в те времена для обозначения угля использовалось понятие «горючий камень». Сложившаяся практика во взаимоотношениях «сыскаателей» с Берг-коллегией была следующей: при обнаружении полезных ископаемых рудоискателям предписывалось доложить о найденном и при этом пробу обретенной руды прислать.

Петр I не мог не знать о тех проблемах, с которыми столкнулись Англия, в меньшей степени другие европейские страны, где по мере развития металлургической промышленности происходило катастрофическое обезлесивание земель. В Туле с 1703 г. уже действовал запрет на вырубку сосен и дубов как для личных нужд, так и для производства древесного кокса, что создало трудности для функционирования находящихся там металлургических заводов. Альтернативы древесному углю для выплавки чугуна в мировой металлургической практике покаяндено не было (в Англии технологии доменного производства с использованием каменного угля начнут применяться с 1735 г.). Основным регионом развития металлургической промышленности в петровскую эпоху был Урал.

Результатом петровского указа от 10 декабря 1719 г. стало открытие в 1721–1722 гг. месторождений угля в различных регионах Российской империи, в том числе, в Бахмутской провинции Азовской губернии. В какой-то мере дискуссионным является вопрос о первооткрывателе (первооткрывателях) угля в Донбассе. В начале 1990-х гг. В. И. Подов поднял вопрос о необходимости пересмотра существовавшего тогда воззрения о том, что открывателем донецких углей является Г. Капустин. Основателем этой концепции был академик Г.Д. Бакулев, автор изданной в 1955 г. монографии «Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна» [11]. В. И. Подов истинными пионерами открытия угольных месторождений Юга назвал Семена Чиркова и Никиту Вепрейского. Для изданной в 2009 г. монографии «История Донбасса» В.И. Подов написал параграф «Фальсификация документов об открытии Донбасса» [12]. Прежде чем включаться в полемику, во-первых, выясним: кто такие Никита Вепрейский и Семен Чирков. В. И. Подов называет их солеварями, людьми, взявшими на откуп бахмутский соляной промысел. В монографии «Открытие Донбасса» В. И. Подов называет их звания и должности: Н. Вепрейский – ландрат, С. Чирков – капитан, надзиратель Бахмутской крепости [13]. (Н. Вепрейского называют и правителем

Бахмута – авт.). В последней из изданных монографий «История Донбасса» В.И. Подов говорит о том, что С. Чирков командовал сторожевым батальоном в Бахмутской крепости, а «лантрат Н. Вепрейский представлял в Бахмутском округе гражданскую власть» [14]. Уточним: в 1715 г. соляные промыслы перешли в ведение казны; С. Чирков в 1718 г. распоряжением Камер-коллегии был назначен их управляющим и выполнял эти функции до 1724 г. Ландрат Н. Вепрейский – это чиновник для выполнения особых поручений. По ходатайству Камер-коллегии он прибыл из Киева (видимо, поэтому современники его называли «шляхтичем») в Бахмут для проведения ревизии на солеварнях в конце 1719 г. или в начале 1720 г. [15] Что касается «Бахмутского округа», о котором пишет В.И. Подов, то отметим, что в соответствии с указом Петра I от 29 мая 1719 г. губернии были разделены на провинции, а не округа. Но В.И. Подов прав, когда пишет, что именно С. Чирков и Н. Вепрейский открыли (официально) первое в Донбассе и во всей России месторождение каменного угля.

Сопоставим хронологию событий. В 1721 г. С. Чирков и Н. Вепрейский отправили в адрес Камер-коллегии «разных руд, которые были сысканы близ Бахмутских соляных заводов», для проб в двух бочонках да еще бочонок «земляного угля». Президент Камер-коллегии Д.М. Голицын переслал «посылку» в Берг-коллегию, которая была получена в «1722 году января 20-го дня» [16]. Этот факт был известен историкам. Но вслед за Г.Д. Бакулевым они продолжали писать, что «по указанию царя Берг-коллегия... направила в 1721 г. рудознавца Григория Капустина к берегам Дона и Донца, в казачьи городки для поисков месторождений полезных ископаемых и взятия проб найденного угля. Г. Капустин выполнил задание Берг-коллегии. И с этого начался отсчет времени, связанного с открытием угольного бассейна» [17]. Эта информация требует перепроверки. Во-первых, потому, что, как установили исследователи жизни Г. Капустина, с 1715 по 1721 год он вел разведочные работы в губерниях и городах Севера России [18] и теоретически мог выехать на Дон только в конце года. Нахождение Г. Капустина в этот период на Дону документально не подтверждается. Во-вторых, в «Полном собрании законов Российской империи» не значится указ Петра I об организации такой экспедиции в 1721 г. Скорее всего, Г. Капустин был на Дону у Кундрючьего городка (исток реки Кундрючья находится на территории Свердловского района Луганской области) в 1722 г., где искал, прежде всего, руды золота и серебра. Именно на результаты этой экспедиции последовала реакция Петра I, издавшего указ 27 декабря 1722 г., о котором пойдет речь выше.

Первую реакцию Берг-коллегии на «посылку» из Бахмута мы не знаем, но она была. Реакция на экспедицию представителя Берг-коллегии также была, и она нам известна. Это указ Петра I от 27 декабря 1722 г., который конкретизировала Берг-коллегия: «На Дон, в Казачьи городки и в Оленьи горы, да в Воронежскую губернию, под село Белогорье, для копания каменного угля и руд, которые объявил подъячий Капустин...» отправить экспедицию под руководством Г. Капустина [19]. Петру I важно было знать перспективы угледобычи в землях, нуждавшихся в защите [20], слабо заселенных [21], с крайне ограниченными запасами древесины,

без которой продолжение функционирования соляных промыслов в Бахмуте и Торе было невозможно (на вываривание 100 пудов соли уходило от 10 до 24 возов дров [22], леса вокруг Бахмута на расстоянии 30-40 верст были уже вырублены), возможность замены импортируемого угля отечественным (английский уголь поставлялся в Петербург с 1715 г.). Весной 1723 г. экспедиция Г. Капустина приступила к выполнению указа. В Москву были доставлены, наряду с пробами металлических руд, 3 пуда угля каменного и 3 фунта «камня синего», найденного на Донце (в тексте: «сыскал на Донце подьячий Капустин» [23]). Экспертиза угля, взятого в донских городках, проведенная в июле 1723 г. Марком Фрезером, показала, что «от оногo угля действия никакого не оказалось. ... Оногo уголь в огне трещит и только краснеет, а ладу от него никакого нет» [24]. Совет М. Фрезера состоял в том, чтобы взять пробы угля с больших глубин. Сделанное иностранным специалистом заключение вызвало возмущение Г. Капустина. Его контраргументы были следующими: «... в казачьем городке Быстрянке, в Туле и Москве то уголь похваляли и сказывали, что от него великий жар» [25]. Вывод Г. Капустина был следующим: «Знатно, не сущую пробу чинили» [26]. Обратим внимание на то обстоятельство, что качество угля первоначально определялось в станице Усть-Быстрянской, которая расположена на правом берегу Северского Донца.

В Санкт-Петербурге хотели иметь реальную картину в этом вопросе и искали возможность привлечения к работам по изучению угольных месторождений иностранных специалистов – знатоков угольного дела. Среди европейских стран наиболее развитой была угольная промышленность в Англии. По просьбе Петра I вице-адмирал Томас Гордон (родился в шотландском г. Эбердин) связался со своими друзьями в Англии в надежде на их помощь в поиске специалистов по угольному делу. Такие люди нашлись – 5 человек. Наиболее авторитетным из них был Джордж Никсон, который, по его же словам, с 25-летнего возраста возглавлял 2 тыс. рудокопов [27]. В это же время Берг-коллегия, понимая всю важность полученной из Бахмута в начале 1723 г. информации, решила, не дожидаясь прибытия в Российскую империю иностранных специалистов, провести в Подонцове широкомасштабные исследовательские работы под руководством С. Чиркова и Н. Вепрейского. Она предписала Воронежскому губернатору отправить в Бахмут несколько сот человек. Предстояло выяснить перспективы соляного промысла и угледобычи, обеспечить местных кузнецов на зиму углем. В Бахмут прибыли 194 работника. К неудовольствию Н. Вепрейского и С. Чиркова их прибытие было растянуто во времени и завершилось в сентябре, когда по погодным условиям нужно было уже сворачивать работы. Тем не менее, в балке Скелеватой работы были проведены. С. Чирков и Н. Вепрейский докладывали: «уголье» было «окопавоно в горе ... в длину 15 саженьей, в высоту 10» (сажень равняется 3 аршинам). Работы вскоре застопорились. Причина: «оное уголье в гору пошло в глубину (что характерно для круто падающих пластов Центрального района Донбасса – авт.). И окопать оногo угля такими малыми силами в скором времени невозможно» [28]. Для исследования качества угля в Берг-коллегию были высланы для изучения, в частности, «уголья земельного пуд, которые изысканы в урочище

Скелеватое и 10 фунтов взятого на речке Беленькой в 50 верстах от Бахмута и 12 фунтов «черной земли» [29].

Осенью 1723 г., когда исследовательские работы в Бахмуте близились к завершению, иностранные специалисты прибыли в Санкт-Петербург. Здесь к ним присоединились Г. Капустин, переводчик Я. Грамотин, 3 военных и 2 ученика. 2 марта 1724 г. группа выехала из Питера [30]. До 21 мая группа Дж. Никсона находилась в Москве. Здесь привезенное из Бахмута «уголье он попробовал», которое ему понравилось, «и если такого много угля в той земле, то довольное удовольствие падает и на всякие потребности годна», – считал он [31]. Группа Дж. Никсона должна была проверить сведения о наличии полезных ископаемых в Рязанской и Воронежской земле, в Подонцове, в Бахмуте. От руководителя экспедиции требовали предоставления оперативной регулярной информации. Губернаторам были даны соответствующие указания. Взаимоотношения внутри группы не складывались. Г. Капустин сообщал, что от Дж. Никсона «все мы в слезах бываем» [32]. О неблагоприятной ситуации сообщили Петру I. Тот распорядился, чтобы Берг-коллегия выплатила задолженность по зарплате, укрепила группу человеком «знатным», который смог бы коллектив «согласить» (был отправлен И. Телепнев – авт.). Г. Капустину было дано предписание учиться безо всяких возражений. Группе было дано задание тщательно описывать месторождения угля, указывать расстояние до ближайших городов, сообщать о наличии больших и малых рек, возможности транспортировки минерала водными артериями.

После 7 декабря 1724 г. группа прибыла в Бахмут. Дж. Никсон, опираясь на информацию о работах, проведенных ранее под руководством С. Чиркова, выезжал в урочище Скелеватое. Здесь он выяснил, что все уголья, которые позволяла вода, были забраны. «И кажется мне, что уголь под водой есть», – сообщал он в Берг-коллегию. О качестве угля мог сказать следующее: «Уголье хорошее, а как далеко они (пласты – авт.) простираются ... объявить не могу пока ... ход глубже выкопан не будет» (Рапорт от 25 мая 1725 г.). Он сообщил об опасности нахождения на этой территории «понеже одну сторону турецкая, а по другую сторону татарская граница лежат» [33]. Состоялся выезд и на речку Беленькая, где Дж. Никсон выяснил, что эти «уголья не такие добрые как те, которые мне показывали в Москве» [34]. Тем не менее, он высказывает надежду, что «здесь можно добрый угольный завод возвести». Зимние холода предельно ограничили сроки пребывания экспедиции в Бахмуте.

Местонахождение балки Скелеватой, откуда была взята первая проба угля, однозначно не определено. До последнего времени считалось, что балка находится юго-восточнее Бахмута на правом берегу р. Лугань рядом с современным поселком Луганское Артемовского района Донецкой области. По балке течет река Скелевая, которая теперь впадает в Ильинский ставок. Главный аргумент сторонников этой версии – указанное С. Чирковым, Н. Вепрейским и Дж. Никсоном расстояние – 25 верст.

Но в 2018 г. краеведы Н.Н. Ломако и М.В. Кулишов опубликовали работу [35], в которой обнаруживают Скелеватую балку юго-западнее Бахмута и, если следовать их логике, в районе современного Дзержинска. Проблема локализации объекта возникает из-за того, что балок с таким названием в Донбассе много (например, у истока р. Ольховка – авт.). Сторонники обнаружения угля в Скелеватой балке на р. Лугани опираются также на логику. Например, М. В. Гутник утверждает: С. Чирков и Н. Вепрейский могли найти уголь только в том месте, где его уже разрабатывало население [36]. Возможно, так оно и было. В исторических исследованиях говорится о том, что на берегу р. Лугани издавна находилось селение. Так, в «Истории городов и сел Донецкой области» сказано, что «Луганское – одно из старейших селений бывшего Бахмутского уезда. В 1701 г. здесь была построена крепость» [37].

Н.Н. Ломако и М.В. Кулишов свои выводы делают на основе информации, которую содержат карты, изданные в 1749 г., 1750 г., 1765 г. и хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, а также «План Генерального межевания Бахмутского уезда» (1830 г.), записи И. А. Гильденштедта, Ле Пле и статья штабс-капитана А.Б. Иваницкого.

Повторим фрагмент записей И. А. Гильденштедта от 25 августа 1774 г., который приводят для доказательства своей правоты Н.Н. Ломако и М.В. Кулишов: «Утром я выехал из Бахмута. Дорога шла 9 верст на юго-запад вдоль балки, называемой Четвериковой, до истоков ее. Затем, повернув на запад, 3 версты ехали высокой степью к истокам ручья Наумова, после чего снова повернули на юго-запад и 5 верст ехали по балке этого ручья. Далее 8 верст по возвышенности параллельно реке Кривой Торец в нескольких верстах от нее, направляясь к истокам балки, впадающей в Торец, называемой Сколеватая, или Скелевая, на которой располагался хутор Воропая». И далее: «Из балки Скелевой мы проехали 7 верст на юго-восток... и пересекли большую проселочной дорогу из Перекопа в Бахмут, через 8 верст на реке Бахмут лежал хутор Микитовка» [38]. Автор данной статьи считает, что следует обратить внимание, во-первых, на то, что в наблюдаемой И. А. Гильденштедтом Скелеватой балке никакой угледобычи не велось, хотя соляной промысел в Бахмуте продолжался до 1782 г. Во-вторых, И. А. Гильденштедт не фиксирует наличие более-менее крупного поселения, жители которого могли бы заниматься добычей угля (упоминается только хутор Воропая). Отсюда следует, что если в данной Скелеватой балке в 1723 г. уголь и брался, то это была разовая акция. Чтобы доказать свою правоту, Н.Н. Ломако и М.В. Кулишов используют фрагмент записей Ле Пле, участника экспедиции по югу России 1837 г., который писал: «Ручей Скелеватый, справа впадающий в Кривой Торец, при Щербиновке в 3 вер. на В.С.В. от селения [...] Город Бахмут... представляет главный сбыт угля» [39] (в 1861 г. в Бахмуте, находившемся на пересечении дорог из Харькова в Таганрог, из Киева в Землю Войска Донского, 27 из 110 мастерских составляли кузницы, каретные и шорные заведения). Последним аргументом, который приводят Н.Н. Ломако и М.В. Кулишов, является фрагмент из статьи А.Б. Иваницкого, опубликованной в «Горном журнале» в 1839 г. под

названием «О месторождениях каменного угля, известного в торговле под именем Никитовского»: «Овраг Скелеватый находится на земле села Щербиновки» [40].

Казалось бы, есть важнейший критерий для локализации упоминаемой Скелеватой балки. В отписке С. Чиркова, в рапорте Дж. Никсона указано расстояние от Бахмута до балки. Но как определялось расстояние в те годы, какова длина версты? Крупнейший специалист в области исторической метрологии В.А. Белобровдал ответы на эти вопросы [41]. Во-первых, протяженность дорог измерялась веревками (в 100 саженой); многие дороги не обмерялись – их протяженность устанавливалась на глазок, «по сказкам стрельцов и ямщиков», до начала XVIII в. задокументирован один случай применения для обмера дорог «мерного колеса», во-вторых, длина версты в XVIII в. была разной – от 1,3 км до 2,153 км [42].

Обе Скелеватые балки находятся в приблизительно равной удаленности от Бахмута – одна на юго-восток, вторая на юго-запад от города. И если учесть относительную точность измерения расстояний в первой четверти XVIII в., этот аргумент – 25 верст, не может считаться исчерпывающим. Стоит отметить, что обнаружение угля в Скелеватой балке у с. Щербиновка приведет в последующем к строительству в этом районе 7 шахт, 4 из которых находятся в эксплуатации поныне. У пос. Луганское угледобычи не велось. Геологи треста «Донбассгеология», исследовавшие балку Скелевую у поселка Луганское, предполагают наличие здесь маломощного пласта 40–45 сантиметров – газового угля низкого качества. Да и жители поселка Луганское не могут показать место, где могли добывать уголь современники С. Чиркова [43].

28 января (8 февраля) 1725 г. Пётр I умер. Императрицу Екатерину и ее окружение проблемы промышленного развития Юга не интересовали. Английских специалистов со скандалом выслали из империи. Г. Капустин получил повышение по службе и уехал на Урал, где стал одним из помощников В.Н. Татищева. Так завершился первый этап истории Донбасса, связанный с обнаружением угольных запасов на территории пока что только Подонцовья и, возможно, Центрального района Донбасса. Основная часть региона до 1774 г. находилась в составе Крымского ханства. При Анне Иоанновне в 1731 г. Берг-коллегия была объединена с Мануфактур и Коммерц-коллегиями. Со временем был образован Генерал-Берг-директориум. Поисками полезных ископаемых в Донецком бассейне Директориум не занимался.

В 1742 г. после десятилетнего нахождения Бахмутского и Торского соляных промыслов во временной собственности московского купца В. Озерова и его товарищества, солеварни были возвращены в казну. Была проведена их частичная реконструкция. В 1744 г. по распоряжению Соляной конторы солевары предполагали осуществлять выварку соли с использованием каменного угля. Важно было убедиться в наличие угольных запасов, в достоверности информации, полученной 20-ю годами ранее. Была организована экспедиция под руководством Г.У. Райзера, который прошелся в основном по уже известному маршруту, исследовал месторождения по р. Беленькой. Но Скелеватское месторождение он

изучить не смог и докладывал: «Сие уголья невозможно мне было освидетельствовать понеже степные дороги и буераки снегом занесло. Так и ради того присланные казаки туда добраться не могли. Но я известие получил, что оное ... наружи не крепки, распадаются..., мелки. И пробу учинить не смог» [44]. Была проведена опытная варка соли на каменном угле. При выполнении задания выяснилось, что использование нового вида топлива предполагает изменение технологии процесса. Решить эту техническую задачу было некому. Работы в 1745 г. были прекращены. Но в Бахмуте об угле не забывали. Об этом свидетельствует следующий документ: «В ноябре 1764 г. из Бахмута в урочище на Белую Лугань... для заготовления каменных угольев было отправлено солдат 10 человек... Заготовлено тех угольев 12 четвертей весом 199 пуд один фунт. Привезено оное в Бахмут»[45].

В результате заключения Кючук- Кайнарджийского мира, во-первых, вся территория Донбасса стала российской. Присоединенные земли были почти безлюдными. В 1775 г. в междуречье Миуса и Кальмиуса насчитывались только четыре хутора донских казаков. Во-вторых, в Европейской части России углублялся топливный кризис. Распоряжением Сената 1744 г. в районе 200 верст от Москвы были закрыты мануфактуры и заводы, использовавшие местный лес. В конце 1770-х гг. из-за отсутствия леса закрылись заводы Липецко-Студенецкого рудного поля. В-третьих, Россия получила доступ к более дешевой крымской соли и в 1782 г. Бахмутские и Торские соляные промыслы были закрыты. В-четвертых, на Юге началось создание новой оборонительной системы. 18 июня 1778 г. Екатерина II подписала указ о создании в устье Днепра судостроительной верфи и военного порта Херсон, где будет заложен чугунолитейный завод.

На последующую позитивную динамику экономического развития края существенно повлиял указ Екатерины II от 13 июня 1781 г. «О новом расписании губерний с означением генерал-губернаторов»[46]. На генерал-губернатора возлагались ответственность за благополучие населения края, вверенного в его управление. Указ стал важным шагом по децентрализации власти и позволил придать деятельности генерал-губернатора Г.Я. Потемкина «фактически общероссийский масштаб и размах»[47]. 10 февраля 1784 г. Екатерина II издала указ «Об устройстве новых укреплений по границам Екатеринославской губернии», которым предписывалось «устроить крепость большую Севастополь, ... где должны быть адмиралтейство, верфь для кораблей первого ранга, порт и военное селение» [48]. В первое время жилье возводилось по следующей технологии: плетёный каркас обмазывался глиной, конструкция накрывалась камышом. Зимой 1783-1784 гг. во временных строениях были расквартированы 2,6 тыс. моряков [49]. Вследствие экстремальных условий началась эпидемия. Только за период с 1 по 15 ноября умерли 110 человек. В числе умерших был и вице-адмирал Ф.А. Клокачев. 13 (24) августа 1785 г. был утвержден штат Черноморского флота – 13,5 тыс. офицеров и матросов. Кроме того, в Крыму были размещены 26 батальонов пехоты и 22 эскадрона конницы, в задачи которых входила защита севастопольского порта и крепости [50]. В 1789 г. генерал-губернатор князь Г. Я. Потемкин заложил город

Николаев с судостроительной верфью. Важные инновации наблюдались в кораблестроении. С 1777 г. в доках Кронштадта воду откачивала закупленная в Англии паровая машина, и командование Черноморского флота предполагало закупить и использовать чудо-технику на черноморских судостроениях.

Завершение в 1791 г. войны с Турцией позволило продолжить строительство новых городов. В 1794 г. была основана Одесса. Зимой жить в городах было крайне тяжело, в том числе, в Таганроге и в других городах Новороссии, которые «претерпевали крайний недостаток дров и угля» [51]. Население прибрежных городов для обогрева жилья использовало бурьян, кизяки, солому и камыш. В правительственных документах звучала тревога, что «казенные леса, по реке Дону лежащие, из-за неимения за ними присмотра от окрестных жителей нарочито опустошаются» [52]. Людям необходимо было дать тепло, кузнецам – уголь, что стало одной из задач Г.А. Потемкина. Еще во время войны с Турцией по его инициативе была создана Черноморская горная экспедиция. В 1790 г. штабс-капитан Н.Ф. Аврамов был откомандирован в Подонцовье осуществлять поиски, добычу и поставки угля. С 17 июня по 8 ноября 1791 г. возглавляемой им командой моряков было добыто 41 680 пудов угля. Уголь на подводах доставлялся в Таганрог, а оттуда кораблями отправлялся в черноморские порты. Вследствие длительности транспортировки уголь рассыпался. Он был дорог из-за больших транспортных расходов. В.В. Каховский предлагал Н.Ф. Аврамову сконцентрироваться «для приискания угля в казенных дачах, лежащих по реке Донцу» [53], предполагая транспортировку добытого по воде. В.В. Каховский настаивал на «приискании угля в казенных дачах» не случайно. В соответствии с Манифестом Екатерины II от 28 июня 1782 г. «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли на поверхности и в недрах ее содержащиеся» была отменена исключительная собственность государства на недра [54], что стало одним из шагов в формировании института частной собственности на землю. Н.Ф. Аврамов исследовал правый берег реки от с. Серебрянка (Первая рота) до с. Верхнее (Третья рота). В 1792 г. им был открыт уголь в Лисичьем буераке. В.В. Каховский потребовал от Н.Ф. Аврамова, чтобы тот провел разведку по берегам рек Кальмиус и Миус. По его убеждению, там «род камней и грунт земли такой же самый, каков в Бахмутском и Донецком уездах, ... что заставляет думать, что может быть найдется уголь и в сих местах» [55]. В.В. Каховский намеревался весной 1793 г. выехать в Подонцовье где, как он писал, «посоветовавшись с господином Аврамовым, помыслию о способах к непрерывному производству добывания угля...» [56]. Включались в добычу угля новороссийские землевладельцы. Манифест Екатерины II «О распространении права собственности владельцев на все произведения земли...» предоставил им право заниматься без разрешения государства добычей полезных ископаемых и их продажей. Одним из тех, кто реализовывал открывшиеся возможности, был подполковник П. Штерич, который поставил в 1793 г. – 75000 пудов угля, в 1794 г. – 40491 пудов, в 1795 г. – 54549 пудов [57].

Из прошедшей войны с Турцией важно было сделать всеобъемлющие выводы. Напомним один из эпизодов подготовки к военным баталиям. А. Суворов проверял орудия. Из испытанных 46 пушек 37 разорвало при первых выстрелах [58]. Военные действия в 1787–1791 гг. очередной раз доказали пагубные последствия оторванности театра военных действий от металлургического и артиллерийского производства. Г.Я. Потемкин, знавший об успехах английских металлургов, вынашивал идею создания на Юге чугунолитейного завода, который мог бы производить металл с использованием кокса. Одним из инициаторов создания чугунолитейного завода стал председатель Черноморского адмиралтейского правления Н.С.Мордвинов, предлагавший выделить для этого строительства 650 из 750 тыс. руб., отпущенных флоту на вооружение 72 шхун.

П. А. Зубов, возглавивший наместничество после смерти Г.Я. Потемкина, убедил Екатерину II в необходимости командировки на Юг крупнейшего специалиста Российского государства директора Олонецкого горного завода Чарльза (Карла) Гаскойна с целью выяснения надежности сырьевой базы и возможности строительства в Новороссии чугунолитейного завода. Ч. Гаскойна относят к числу лидеров английской промышленной революции. До переезда в Россию (1786 г.) он возглавлял крупнейший в Европе Карронский чугунолитейный завод, где для производства чугуна использовался кокс. Ч. Гаскойн следующим образом сформулировал задачи, которые были поставлены перед ним: «Поиск каменного угля и добыча оного на меня возложена, чтобы оным на кораблях Черноморского флота, в крепостях, в том крае заменить употребление дров и леса, которого там весьма недостаточно, от совершенного истребления сохранить. За оное мне было поручено стараться открыть уголь в таких местах, откуда бы на судах оный доставлять в порты и разные места тамошних губерний» [59]. Летом 1794 г. статский советник Ч. Гаскойн находился в Бахмутском и Славяносербском уездах. В июне 1794 г. он писал П. А. Зубову: «Я уже обозрел тот уезд здешней губернии, который наипаче изобилует приисками каменного угля и железных руд» [60].

Завод мог функционировать при условии постоянной добычи угля. Возведение шахты в Лисичьей балке началось в апреле 1795 г. под руководством английского мастера Томаса Ропера. Из 650 тыс. руб., выделенных на строительство завода, 120 тыс. руб. предполагалось направить на строительство рудников. Реально на шахтное строительство потратили в 10 раз меньше [61]. Шахта дала уголь в апреле 1796 г. Это была первая шахта в государстве, построенная для промышленной добычи угля. Впервые началась разработка угля по всем правилам горного дела. Первыми горняками были каторжане, «польские бродяги», переселенные мастерские Олонецкого и Александровского заводов. Добыча угля началась до того, как была построена доменная печь. Берг-коллегия требовала «в судах транспортировать уголь к большим портам и продавать уголь винокуренным и известковым заводам» [62]. В 1798 г. последовал указ, который предписывал «оставленные около Бахмута и Славянска за дороговизною дров соляные варения возобновить, предписав вместо леса употреблять добываемый каменный уголь» [63]. Но и на этот раз реализовать проект не смогли.

О значении построенной шахты и сыгранной ею роли в истории отечественной угольной промышленности Донбасса убедительно и объективно написал в свое время Ю.П. Кострица: «Первая угольная шахта в Лисичьем буераке стала своеобразной лабораторией горного дела для зарождавшейся угольной промышленности страны и позволила нашим предкам накопить необходимый опыт ведения горных работ. Кроме того, заложила основы для строительства в последующие десятилетия более мощных и технически оснащенных шахт. Такие шахты, начиная с 30-х гг. прошлого столетия, появляются в Лисичанске, Голубовке, Горловке, станицах Луганской и Гундоровской Области Войска Донского и в других городах Донбасса»[64].

Таким образом, в XVIII в. протекают два взаимосвязанных процесса: укрепление военной мощи Российской империи и зарождение промышленности Донбасса. Активные поисковые работы происходили повсеместно в годы Северной войны и прекратились в 1725 г. после ее завершения и смерти Петра I. Именно в эти годы были открыты залежи угля, в частности, на правом берегу Северского Донца. Важнейшим стимулом для нового этапа геолого-разведывательных работ в Донбассе и начала промышленного освоения его кладовых стало создание Черноморского флота, судоверфей, новой оборонительной системы, основу которой составляли находившиеся в степной зоне города-крепости. Командование Черноморского флота стало конкретно заниматься поисками и добычей каменного угля в годы русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Несомненно, промышленному развитию Донбасса способствовали административные реформы, следствием которых стала передача значительной доли властных полномочий из Петербурга в Новороссию. Генерал-губернаторы, наместники, правители, чиновничий аппарат решали задачи государственной важности, одной из которых было развитие каменноугольного производства в районах залегания угля. С созданием Луганского литейного завода, структурной составляющей которого был Лисичанский рудник, начался этап промышленной добычи угля.

Ссылки и примечания:

1. Агапов В.Л. Шахтарські колективи в умовах кризи 1976 – 1991 рр./В.Л. Агапов [монографія]. Донецьк. 2012. С. 111.
2. Ковалевский Е. П. Геогностическое обозрение Донецкого горного кряжа // Горный журнал. 1829. кн. 1. С. 1.
3. Там же. С. 34.
4. Горлов П.Н. История горно-заводского дела на территории Донецкого кряжа и вблизи Керчи (1696 - 1859 гг.). / Горно-заводское дело: еженедельное издание. Харьков. 1915. 19 с.
5. Там же. С. 8.
6. Зворыкин А. А. Открытие и начало разработки угольных месторождений в России. Т.1. : Исследования и документы. М. 1949. 327 с.

7. История рабочих Донбасса :В 2 т. Т.1. Рабочие Донбасса в эпоху капитализма и в переходный период от капитализма к социализму / гл. редкол.: Ю.Ю. Кондуфор и др.; Акад. наук УССР, Ин-т истории. К. 1981. 330 с.
8. Подов В.И. Открытие Донбасса: Исторический очерк. Документы. Луганск. 1991. 118 с.; он же: История Донбасса : В 3 т. Т. 1. Донбасс в XVII-XVIII веках. Луганск. 2004. 336 с.; Подов В.И. Історія Донбасу / В.І. Подов, В.С. Курило.Луганськ. 2009. 300 с.
9. Костыря И. С. Думы о Донбассе : В двух частях. Донецк. 2007. 480 с.
10. Указ об учреждении Берг-Коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах // Вестник университета им.О.Е. Кутафина. 2016. № 1. С. 154-156.
11. Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М. 1955. 672 с.
12. Подов В. І. Історія Донбасу. С. 80-82.
13. Подов В.И. Открытие Донбасса. С. 9.
14. Подов В. І.ІсторіяДонбасу. С. 80.
15. Добров П. В. Історія соляної промисловості/ П. В.Добров, Т.Ю. Людоровська.Донецьк. 2013. С. 69.
16. Подов В.И. Открытие Донбасса. С. 82.
17. Кострица Ю. П. У истоков горного дела: очерк истории Лисичанского каменноугольного района. Луганск. 1994. С. 10-11.
18. Г. Капустин. Википедия [Электронный ресурс]: свободная энциклопедия. - Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Капустин,_Григорий_Григорьевич
19. Подов В.И. Открытие Донбасса. С. 82-83.
20. В соответствии с Прутским миром были потеряны Азов, Таганрог, скрыты укрепления Новобогородицкой крепости на р. Самаре. Границы были перенесены с побережья Азовского моря в верховья Миуса, Крынки, Лугани, Бахмута, Кривого и Сухого Торца, в междуречье Самары и Орели.
21. В 1745 г. численность населения Бахмутского уезда составляла 6565 чел.
22. Добров П. В. Указ. соч.С. 69.
23. Подов В.И. Открытие Донбасса. С. 85.
24. Там же.
25. Там же. С. 87.
26. Там же.
27. Заозерская Е. И. Поиски каменного угля при Петре 1. Известия всесоюзного географического общества .Т. 75. Вып. 2. М. 1943. С. 51.
28. Подов В.И. Открытие Донбасса. С. 88.
29. Там же. С. 89.
30. Заозерская Е. И. Указ. соч. С. 53.
31. Подов В.И. Открытие Донбасса. С. 91.
32. Заозерская Е. И. Указ. соч. С. 53.
33. Подов В.И. Открытие Донбасса. С. 93.
34. Там же.

35. Ломако М.М. Пошуки вугільної балки Скелюватої в околицях Бахмута / М.М.Ломако, КулішовМ.В. /Грані історії: зб. наук. праць. Спеціальний випуск.Матеріали II Всеукраїнської науково-практичної конференції «Бахмутська старовина: краєзнавчі дослідження – 2018». Слов'янськ. 2018. Вип. 1(9). С. 90-97.
36. Гутник М. В. Розвідка вугільних родовищ на Україні у XVIII – на початку XIX ст. / М. В. Гутник // Вісник Національного технічного університету "ХПІ". Сер. :Історія науки і техніки. 2013. № 48. С. 52.
37. Истории городов и сел Донецкой области [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://ukrssr.com/donetskaya>
38. Цит. по ст.: Ломако М.М. Указ. соч. С. 93.
39. Там же.
40. Там же.
41. Белобров В. А. Традиционные русские меры длины. М. 2018. 280 с.
42. 1,067 км – это протяженность «путевой» версты после указа 1835 г. Тысячная верста существовала в течение почти всего XVIII в., Вместе с тысячной верстой употреблялась верста в 500 сажень. Расстояния обмерялись разными «верстами».
43. Татаринов С. И.Край Бахмутский: Очерки исторического краеведения. / С. И.Татаринов, И. А. Адамов. Артемовск. 1992. С. 23.
44. Подов В.И. Открытие Донбасса. С. 97.
45. Луганский завод [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://mikul-a.livejournal.com/174556.html>
46. Злобин Ю.П. Институт генерал-губернаторов в России в XVIII веке: становление и развитие // Вестник ОГУ. 2010. №4 (110). С. 6. `
47. Там же.
48. Севастополю 200 лет.1783–1983. Сб. док-тов и материалов. К. 1983. С. 29.
49. Белов А.В. Зарождение города Севастополя. У истоков главной военно-морской крепости России на Черном море// Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. С. 414.
50. Белова Е. Оборона морских рубежей Новороссии (1775–1787 гг.).Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. №1. С. 20.
51. Подов В.И. Открытие Донбасса. С 93.
52. Цит. по кн.: Темник Ю.А. Столетнее горное гнездо. Луганский завод (1795-1887 гг.). Т. I. Выдающиеся деятели науки и техники XVIII – XIX веков. Луганск. 2004. С. 162.
53. Цит. по ст. В. Подов. История города Лисичанска. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.lisichansk.org.ua/история-города-лисичанска-часть>
54. Денисова Л. Екатерина Великая и дальнейшее развитие горной промышленности и права /Л. Денисова// Юридическая наука. 2014. № 4. С.9.
55. Цит. по ст. В. Подов. История города Лисичанска. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.lisichansk.org.ua/история-города-лисичанска-часть-25/>
56. Там же.

57. Петр Иванович Штерич [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://www.geni.com/people/Петр-Иванович-Штерич/6000000018404582375>
58. Белова Е. Указ. соч. С. 25.
59. Цит. по кн.: Темник Ю.А. Столетнее горное гнездо. Луганский завод (1795-1887 гг.). Т. I. Выдающиеся деятели науки и техники XVIII – XIX веков. Луганск. 2004. С. 162.
60. Там же. С. 13.
61. Там же. С. 88.
62. Костирица Ю.П. Указ. соч. С. 21.
63. Добров П. В. Указ. соч. С. 83.
64. Костирица Ю.П. Следы старого Донбасса. Донецк. 1991. С. 18.

УДК 94(477.61)"19"

Е.Г. Неклюдов

*доктор исторических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения РАН»
(г. Екатеринбург, Россия)
e-mail: ntplant9@mail.ru*

СУДЬБА ЛУГАНСКОГО КАЗЕННОГО ОКРУГА В КОНТЕКСТЕ ГОРНОЙ РЕФОРМЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Аннотация

В статье раскрываются перипетии приватизации Луганского горнозаводского округа, которая была частью горной реформы, проводившейся в России во второй половине XIX в.

Ключевые слова: *Донбасс, Луганский округ, горная реформа, приватизация*

Summary

The article reveals the vicissitudes of the privatization of the Luhansk mining and metallurgy district, which were part of the mining reform that was carried out in Russia in the second half of the 19th century.

Keywords: *Donbass, Lugansk district, mining reform, privatization*

В ходе подготовки реформы организационных основ горнозаводской промышленности России в 1860-е гг. приобрел особую актуальность вопрос о судьбе казенных горных заводов, действовавших тогда на Урале, Донбассе и

Кавказе, в Олонецком крае и в Царстве Польском. С целью сокращения государственных расходов разработчики реформы предложили оставить во владении казны лишь такие из этих предприятий, которые «имели целью изготовление для Военного и Морского ведомств предметов вооружения». Остальные заводы и золотые промыслы предлагалось продать. Разработкой правил продажи в 1866–1868 гг. занималась межведомственная Комиссия для пересмотра системы податей и сборов при Министерстве финансов под председательством министра М.Х. Рейтерна. Она подготовила проект Правил и Перечень заводов, подлежащих продаже, которые после доработки в различных инстанциях были утверждены Александром II 18 октября 1871 г. [1].

В ходе дебатов решалась и судьба Луганского горнозаводского округа, принадлежавшего казне в Донбассе. Этот небольшой (площадью всего 38 746 дес.) округ, по сведениям Горного департамента за 1865 г., растянулся «чересполосно с частными землями» более чем на 100 верст вдоль Северского Донца. Один из его заводов – опытный Петровский чугуноплавильный, возведение которого началось в 1857 г., – уже не действовал, другой – Луганский чугунолитейный завод, основанный еще в конце XVIII в., – работал, но не имел собственного сырья, а потому находился в зависимости от уральских поставщиков. Тем не менее, его основная продукция – артиллерийские снаряды по заказам военных ведомств – сыграла важную роль в Крымской войне, когда в месяц завод производил до 60 тыс. пуд. снарядов для обороны Севастополя. В 1866 г. там дополнительно было введено puddинговое производство «для приготовления мелких сортов железа». Достоинство округа заключалось еще и в том, что его северо-западный участок (Лисичанские копи) «врезался в каменноугольный бассейн Екатеринославской губернии», что позволяло возвести здесь опытный завод для выплавки чугуна и выделки рельсов с использованием нового для России минерального топлива [2].

В ходе обсуждения в Податной комиссии было предложено включить округ в состав отчуждаемого казенного имущества, поскольку, как сочли большинство участников обсуждения, достоинства этого округа (в первую очередь его географическое положение) не выдерживали сравнения с его недостатками (с отсутствием собственной рудной базы, большими расходами на управление и дороговизной продукции). Но Государственный совет, принимавший окончательное решение, все-таки оставил округ за казной на том основании, что на построенном там новом Лисичанском заводе производилась опытная выплавка собственных руд на каменном угле и в случае удачи Луганский округ «по своему положению на юге России... мог получить важное значение в отношении удовлетворения потребностей возобновления флота в Черном море» [3].

Однако вскоре выяснилось, что выплавленный на Лисичанском заводе чугун оказался существенно дороже импортного. К тому же в Донецко-Криворожском бассейне началось строительство частных металлургических предприятий, действующих на каменном угле, которые, как свидетельствовал директор Департамента В.К. Рашет, «по положению своему и по удобнейшим путям сообщений в состоянии будут скорее и с большим удобством удовлетворить в

случае надобности все требования Черноморского флота, нежели отдаленный Луганский округ». Удерживать его в руках казны не было оснований еще и потому, что, по заявлениям Военного и Морского министерств, с 1875 г. округ оставался совсем без нарядов [4].

В марте 1873 г. М.Х. Рейтерн обратился в Кабинет министров с просьбой о пересмотре решения оставить Луганский округ в руках казны и о назначении его к продаже «применительно к Правилам 1871 г.». В июле Горный департамент уже сформулировал конкретные предложения по поводу организации торгов. Предлагалось разделить все имущество на три отдельные группы. В первую включили Луганский завод, поселение которого планировалось «обратить» в уездный город вместо имевшего этот статус небольшого Славяносербска. Годовая производительность завода составляла тогда около 35 тыс. пуд. железных изделий. Во вторую группу входил опытный Лисичанский чугуноплавильный завод, построенный в 85 верстах от центра округа, в Бахмутском уезде. Но, как и закрытый ранее Петровский завод (видимо, этот завод был заблаговременно выведен из состава округа), он оказался «неудовлетворяющим своему назначению». Наконец, в третью группу вошли «отдельные участки свободной и для заводов не нужной земли» площадью 21 тыс. дес. Эти земли могли быть проданы или пойти на дополнительное наделение горнозаводского населения округа (5 982 ревизские души), уже получившего «однадесятинный надел» [5].

Пока в высших инстанциях выносили окончательное решение, в Горный департамент поступили первые предложения от предпринимателей. Так, в марте 1875 г. член Общества для содействия русскому торговому мореходству, будущий известный теоретик «крейсерской войны» капитан-лейтенант Л.П. Семечкин сообщил, что уже приобрел бездействовавший Петровский завод, где можно было «в короткое время» возобновить выплавку чугуна из местной и привозной руды, а также «каменноугольные рудники» в имении графини Гендриковой в Славяносербском уезде и собирался приступить к их разработке, «как только там пройдет предположенная Луганская ветвь Донецкой железной дороги». «Обеспеченный относительно чугуна и горючего материала, – делился своими планами предприниматель, – я рассчитываю основать механический, а затем стальной рельсовый завод, а на Донце – постройку железных судов для торгового флота». Желая привлечь к своему делу рабочих Луганского завода, он обратился с просьбой продать ему это предприятие «по необременительной оценке» [6].

Это предложение заставило власти поторопиться. Уже в апреле 1875 г. министр государственных имуществ П.А. Валуев «нашел необходимым ныне же принять меры к отчуждению Луганского завода без угодий и лесов» и разработать условия для торгов, куда предполагалось вызвать не только Л.П. Семечкина, но и других предпринимателей.

Условия продажи казенного завода обсуждались на заседании Комитета министров 8 апреля 1875 г. Высказались военный министр Д.А. Милютин и управляющий Морским министерством С.С. Лесовский, признавшие «скорейшую продажу Луганского завода крайне желательной». «Дальнейшее сохранение

Луганского завода в распоряжении казны при убыточности его действия может привести лишь к ежегодным более или менее значительным затратам», – констатировали министры. Но, ввиду того что с постройкой ветки железной дороги ценность завода могла увеличиться, они предложили организовать торги после ее сооружения и при условии, что «к состязанию будет привлечено возможно большее число благонадежных лиц». Это постановление император утвердил 18 апреля 1875 г.

Видимо, в то время предполагалось, что небольшая по протяженности Луганская ветка будет построена быстро, но этого не случилось. В ноябре 1875 г. П.А. Валуев обратился к министру финансов (который, скорее всего, и предложил на заседании Комитета дожидаться повышения стоимости завода) с вопросом, считает ли он необходимым задерживать продажу завода вследствие переноса строительства железной дороги на весну следующего года. М.Х. Рейтерн не стал настаивать на отсрочке торгов, и Комитет министров, пересмотрев свое прежнее решение, 12 декабря согласился на немедленную продажу [7].

В соответствии с составленными в Горном департаменте предварительными условиями, утвержденными 18 апреля 1875 г., «предметом состязания» стала начальная сумма в 310 тыс. руб., которая была определена в результате оценки заводских зданий «с механизмами, машинами и приборами». Пятая часть установленной на торгах суммы уплачивалась при совершении купчей, а остальная часть рассрочивалась на 36 лет «по банковским правилам». Обеспечением рассрочки служил залог в $\frac{1}{5}$ «покупной суммы». Покупатель обязывался также приобрести движимое заводское имущество, «кроме негодного к употреблению», по оценке, которую должна была провести особая комиссия.

Как и требовалось, условия продажи завода были опубликованы в прессе, торги же назначены на 10 апреля 1876 г. в Министерстве государственных имуществ. Но, судя по протоколу, туда не только не явились «желающие торговаться», но и «ни от кого запечатанного объявления прислано не было» [8]. Не прибыл в Министерство по неизвестной причине и капитан-лейтенант Л.П. Семечкин. Видимо, предложенные условия не соответствовали его намерениям или возможностям.

После несостоявшихся торгов местное начальство с разрешения вышестоящих властей начало распродажу того заводского имущества, на которое был спрос. Так, продали дом, находившийся за оградой завода и сдававшийся прежде в аренду отставному аптекарю Дриттенпрейсу, а дом лесничего вместе с самой лесной дачей завода передали в ведение губернской казенной управы [9].

В письме П.А. Валуева, отправленном министру финансов М.Х. Рейтерну 2 марта 1878 г., через два года после неудачных торгов, упоминалось о том, что с того времени «заявлений о покупке ни от кого не поступало». Однако известно, что в августе 1876 г. правление Кавказского строительного общества подавало просьбу о продаже ему Луганского завода и Лисичанских рудников. Общество намеревалось строить порты на берегах Черного и Азовского морей и считало, что «более удобного и подходящего для его целей завода, чем Луганский, нельзя было

найти на юге России». Правление Общества получило разрешение от Горного департамента на осмотр завода, но больше себя никак не проявило [10].

Наконец, в 1878 г. долгожданное предложение о покупке Луганского завода было получено от серьезного претендента. Оказывается, еще в августе 1876 г. министру путей сообщения было дано высочайшее разрешение на заказ рельсов инженеру Н.Ф. Мещерину (в 1875–1876 гг. Н.Ф. Мещерин выступал поверенным Л.П. Семечкина и, возможно, был его компаньоном), который хотел устроить для этого завод. Заказ тогда отложили до времени, «когда предприятие его по устройству завода будет осуществлено настолько, что представится достаточное ручательство в прочности оно и в исправном исполнении заказа».

К началу 1878 г. инженер «вошел в Товарищество с господином Барклей, железнодорожным строителем и акционером сталелитейного завода Ландор, и с фирмой "Браун, Болей и Диксон", владеющей заводом в Шеффилде и много лет поставляющей стальные рельсы для русских железных дорог». Н.Ф. Мещерин уверял, что Товарищество располагало капиталом в 300–400 тыс. фунтов стерлингов (что примерно соответствовало 2,4–3,2 млн руб.) и «готово было на затрату этой суммы для осуществления своего предприятия». План заключался в приобретении Луганского завода «на условиях публикации о продаже с торгов» для изготовления там до 1,5 млн пуд. рельсов и 200 тыс. пуд. листовой и корабельной стали. Переустройство завода предполагалось закончить за два года «без всякой помощи со стороны правительства», но с его обязательством дать заказ на поставку 5 млн пуд. рельсов «на общих основаниях, принятых для других заводов». В феврале 1878 г. просьбу Н.Ф. Мещерина подтвердил в личном обращении к П.А. Валуеву доверенный фирмы «Браун, Болей и Диксон» британский подданный Мортимер Сальмон.

В Горном департаменте, куда министр направил прошение инженера и поверенного для экспертизы, сочли, что в случае продажи завода без торгов следует несколько изменить прежние условия. Цена завода оставалась той же, но рассрочка давалась лишь на 15 лет при платеже 5 % «интереса» и 5 % погашения. Товарищество согласилось с новыми условиями, попросив лишь ускорить ход дела.

Однако против продажи выступил государственный контролер С.А. Грейг. «Ввиду тех услуг, которые оказаны были Луганским заводом во время последних военных событий ежемесячным приготовлением 43 тыс. штук снарядов и какие могут, судя по теперешнему тревожному политическому положению Европы, потребоваться от него в будущем, – извещал он, – я признаю более удобным решение вопроса об отчуждении Луганского завода в частные руки до времени отложить». Комитет министров тоже проявил осторожность и отклонил представление П.А. Валуева о продаже Луганского завода британскому Товариществу [11].

Еще одна просьба в отношении Луганского завода поступила в 1880 г., когда славяносербский уездный предводитель дворянства Ф.Н. Булацель предложил министру государственных имуществ принимать на заводе частные заказы «по

исправлению сельскохозяйственных машин по удешевленным ценам... в видах воспособления развитию сельского хозяйства в Новороссийском крае». Последствий эта просьба не имела. Причиной отказа, как и в случае с иностранной компанией, стало успешное выполнение Луганским заводом казенных заказов на производство бомб и гранат (на сумму более 1,7 млн руб.) во время войны с Турцией 1877–1878 гг. Вследствие этого, по оценке Министерства государственных имуществ, он «был приведен в такое положение, что был в состоянии удовлетворить требованиям военного ведомства» [12]. Однако такое положение продлилось недолго.

К 1883–1887 гг. относится последняя известная нам попытка приобрести Луганский завод. В то время он вновь оказался не в состоянии «своевременно и удовлетворительно выполнять свои срочные заказы». В апреле 1883 г. бежецкий купец второй гильдии С.С. Орнштейн предложил передать ему управление предприятием, обязуясь выполнять все казенные заказы «на условиях, более выгодных для казны и более ее обеспечивающих». В качестве гарантии предлагался денежный залог. Со стороны казны лишь требовалось снабжать завод заказами от артиллерийского ведомства в течение шестилетнего срока «хозяйственно-технического управления» по ценам, «для завода неубыточным».

Однако директор Горного департамента Н.А. Кулибин воздержался от такой гарантии и в то же время счел нужным получить от предпринимателя, желавшего взять завод в управление, «особенную личную гарантию, состоящую в испытанной опытности его как заводчика», которой С.С. Орнштейн, видимо, дать не смог. По этим причинам Горный департамент, а вслед за ним и министр государственных имуществ отказались принять его предложение.

Через два месяца С.С. Орнштейн отреагировал на сделанные Н.А. Кулибиным замечания. В июне 1883 г. Горный департамент получил новую докладную записку, подписанную уже не только малоизвестным купцом, но и заслуженным генерал-майором К.П. Величковским. В ней были представлены «обновленные предложения, видоизмененные согласно указаниям господина директора»: компаньоны просили продлить срок своего управления заводом до 12 лет, предлагали в залог 50 тыс. руб., предусматривали неустойку в 5 % за невыполненный наряд и даже соглашались на то, чтобы горное ведомство не отвечало за количество и выгодность военных заказов, но взамен они оставляли за собой право выбора заказов. В другой записке, отправленной в Горный совет, где обсуждалось это предложение, генерал-майор не возражал заменить предложенный проект частного управления арендой, которую предпочитало тогда Министерство государственных имуществ во главе с М.Н. Островским, и соглашался «испытать разные системы управления» по усмотрению Горного совета [13].

Судя по всему, председатель Горного совета А.А. Иосса склонялся к разрешению такого опыта. Отправляясь на Урал в июне 1884 г., он предлагал своему заместителю «ближе вникнуть во все подробности дела». «Не могу отделаться от тревожной мысли, – писал он, – что Луганский завод будет

продолжать действовать со значительным убытком, от которого предложение Величковского и Орнштейна нас освобождает. Заподозрить же их недоброжелательность я права не имею». Видимо, после его возвращения дело сдвинулось с места, и 11 сентября просители были приглашены для переговоров в Министерство государственных имуществ. Там, скорее всего, и были им предложены условия аренды завода. Судя по проекту договора, Горный департамент выделял «по своему усмотрению» часть заказов для Луганского завода, но «не принимал никакой ответственности ни относительно качества и рода сих заказов, ни за выгодность цен, а также не ручался за ежегодное поступление означенных заказов». Условия аренды, утвержденные Комитетом министров 23 января 1887 г., существенно расходились с планами компаньонов, и это, вероятно, послужило причиной их отказа, тем более что заказов, которые обеспечивали бы работу предприятия, не последовало [14].

Известно, что «по несостоявшейся передаче в аренду частным лицам Луганского литейного завода» 20 июля 1887 г. Александр III повелел «действие завода прекратить впредь до приискания новых арендаторов, предложения которых, если бы они явились, внесены были на рассмотрение Комитета министров». В марте следующего года Горный департамент сообщал уже о закрытии завода, увольнении служащих и мастеровых «с обеспечением последних установленным продовольствием на один год» и о проведении оценки оставшегося заводского имущества. «Ввиду приискания новых арендаторов» Департамент намеревался сделать вызов желающих «через публикацию как в Правительственном вестнике, так и в Санкт-Петербургских, Московских и местных Екатеринославских ведомостях». Но и это, очевидно, не помогло. Высочайшим указом от 12 октября 1892 г. недействующий Луганский казенный завод «со всем имуществом движимым и недвижимым» был передан из горного ведомства в военное «для приспособления к устройству патронного завода». Военному министерству предлагалось воспользоваться лишь необходимой частью движимого имущества, «состоявшего преимущественно из ветхих и потерявших ценность материалов и вещей», а остальное «продать с торгов или списать с прихода по своему усмотрению» [15]. Сам же бывший заводский поселок еще в 1882 г. был преобразован в уездный город Луганск [16].

Ссылки и примечания:

1. См.: Неклюдов Е.Г. Горная реформа в России второй половины XIX – начала XX в.: от замысла к реализации. СПб., 2018. 576 с.
2. См.: Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1868. Т. 13, ч. 1. Прил. I к журн. № 59; Прил. II к журналу № 59.
3. РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 871. Л. 2–5, 21–34; ПСЗ-II. Т. 46. № 50048.
4. Там же. Ф. 37. Оп. 5. Д. 871. Л. 104–124 об.; Оп. 11. Д. 1525. Л. 4–7.
5. Там же. Оп. 5. Д. 884. Л. 232–243 об.

6. Там же. Оп. 64. Д. 585. Л. 48–58, 71–72 об.
7. Там же; ПСЗ-П. Т. 50. № 55361.
8. РГИА. Ф. 37. Л. 67–70 об.; Оп. 65. Д. 2000. Л. 17–21 об.; ПСЗ-П. Т. 50. № 54591.
9. РГИА. Ф. 37. Оп. 64. Д. 585. Л. 76–78, 83, 83 об., 85–91, 135, 141–142.
10. Там же. Л. 178–179 об.
11. Там же. Оп. 65. Д. 2000. Л. 3–7 об., 9–14, 17–23 об.
12. Там же. Д. 456. Л. 1–2; Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. Ч. 5: Горное дело. СПб., 1888. С. 149.
13. РГИА. Ф. 37. Оп. 12. Д. 719. Л. 1–4, 11–15, 16–21; Оп. 64. Д. 585. Л. 228–231.
14. Там же. Оп. 12. Д. 719. Л. 25, 25 об., 31–34 об., 42–44, 57–58, 64.
15. Там же. Л. 78; Д. 1234. Л. 1; ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 4081. Л. 8 об. – 9 об.; Узаконения и распоряжения правительства // Горный журнал. 1892. № 11. С. 267, 268.
16. См.: ПСЗ-П. Т. 2. № 1085.

УДК 94(470)

В.Ю. Карнишин

доктор исторических наук, профессор

Пензенский государственный университет, Россия

e-mail: valerykarnishin@mail.ru

ПОЗДНЕИМПЕРСКАЯ РОССИЯ В РЕАЛИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация

В статье рассмотрены особенности экономического и социокультурного факторов развития России начала XX в. Отмечены противоречия развития страны как следствие наложения нерешённых проблем в рамках реформ второй половины XIX в. на реалии модернизационного процесса

Ключевые слова: *Россия, модернизация, власть, экономическая политика, социокультурный фактор, кризис, политическая культура*

Summary

In the article the features of economical and socially-cultural factors of development of Russia of the beginning of XX century are considered. The contradictions of development of country as the consequence of mixture of unsolved problems in

reforms of the second half of XIX century with reality of modernizational process are marked.

Keywords: *Russia, modernization, power, economical policy, socially-cultural factor, crisis, political culture.*

Модернизационная парадигма, встреченная частью исторического сообщества России в условиях переоценки теоретико-методологических основ изучения переходных эпох отечественной истории, по-прежнему вызывает интерес в контексте осмысления реалий развития страны. Думается, правомерен вывод о том, что для России важны изменения в реформировании демократических институтов и экономики [1]. В этой связи представляется значимым и плодотворным изучение феномена российской модернизации в динамике самого исторического процесса с учётом выявления противоречий социально-экономического развития позднеимперской России, уяснения альтернатив-моделей общественного переустройства, предложенных консерваторами, либералами, неонародниками, анархистами и социал-демократами [2]. Думается, что реалистичность панорамы российской модернизации начала XX в. может быть достигнута на основе понимания того, что формирование нового институционального порядка представляет собой своеобразный итог взаимодействия/противоборства совокупности личностных (индивидуальных), групповых, корпоративных, национальных, ведомственных интересов [3].

Рассматривая экономический фактор модернизации, уместно напомнить о том, что в основе правительственной политики оставался государственный монополизм, регламентировавший торгово-промышленную деятельность. При этом извлечение максимальной прибыли так и не стало определяющей особенностью казённых военных предприятий, а использование рыночных отношений в сфере крупного промышленного производства не могла не повлиять на специфику экономического развития страны [4].

Особо следует отметить роль Донбасса в мозаичном полотне экономического сегмента модернизации. Строительство Юзовского завода и освоение рудников проходило на фоне притока иностранных инвестиций, связанных с деятельностью Дж. Юза. На средства российско-бельгийской компании был основан Петровский завод, продукция которого стала выпускаться с 1897 г. Французский и германский капиталы были инвестированы соответственно в Макеевский и Краматорский заводы [5]. Небезынтересно отметить и то обстоятельство, что строительство специализированных паровозостроительных заводов в Харькове (1897 г.) и Луганске (1900 г.) способствовало развитию российского паровозостроения [6].

Неоценимое значение для индустриализации Донбасса имеет деятельность Д.И. Менделеева, совершившего три поездки в Донецкий край по заданию С.Ю. Витте, возглавлявшего министерство финансов. География поездок, связанных с выяснением причин кризисных явлений каменноугольной промышленности, была достаточно широка: ознакомление с работой рудников в окрестности Юзовки и Ясиноватой, ртутного завода у станции Никитовка. Итогом поездок был доклад,

обосновывавший необходимость развития донецкой каменноугольной промышленности. Им была выдвинута идея подземной газификации углей. Помимо этого, Д.И. Менделеев предложил гибкую систему тарифов на угольную продукцию, обосновал необходимость развития железных дорог и портового хозяйства на Азовском и Чёрном морях.[7,8].

Возвращаясь к проблеме роли государства в экономической политике, следует указать, что важность амбициозных замыслов С.Ю. Витте может быть оценена с учётом необходимости устранить несоответствие между организационно-правовыми формами рыночных отношений и аграрным сектором, привести в соответствие друг другу законодательные нормы, отметить ограничения в правах на занятие торгово-промышленной деятельностью. Концептуальные основы системы С.Ю. Витте складывались под влиянием идей германского экономиста Ф. Листа, подчёркивавшего важность создания в стране «правильной национальной экономической системы» и необходимости укрепления экономических основ национального единства. Отсюда и кристальный интерес С.Ю. Витте к проблеме «инстинкта самосохранения нации в конкретных исторических условиях, которые зависели от понимания/непонимания необходимости экономического выживания» [9]. Как известно, реализация курса С.Ю. Витте отразилось во введении покровительственного тарифа, акцизной системы на алкоголь, интенсивном железнодорожном строительстве, и, наконец – проведение денежной реформы.

Между тем, противоречия экономического фактора модернизации осознавались частью деловых кругов, выразителем которых в частности являлся профессор Московского университета А.И. Чупров. Отметим некоторые положения, отмеченные известным русским экономистом. Во-первых, залог успеха развития промышленности он связывал с улучшением материального положения крестьянства как «основных покупателей промышленных изделий». Во-вторых, А.И. Чупров призвал не обольщаться надеждой на то, что правительственный протекционизм создаст гарантии для создания ёмкого рынка и удешевления промышленной продукции: «Промышленность в широком смысле слова может развиваться у нас только параллельно с расширением внутреннего спроса» [10]. Наконец, А.И. Чупров предостерегал от опасности усиления архаизации обработки земли в условиях аграрного перенаселения и падения сбора хлебов в 1901г. и предостерегал от опасности усиления архаизации обработки земли в условиях аграрного перенаселения и падения сбора хлебов в 1901г. [11].

Обращаясь к проблеме роли аграрного компонента модернизационного процесса, напомним о сохраняющихся разногласиях в оценке эффективности попыток решения крестьянского вопроса в деятельности С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. Безусловно, было бы поспешным заявлять о провале аграрной реформы П.А. Столыпина, которая создавала предпосылки для динамичного развития экономики, ликвидируя институциональные преграды в виде общины, чересполосицы, принудительного севооборота [12]. При этом следует указать на недостаточное правовое обеспечение аграрной реформы: введение предела наделной земли, приобретаемой владельцами, не позволяло собрать воедино самые

плодотворные земли. Помимо этого, сложности, связанные с приобретением земли лицами иных сословий стимулировали сохранение сословной разобщённости [13].

Социокультурный фактор модернизационного процесса характерен сочетанием весьма неоднозначных составляющих. В условиях нарастающей динамики миграционных процессов, урбанизации сохранялись черты патриархально-патерналистских отношений, приносили вчерашними крестьянами в новую для них городскую среду. Речь шла о крайне негативном отношении к частной собственности и своеобразном понимании института самодержавия [14]. Так, говорить в рабочей среде Донбасса вплоть до конца 1904 г. «против царя» нельзя было даже в небольших кружках. Большая честь рабочих, которые именовались профессиональными революционерами «отсталыми слоями пролетариата», даже в разгар событий 1905 г. встала, наряду с представителями других слоёв горожан, на защиту устоев государства [15]. Целесообразно отметить и противоречия повседневной жизни рабочих. Развлечения являлись своеобразной конвергенцией сельской и городской субкультур, сочетая как приобщение к чтению, театру, кинематографу, так и практику проведения кулачных боёв и пьянство [16].

Динамика модернизационного процесса требует понимания роли и значения этнографической ситуации многонациональной России. Объяснение сложных процессов этнической истории путём использования стилистики, свойственной работам 1920-х-первой половине 1950-х гг., для которых присуще следование оценкам нормативной идеологии, к сожалению, проявляется и поныне. Так, ответ на риторический вопрос («Почему украинские города не были украинскими») дается достаточно определённо, с утверждением о «колониальном положении подросийской Украины и колонизаторской национальной политикой Российского царизма» [17]. Представляется, что подобные оценки отражают сложности и противоречия конструирования на современной Украине политической нации с использованием инструментария известных идеологов.

Каковы же были особенности национальной политики Империи на территории Юга и Востока Украины? Во-первых, была очевидна настороженность со стороны властей украинофильством под влиянием последствий польских восстаний XIX в. и активизации национального движения в польских губерниях. Во-вторых, власти не проявляли денежной гибкости в национальной политике. В-третьих, опора на дворянскую корпорацию с преобладанием католиков создавало основу для заигрывания с украинским православным крестьянством. Наконец, миграционные процессы, захватившие земли Новороссии, по мнению А.В. Баранова, создавали условия для укрепления региональной идентичности на этих землях. Однако власть в силу различных причин пойти на это не смогла [18]. Характеризуя специфику начала XX в. этнополитической ситуации уначала XX в. , современные украинские историки отмечают «размытость этнических границ, что исключает наличие украинской «национальной сознательности», отразившееся в данных Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Так, 46,7% переселенцев в Донбассе составили выходцы из русских губерний, 37,9% - украинских, 0,8% - белорусских,

1,8% из Кавказа, 8,4% - других регионов. Основы русскоязычности на Донбассе были заложены благодаря притоку преимущественно крестьян-отходников из Тамбовской, Тульской, Орловской, Курской, Воронежской, Рязанской, Пензенской, Смоленской и Калужской губерний. Темпы интенсивной урбанизации обусловили ликвидацию бытовой изоляции (языковой, психологической конфессиональной, социально-экономической), что определило своеобразие межкультурного обмена и формирование социо-демографического облика Донбасса – преобладанием русского языка, русской культуры и традиций [19].

Конфессиональная ситуация характеризовалась преобладанием православных. Русская православная церковь в пределах Донбасса имела при Епархии – Екатеринославскую, Донскую и Харьковскую. Помимо этого, Донбасс стал пристанищем для преследуемых по религиозному признаку. В Славяносербском округе – оплоте старообрядцев в Екатеринославской губернии в Русской Православной Церкви обусловили религиозные искания среди славянского населения, что проявлялось в деятельности баптистских миссионеров. Миграционные процессы были свойственны и для евреев (черта оседлости проходила по реке Кальмиус и в границах, которые разделяли Екатеринославскую губернию и Область Войска Донского). Особая активность была характерна для иудейских общин Мариуполя, Донецка, Горловки и Енакиево [20].

Имперская политика по отношению к западным окраинам отражала традицию, сложившуюся в XIX в., одним из принципов которой являлось достаточно стойкое неприятие к договорному праву, предполагавшему соглашение между сувереном и народом. Попытки дать польским губерниям особый государственно-правовой статус разбивались о неуловимую логику модели государственности, отягощённой сохранением сословной структуры с опорой на унифицированную бюрократическую модель [21]. Достаточно противоречивой была и трактовка статуса Великого Княжества Финляндского. Так, в юридической литературе при оценке его места в системе государственности выделяют следующие точки зрения: непризнание автономного устройства; отстаивание реальной унии во взаимоотношениях Финляндии и империи; оценка статуса Финляндии как инкорпоративной провинции, наделённой значительной степенью автономии; присоединение Финляндии к России в качестве государства на началах унии [22]. Уместно отметить, что для начала XX в. был характерен рост национального самосознания мусульман Российской империи. Стремление к расширению прав и свобод, участию в деятельности государственных структур сопровождалось ростом недовольства части подданных – особенно в среде духовенства и интеллигенции. Вероисповедное законодательство исходило, прежде всего, из принципа ранжирования конфессий и предоставляло господствующей церкви исключительное право прозелитизма, препятствуя переходу из одной конфессии в другую [23].

Власти достаточно пристально наблюдали за растущим (как они полагали) тяготением части мусульман к идеям пантюркизма, что обусловило контроль над частью духовенства, получавшей богословское образование на Арабском Востоке.

Между тем, модернизационные перемены не могли не влиять на стремление к образу жизни и образу мыслей с целью освободиться от излишней правительственной опеки. Секуляризация по европейским стандартам воздействовала на мусульман, избранных в состав первых четырёх Государственных дум в начале XX в. Симптоматично, что ещё до обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. на имя главы правительства С.Ю.Витте была представлена докладная записка от уполномоченных Казанского мусульманского общества, в которой констатировались пробелы, связанные с отсутствием учета интересов мусульман в Своде Законов Российской империи. Авторы записки высказали многочисленные пожелания, среди которых следует особо выделить: предоставление мусульманам всех сословий права издания газет и журналов на родном языке, право на свободу торговли на территории всей страны; дарование мусульманам права «государевой службы»; отмену образовательного ценза (обязательное знание русского языка) в отношении кандидатов на духовные должности; отказ от светской цензуры при издании духовных сочинений; присвоение мусульманскому духовенству и их потомкам звания почётных граждан с изъятием их из подсудности судов низшей инстанции [24]. На Северном Кавказе власти стремились использовать достаточно гибкие методы своей политики, практикуя реализацию системы поощрительных механизмов как приёма укрепления лояльности различных слоёв местного населения в отношении имперской власти [25]. Помимо этого, для «умиротворения» и эффективного управления на Северном Кавказе администрация адаптировала весьма гибкую судебную систему, поддерживающую стабильность в позднеимперский период [26].

Модернизационный процесс в позднеимперской России отражал наложение противоречий, не решённых в рамках Великих реформ и более позднего периода, а также реалий динамично развивавшейся рыночной экономики. Специфика политической и правовой культуры всех социальных групп общества с сохранением переплетения патриархальных традиций и новых веяний наслаивалась на неприятие частной собственности существенной частью населения, мессианство политизированной интеллигенции, ностальгию по устоям дореформенного самодержавия у части элиты. Полиэтнический состав населения, наличие различных укладов жизни в условиях роста национального самосознания и недовольства национальной политикой не могли не влиять на массовые настроения на фоне постоянного напряжения, связанного с экономическими кризисами начала XX в., последствиями двух войн и революционных потрясений.

Ссылки и примечания:

1. Баранов А.В. Этнические процессы на Юге и Востоке Малороссии и их государственное регулирование в Российской империи (XIX – начало XX вв.)/ А.В. Баранов // Научная мысль Кавказа. 2016. №4. С. 91-92.

2. Модели общественного переустройства России. XX век /В. В. Зверев, Н. И. Канищева, А. Н. Медушевский [и др.]; отв. ред. В. В. Шелохаев; Ин-т общественной мысли. М., 2004. 606 с.
3. Побережников И.В. Модернизация в истории России: направления и проблемы изучения /И.В.Побережников//Уральский исторический вестник. 2017. -№4(57). С. 41-42.
4. Поликарпов В.В. От Цусимы к февралю. Царизм и военная промышленность России в начале XX века. /В.В.Поликарпов.М., 2008. С. 218, 241.
5. Смолій В., Кульчицький С., Якубова Л. Донбас і Крим в економічному, суспільнополітичному та етнокультурному просторі України: історичний досвід, модерні виклики, перспективи (Аналітична доповідь) / Відп. ред. Г.Боряк. К.: Ін-т історії України НАН України, 2016. С.65.
6. Донік О.Індустріальне освоєнняДонбасу у ХІХ – на початку ХХ ст. / О. Донік // Регіональна історія України. 2015. Вип. 9. С. 201-214.
7. Акентьев А. Менделеев:будущая сила на берегах Донца Электронный ресурс. Режим доступа :<http://mspu.org.ua/pulicistika/17834-mendeleev-buduschaya-sila-na-beregah-donca.html>
8. Дзюбенко П. В.Д.И. Менделеев и таможенный тариф: Таможенно-тарифная политика в научном наследии Д.И. Менделеева: уроки для России/П.В.Дзюбенко.М.:Русская Новь, 2003. С. 383
9. Лачаева М.Ю. Размышления С.Ю. Витте о коренных проблемах Российской государственности / М.Ю. Лачаева // Вестник Московского университета. Серия. История.2012. №5.С. 71- 79.
10. Чупров А. И. Россия вчера и сегодня. Статьи. Речи. Воспоминания / А. И. Чупров. М., 2009. С. 107.
11. Карнишин В.Ю. Модернизация и российское общество в начале XX в./В.Ю.Карнишин//Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. №3(23).С. 6.
12. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революция в имперской России (XVIII-начало XX века /Б.Н. Миронов. М. ,2010. С. 663.
13. Уильямс С. Либеральные реформы при нелиберальном режиме: создание частной собственности в России в 1906-1915 гг. ,М. ,2009. С. 264.
14. Карнишин В.Ю. Указ. соч./В.Ю.Карнишин.С. 6.
15. Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX-XX в. Ю.И.Кирьянов //Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861-февраль 1917 г. СПб. ,1997. С. 70.
16. Гончаров В.В., Койнаш В.В. Развлекательная культура рабочих Донбасса (конец XIX-начало XX вв.) /В.В.Гончаров, В.В.Койнаш//Науки. Религия. Общество. 2013.№1(53). С. 26-27.
17. Поліщук Ю. Соціокультурні трансформації в Україні наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. / Ю. Поліщук // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. 2016. Вип. 3-4. С. 391-408.

18. Баранов А.В. Указ. соч.
19. Яковлева Ю.К. Оносова И.А. Особенности формирования и развития демографических и этнокультурных процессов в Донбассе. /Ю.К. Яковлева, И.А. Оносова // Вестник Оренбургского государственного университета . 2015. № 8 (183). С. 165.
20. Войналович В. А, Кочан Н.І.Релігійний чинник етнополітичних процесів на Донбасі: історія і сучасність/ В. А. Войналович, Н.І. Кочан ; Нац. акад. наук України, Ін-т політ. і етнонац. дослідж. ім. І. Ф. Кураса. Київ :ІПіЕНДім. І. Ф. Кураса, 2014. С.31,35,39,41.
21. Карнишина Н.Г. Западные губернии Российской империи: проблемы государственно-правового устройства /Н.Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. №3. С.19.
22. Карнишина Н. Г. Статус Великого княжества Финляндского в составе Российской империи в оценках дореволюционных ученых-юристов /Н. Г. Карнишина // История государства и права. 2010. № 15. С.24-28.
23. Усманова Д.М., Михайлов А.Ю. Ислам и православие в позднеимперской России: институты и социальный-правовой статус (на примере Волго-Уральского региона). Казань. 2014. С.56.
24. Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906-1917 / Д.М. Усманова. Казань,2006. С. 258-259.
25. Маремкулов А.Н. Поощрительные нормы как юридический механизм реализации политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII - XIX веках (Ретроспективный анализ)/ А.Н. Маремкулов // Кавказский сборник/ Под ред. В.В. Дегоева. М., 2017.С.46.
26. Историко-культурные традиции народов Северного Кавказа. Научно-справочное пособие / Под ред. академика В.А. Тишкова. М. .2013. С.52.

УДК 93/94:908(913)

М.Ю. Киселев

кандидат исторических наук

ФГБУН «Архив Российской академии наук»

e-mail: kiss_RAN@mail.ru

О СТАРОЙ МЕТАЛЛУРГИИ ДОНБАССА: ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АКАДЕМИКА И.П. БАРДИНА

Аннотация

В статье представлена информация о воспоминаниях «О старой металлургии Донбасса» академика И.П. Бардина, датированных 27 июня 1958 г. и хранящихся в Архиве Российской академии наук. Кратко приведена история города Юзовки, создания и восстановления металлургического завода, а также о мастерах и инженерах, принимавших участие в производстве.

Ключевые слова: *история, Юзовка, воспоминания, И.П. Бардин, архив, Российская академия наук.*

Summary

The article presents information about the memoirs “On the Old Metallurgy of Donbass” by academician I.P. Bardin, dated June 27, 1958 and stored in the Archives of the Russian Academy of Sciences. The history of the city of Yuzovka, the creation and restoration of a metallurgical plant, as well as masters and engineers who participated in the production are briefly summarized.

Keywords: *history, Yuzovka, memories, I.P. Bardin, archive, Russian Academy of Sciences.*

Архив Российской академии наук в Москве и его Санкт-Петербургский филиал остаются одними из старейших архивохранилищ России по истории отечественной науки и культуры за XIX-XXI вв. В нем хранятся фонды академических учреждений и организаций, фонды личного происхождения ученых и архивные коллекции. В архиве сохранился личный фонд Ивана Петровича Бардина (1883-1960), советского металлурга, академика, вице-президента Академии наук СССР. Работал на металлургических заводах: Юзовском (1911-1915), Енакиевском (1915-1923), «Югсталь» (1915-1924), Макеевском (1924-1925), имени Ф. Э. Дзержинского в Каменском (1925-1929).

В фонде ученого обложился его воспоминания «О старой металлургии Донбасса», датированные 27 июня 1958 г. [1].

Ученый отмечал, что сам по себе Донбасс представлял молодую металлургию России. Первые металлургические заводы были расположены в разных местах страны и связывались с древесным углем, которого в Донбассе как раз и не было. К числу старых заводов относится Юзовский (Сталинский) завод, существующий поныне и работающий полным циклом. И.П. Бардин останавливался главным образом на Юзовском заводе, «так как он отражал состояние других заводов Донбасса и был главной кузницей русских металлургических кадров для всех новых заводов в этой части страны».

Он писал: «Подъезжая к Юзовке, Вы сразу могли определить, что это именно Юзовский завод – его легко узнать по дыму, расстилавшемуся примерно на 60 километров. Юзовка – это довольно большое местечко, очень грязное, чему способствовали, кроме пыли и дыма заводских труб, отсутствие мостовых и выветривание сухой почвы. А ветры в Донбассе – особенные». Ученый отмечал, что здесь единственная мощеная улица, называется Первой линией, на которой размещались рестораны «Гранд-Отель», «Великобритания», различные питьевые заведения и другие значные места. Городской сад с жалкой растительностью, плохоньким оркестром и гастрольями заезжих артистов. Задымленные здания заводских цехов, доменные печи, нелепые копры печей и шахт посреди степи, летом выжженной южным солнцем, а зимой заснеженной.

Это был Клондайк Джека Лондона, но Клондайк ожиревший, начавший резко дифференцироваться. Первая группа – богатые и состоятельные тузы поселка, купцы, владельцы шахт, технических контор, директора рудников и заводов, частью начальники крупных цехов, а также спекулянты углем, железом и чем угодно, поселившиеся в Юзовке для легкой наживы. Эта группа людей жила веселой, сытой жизнью, много проживала, но и много наживала. Вторая группа – это обыватель, живущий за счет милостей первой группы, скопидомный, помещавший свои сбережения только в выгодное и верное дело. Третья группа, самая большая – бесправная и забитая рабочая масса – шахтеры, заводские рабочие, приехавшие в Юзовку для того, чтобы подправить свое хозяйство, в действительности, оставлявшие здесь свое здоровье и жизнь, работая на иностранный капитал. Жили они в грязных заводских казармах или частных лачугах. Шахтеры были известны своей разгульной жизнью, с особой силой, проявлявшейся в дни получки, когда городская больница бывала заполнена жертвами драк и грабежей.

Трудно было в такой обстановке сохранить моральную и физическую чистоту, в особенности молодому рабочему и инженеру, легко было потерять грань между трудом, дающим наслаждение, и стяжательством в накоплении богатства, ибо Юзовка в то время для начинающих жить инженеров была беспокойной бухтой. И люди слабой воли скатывались вниз. Лишь некоторым из рабочих удавалось попасть, в начавшиеся организовываться, в особенности, на заводах, рабочие кружки. Были и инженеры, которых не деньги и не поклонение богу Мамону заставляло работать. Эта группа не примыкала к богатым обывателям, правда, не всегда участвовала и в рабочих кружках, но жила своим миром. Их интересами

была творческая работа, дающая возможность проявить свои знания и стать искусным мастером дела.

Техника производства и ее совершенствование составляли главную пищу участников этой группы, которую возглавлял Михаил Константинович Курако. Она была немногочисленной, но интернациональной: в нее входили инженеры и мастера как русские, так иногда и иностранные, с образованием и без него, но с обязательным фундаментом большой заводской работы. Жизнь этой группы и ее интересы, сосредоточенные главным образом на вопросах производства, молодым людям были наиболее близки. В них они находили смысл и считали за счастье войти в группу и учиться у людей, которые знали то, чего не могли дать институты. Участники этой группы были людьми, лишенными низкопоклонства и чинопочитания, что также привлекало молодежь. Женское общество здесь совершенно отсутствовало.

Юзовский завод был построен и выдал первый рельс в 1871 г. Строили его по особой договоренности с Джоном Юзом для прокатки рельсов, за которые ему в течение длительного времени платили добавочную цену, окупавшую издержки по строительству всего завода. Завод был пущен при одной доменной печи. Первое время он работал на пудлинговых печах, впоследствии замененных одиннадцатью мартеновскими печами, расположенными в здании. Мартеновским цехом руководил единолично англичанин Рыс, с присущей ему настойчивостью и беспощадностью по отношению к рабочим. Печи этого цеха размещались в глубокой яме, близко приставленные друг к другу. Вытаскивание из канав слитков, перемещение их к прокатным станам и другие операции осуществлялись паровыми кранами малой мощности. Газогенераторы находились также в яме. Работа была исключительно тяжелой. Во время шуровки, которая производилась без соблюдения правил технической безопасности, и, тем более, необходимых санитарных условий, там был ад кромешный. Рабочих часто вытаскивали из ям в бесчувственном состоянии и укладывали тут же для «освежения». Можно себе представить, какова была чистка тридцати, примерно, колосников генераторов Сименса, расположенных в такой яме в несколько рядов, один против другого. «Все это мы видели своими глазами. А об изнурительной работе пудлинговщиков, труд которых, несомненно, был еще тяжелее, чем в мартеновском цехе, мне рассказывали товарищи, отцы которых работали на пудлинговых печах».

Зная, что необходимо, так или иначе, расширять производство стали, являющееся наиболее доходной статьей дохода, и не имея для этого ни средств, ни площадей, правление Юзовских заводов установило два бессемера по 10-15 тонн. Они дали всего около 100 тыс. пудов стали, которая не могла быть использована, так как руда, идущая на выплавку чугуна, содержала много фосфора. Цех, построенный по типичному бессемеровскому образцу, работал всего полтора года, а затем был остановлен и бездействовал.

В конце XIX в. был перестроен на паровой технике рельсопрокатный цех, который выпускал главную продукцию завода. Цех имел несколько довольно хороших паровых машин и 30-40 котлов, утопленных в яме, как и печи Сименса,

рабочая площадка которых находилась наверху, а вся печь – внизу. Поэтому, какие бы то ни было, ремонты становились затруднительными. Листопрокатные и мелкосортные станы работали на паровом приводе, а затем, по мере увеличения производства, их перевели на электричество. Мелкосортный цех, как и листопрокатный, был переделан русскими инженерами, в числе которых следует назвать Николая Андреевича Соболевского.

«В 1910 г. мне, только что окончившему институт молодому человеку, предложили работу чертежника. Убедившись в том, что мне не удастся в короткое время встать у горна доменной печи, а это казалось основным и главным, чего следовало добиваться, - я отправился искать работу на металлургических заводах Америки. После полутора лет изнурительной работы в горячих цехах заводов, я возвратился на Родину с подорванным здоровьем и стал работать уже инженером непосредственно на производстве». Технические средства в руках инженера в то время были исключительно скромные, машины слабые, материал для плавки совершенно неопределенный, доменные печи зачастую выходили из строя.

Касаясь последствий революционных событий 1917 г. и гражданской войны, ученый отмечал, что отступление, наступление, разрушение заводов, затопление шахт сказались больше всего на Юзовке. Будучи окруженной шахтами, имея больше предприятий, чем другие города, Юзовка из-за своей тяжеловесности, незаконченности и беспорядочности не могла встать на ноги раньше других. И раздумывали, что делать с нелепым планом завода, в свое время считавшимся хорошим, сделанном англичанами при старом Юзе – самоучке кузнице, но большом практике, и как превратить завод в хорошее металлургическое предприятие. Все окружающие заводы стояли – не было угля, шахты были затоплены.

И.П. Бардин вспоминал один из вечеров сентября 1921 г. Его пригласили в Юзовку старые потомственные рабочие – бывший газовщик Влас Степанович Луговцев и его сын Максим Власович на празднование 50-летия завода. Все бездействовало, включая электростанцию, освещение свечи, положение было отнюдь не праздничным. Праздновали с тяжелой душой, не хотелось думать о настоящем заводе, а мысли уносились в будущее, к осуществлению на Юзовском заводе технических новшеств, о которых всегда мечтали. Директор завода – Иван Гаврилович Макаров был русским самородком. Ученый вспоминал, что он приехал как будто из Иванова, и никогда не видел металлургического завода. Побывав на заводе в Енакиево, где тогда работал И.П. Бардин, и осмотрев единственную доменную печь, которая давала настоящий чугун, и мартеновские печи, И.Г. Макаров смело взялся сначала за восстановление, а затем и реконструкцию Юзовки. Вместе с механиком Юзовского завода Кошеленко, инженером Николаем Ивановичем Лукашкиным и Николаем Григорьевичем Кизименко И.Г. Макаров сумел перестроить завод без остановки и снижения производства.

Ученый констатировал, что когда у людей есть основная цель во что бы то ни стало сохранить и развить дело, которому они призваны, в конечном счете они добьются хороших результатов и морально будут компенсированы. Такие люди, как Макаров, Луговцев, Кизименко и многие другие знали только одно дело – свой

завод, и когда завод встал, они сумели в самых тяжелых условиях пустить его вновь. В истории Юзовского завода нельзя переоценить и роль М.К. Курако: с 1910 г. д 1917 г. он два раза был на этом заводе. Его заслугой было воспитание многочисленных русских доменщиков. Он отмечал, что главное положительное со стороны рабочих и специалистов заводов Донбасса во время революционных событий 1917-1918 гг. было то, что почти все рабочие оставались на своих местах и старались, во что бы то ни стало, заставить работать доменные и мартеновские печи. Почти весь руководящий персонал металлургических предприятий, отдельных цехов, лабораторий и строительных контор также оставался на месте.

И.П. Бардин отмечал, что цель этих воспоминаний вовсе не в описании заводов, появившихся на месте старых развалин, а показ роли и значения предприятий Донбасса и его людей, сохранивших русскую металлургию и так изменивших облик заводов. Два старейших металлургических завода юга России – Юзовский и Сулинский – существовали 90 лет, а более молодые – 60 лет. За это время коллективы сумели по доменному и мартеновскому производству догнать и перегнать Америку и осуществить мечту о новой технике. В этом заслуга и тех людей, которые работали на заводах ранее: к ним относятся механики Краматорского и Мариупольского заводов, доменщик Макеевского завода И.Г. Коробов и многие другие люди Донбасса. Они положили начало освобождению русской металлургии от иностранной зависимости. Это бывшие могилевские, орловские, курские крестьяне, никогда не видевшие огня металлургических печей, не знавшие, что такое жидкий чугун, как отливается и куется железо – полностью овладели металлургической техникой и могли соревноваться с любыми иностранцами.

В заключение И.П. Бардин утверждал: «Все пережитое заводами Донбасса подтверждает, что русские рабочие, несмотря на тяжелейшие раны, нанесенные металлургической промышленности в период до 1925 г. и в годы Великой Отечественной войны, никогда не теряли мужества и выходили победителями. Можно быть уверенным, что они победят и в будущем. Их задачей является передача своего богатейшего опыта и знаний молодежи, призванной заменить старых мастеров, рабочих и инженеров. Восприняв добрые старые металлургические традиции, осваивая новейшую технологию и направляя всю свою кипучую энергию и энтузиазм на благородные цели расширения промышленности, молодые рабочие и инженеры еще более будут способствовать расцвету нашей любимой Родины».

Отметим, что представленная информация является небольшим штрихом к истории Донбасса и города Донецка, позволит расширить источниковедческую базу по истории региона и может быть использована в образовательных и исследовательских целях.

Ссылки и примечания:

1. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 661. Оп. 1. Д. 129. Л. 1-11.

УДК 378.091.12.011.3–051:93/94:929Грушевский(477.61)«192»

Т.Ю. Анпилогова

кандидат исторических наук,
ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный
университет имени Тараса Шевченко»
e-mail: dana-100@yandex.ru

ВКЛАД СЕРГЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ГРУШЕВСКОГО В РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ НА ЛУГАНЩИНЕ В 1920-е ГОДЫ

Аннотация

В статье рассматривается научная и педагогическая деятельность профессора истории Сергея Грушевского. Особое внимание уделяется его работе в Донецком институте народного образования в Луганске в 1920-е годы. Показан вклад ученого в развитие образования и науки Луганщины.

Ключевые слова: научная деятельность, Луганщина, ДИНО, С.Г. Грушевский, Научное общество на Донетчине.

Summary

The article deals with the scientific and pedagogical activities of the history professor Sergei Grushevsky. Particular attention is paid to his work in Donetsk Institute of Public Education in Lugansk in the 1920s. The scientist's contribution to the development of education and science of the Luhansk region is shown.

Keywords: scientific activity, Luhansk region, DINO, S.G. Grushevsky, Scientific society in the Donetsk region.

Донбасс издавна считался «колыбелью пролетариата», «промышленным сердцем» Российской империи, а затем и советской Украины. Подобное смещение акцентов в сторону исключительно экономических характеристик обуславливало искаженное формирование его образа как пролетарского региона, не имеющего своей культурной и научной элиты. Между тем, именно создание сильного научного потенциала Луганщины и Донетчины в 1920-е годы дало возможность и далее сохранять приоритетные позиции в экономическом развитии УССР. Немалую роль сыграли в научном развитии края ученые, командированные в местные вузы из других губерний после окончания гражданской войны.

Одним из таких ученых был профессор истории Сергей Григорьевич Грушевский, около пяти лет проработавший в Донецком институте народного образования (далее – ДИНО), являвшимся в межвоенный период не только первым высшим учебным заведением Луганщины, но и важным центром научно-

исследовательской деятельности. Условно в профессиональной деятельности ученого можно выделить несколько периодов, в течение которых он работал соответственно в Киеве, Златополе, Полтаве, Луганске, Краснодаре. «Луганский период» оказался одним из самых плодотворных в карьере и научном творчестве профессора Сергея Григорьевича Грушевского, что на сегодняшний день не нашло должного отражения в историографии, но подтверждается архивными источниками, в том числе, впервые вводимыми в научный оборот в данной статье.

Будущий историк родился 24 июня в 1892 г. в с. Каменка Чигиринского уезда (по другим данным – в 1888 г. в с. Чегринское на Киевщине) в семье потомственного священника Григория Грушевского [1; 2]. Матерью С. Грушевского была Ольга Грушевская (в девичестве Ранцова) – дочь известного писателя и переводчика Владимира Ранцова. Крестным отцом Сергея стал его дальний родственник, известный украинский историк и политический деятель Михаил Грушевский.

Окончив с золотой медалью Златопольскую гимназию, в 1909 г. Сергей Григорьевич поступил на историко-филологический факультет киевского университета Святого Владимира, на кафедру российской истории. Не без содействия известного родственника, имевший склонность к научной деятельности, Сергей Грушевский рано начал заниматься историческими исследованиями под руководством сначала профессора М. Довнар-Запольского, а затем В. Данилевича. В 1912 г. вышла в свет его первая статья «Славяно-немецкие отношения». После окончания университета молодой ученый продолжил обучение при кафедре в качестве профессорского стипендиата, параллельно работая преподавателем в одной из гимназий [1, с. 39]. В сферу его научных интересов входила история становления и развития русских городов.

Будучи студентом, С. Грушевский стал членом молодёжного общества «Двуглавый орёл», славившегося антиукраинскими и антисемитскими выступлениями, однако после революционных событий 1917–1920 гг. он перейдет на проукраинские позиции.

В 1917 г. во время проведения выборов в Киевскую городскую думу он вошёл в первую пятёрку «Внепартийного блока русских избирателей», созданного В. Шульгиным для участия в выборах. По результатам голосования С. Грушевский был избран гласным Думы [3]. В 1916 г. он женился на дочери священника Ольге Левитской.

В 1920 г. в Златополе на базе местной гимназии С. Грушевский основал Институт народного образования имени III Интернационала и непродолжительное время был его директором. Затем он в течение трех лет работал инспектором народного образования в Полтаве, где был обвинен в «буржуазном национализме» и в 1923 г. вместе с мужем сестры – профессором Родионом Кутеповым – отправлен в Луганск.

В начале 1920-х гг. в УССР была довольно распространена практика «высылки» на Донбасс «неблагонадежных» в политическом плане лиц, – ученых, преподавателей, служащих, – имевших большой практический опыт, но не

пользовавшихся доверием советской власти. При этом местная администрация вузов была вынуждена принимать на работу подобных лиц, руководствуясь, с одной стороны, установками центра, с другой, необходимостью улучшения качественного преподавательского состава в условиях первоначального дефицита научных кадров. При этом внешняя толерантность при приеме на работу компенсировалась пристальным контролем со стороны органов ГПУ деятелей культурно-образовательной сферы. Руководители вузов и культурных учреждений перед тем, как принять на работу сотрудника, были обязаны направлять в окружные отделения ГПУ запрос относительно благонадежности претендента на ту или иную должность [4]. В начале 1923 г. в высшие учебные заведения поступил секретный циркуляр Главного управления профессиональным образованием, в котором говорилось о необходимости предоставления не только личных дел преподавателей, но и их «политической характеристики» [5].

Несмотря на беспартийный статус и неполное политическое соответствие облику новой пролетарской интеллигенции С. Грушевский в 1925 году был принят на работу в ДИНО, причем сразу назначен деканом факультета социального воспитания. Декан считался заместителем директора института и, согласно решению, принятому правлением вуза, был обязан замещать его во время отсутствия. Деканом второго действующего тогда в ДИНО факультета – рабфака – в этот период являлась известная революционерка и историк Анна Ивановна Глядко́вская.

В условиях частой смены директоров института и кадровой нестабильности 1920-х гг. С. Грушевский фактически выполнял функции организатора всей учебно-методической работы: неоднократно проводил заседания правления ИНО, возглавлял профильную комиссию, в 1927 г. инициировал и курировал процесс создания факультета заочного обучения, содействовал получению финансирования для научных командировок преподавателей и т.д. Накопленный им опыт организационной и методической работы был обобщен и апробирован в виде научных докладов («Обзор современной текущей литературы по учету труда») и статей («Организация факультета заочного обучения при ДонИНО // Советская школа. – 1927. – №2») [6].

На эффективность педагогической деятельности ученого не повлияла и глубокая семейная драма – в 1926 г. у С. Грушевского после долгой болезни умерла дочь, из-за чего он какое-то время отсутствовал на работе [7].

Большое значение придавал профессор Грушевский развитию научно-исследовательской работе института. По его инициативе правлением вуза неоднократно предпринималась попытка создания при ДИНО научно-исследовательской кафедры Донбассоведения. Понимая, что научный потенциал Луганска довольно значим и должен быть востребован в государстве, в июне 1926 г. правление института впервые обратилось в Народный комиссариат образования УССР с просьбой о разрешении открыть подобную кафедру. В докладной записке, адресованной Укрглавнауке, излагался проект, согласно которому в состав кафедры должны были войти: социально-историческая секция (с подсекциями

археологии, образования и культурной работы), секция изучения природных богатств Донбасса, секция изучения промышленности и электрификации Донбасса.

31 июля 1926 г. на заседании Президиума Укрнауки Наркомата образования УССР этот вопрос был рассмотрен и принята резолюция, в которой фиксировалось, что «в Донбассе сложились благоприятные условия для проведения научно-исследовательской работы» [8]. Однако, не смотря на признание своевременности подобной инициативы, руководство Главнауки так и не дало разрешения на открытие кафедры, предложив с целью проведения подготовительной работы создать научное общество, которое объединило бы все научные силы Донбасса.

Позднее, в 1928 г., С. Грушевский выступал на заседаниях секции научных работников с предложением о создании научно-исследовательской кафедры по истории украинской культуры с отделениями: истории литературы и языка, и сельского хозяйства с отделениями землеведения, биологии, археологии» [9], но и тогда инициатива не была поддержана центральным руководством. Понимая актуальность развития научных исследований в институте С. Грушевский неоднократно обосновывал на заседаниях правления и необходимость издания сборника научных трудов преподавателей – «Научных записок ДИНО» [10].

В конце 1926 г., откликнувшись на предложение Главнауки о создании научного общества, ученые Луганщины создали «Научное общество на Донетчине», в состав которого вошли, помимо преподавателей ДИНО, представители вечернего индустриального техникума, сельскохозяйственного, железнодорожного и кооперативного техникумов. Фактическим руководителем общества стал профессор института, соратник С. Грушевского Фома Антонович Бельский. В структуру научного общества вошли несколько научных секций: археологическая, педагогическая, секции продукционных сил, социально-историческая, украиноведческая [11]. На деньги, собранные членами общества издавался научный сборник «Праці Наукового Товариства на Донеччині».

Будучи активным членом общества, С. Грушевский в течение нескольких лет выступал на социально-исторической и украиноведческой секциях с научными докладами «К характеристике оккупации немцами Украины в 1918 г (по материалам Луганского Окрархива)», «Кирилло-Мефодиевское общество», «Очерк по истории Октябрьской Революции на Луганщине», «Революция на Луганщине», «Характеристика научной и общественной деятельности академика Д.И. Багалия» и др. [12].

Научный потенциал преподавателей ДИНО реализовывался и в виде участия в деятельности Луганской секции научных работников (далее – СНР), основанной в мае 1924 г. Среди ее членов были: первый директор института П. Ефремов, преподаватели Ф. Бельский, И. Войтенко, С. Грушевский, А. Глядковская, С. Локтюшев и др. В 1925 г. Сергей Грушевский возглавил окружное бюро секции, в состав которой уже входило 29 ученых. Главной задачей луганской окружной СНР было оказание помощи местным ученым в решении их

профессиональных и бытовых проблем, организация лекций, экскурсий, культурно-просветительских мероприятий. Под руководством С. Грушевского за первые годы работы секции были проведены несколько «вечеров вопросов и ответов» для работников образовательной сферы, торжественные мероприятия по случаю годовщины юбилея И. Франко, Д. Багалия и других украинских деятелей науки и культуры, прочитаны доклады по физике, химии, астрономии в рабочих клубах, лекции в учебных заведениях районов и городов Луганского округа. Важное значение уделялось деятельности кружков.

В конце 1925 г. в ДИНО в качестве «учебно-вспомогательного учреждения с целью изучения проблем педагогики и педагогических дисциплин» был открыт педагогический музей, который возглавил профессор Ф.А. Бельский. Основной задачей педмузея стало «распространение педагогических идей среди студенчества, учеников, учителей трудовых школ, широких масс трудящихся». Одним из первых почетных членов музея был избран С. Грушевский [13].

В 1929 г. Правлением института Сергей Григорьевич был рекомендован к вступлению в Общество историков-марксистов [14]. Архивные документы свидетельствуют, что в профессиональной деятельности ученого, сохранявшего статус беспартийного, как и большинство других преподавателей, периодически возникали проблемы, являвшиеся препятствием и для его карьерного роста, и для профессиональной самореализации. Так, важную роль в политическом образовании и развитии исторической науки в УССР в 1920-е гг. играло такое научно-исследовательское учреждение как истпарт – комиссия, занимавшаяся сбором, хранением, научной обработкой и изданием материалов по истории коммунистической партии и революции 1917 г. Истпарт подчинялся ЦК КП(б)У и имел филиалы в окружных центрах. Луганская окружная организация, выполнявшая функцию популяризации истории партии, параллельно являлась своеобразным механизмом партийной цензуры. Местные историки, среди которых А. Глядковская и С. Грушевский, также приобщались к деятельности окружного истпарта. Например, в 1928 г. по инициативе отдела было решено издать разработанные С. Грушевским материалы о революционерах Луганщины, в частности, о К. Ворошилове. При этом авторство историка практически было нивелировано – его планировалось лишь вскользь упомянуть в предисловии, о чем местный истпарт обратился с просьбой к центральным органам. В ответ заведующий истпартом ЦК КП(б)У М. Иванов в письме от 6 декабря 1928 г., адресованном луганскому истпарту, категорически запретил издание труда С. Грушевского «Краткий очерк революционного движения на Луганщине» «под маркой истпарта» [15]. Вероятно, уже тогда на фоне начинавшихся политических процессов против интеллигенции Донбасса идеологическая «неблагонадежность» и социальное происхождение С. Грушевского стали предметом пристального внимания соответствующих органов государственной власти.

Учитывая тот факт, что в 1929 г. в Луганске было начато так называемое «дело украинизаторов», в связи с которым несколько известных преподавателей и служащих, входивших в кружок украинизации, были арестованы и приговорены к

срокам заключения в ИТЛ, становятся понятными и мотивы ряда луганских ученых к отъезду из города и смене постоянного места жительства. Среди ученых, навсегда покинувших в 1929–1931 гг. Луганск, – Ф. Бельский, А. Глядко́вская, С. Буравцов, П. Коваленко, Н. Коваленко, С. Грушевский и др.

В следствие сворачивания в УССР политики «украинизации» и начавшихся полномасштабных репрессий против гуманитарной интеллигенции, С. Грушевский принял решение о переезде. В августе 1931 г. он прибыл в Краснодар, где был назначен заведующим кафедрой истории Украины в Кубанском педагогическом институте им. Н. Скрыпника, совмещая эту работу с чтением лекций в Северо-Кавказском украинском научно-исследовательском институте. Являясь организатором процесса украинизации системы образования Кубани, С. Грушевский продолжал заниматься научной и учебно-методической деятельностью. Он был избран председателем секции научных работников Краснодара, а в 1932 г. под его редакцией в издательстве «Северный Кавказ» вышел учебник «Обществоведение». Сфера его научных интересов расширилась за счет истории казачества.

Однако процесс украинизации Кубани длился недолго – в декабре 1932 г., согласно постановлению ЦК ВКП(б) и местных органов власти, она была прекращена. 26 декабря 1932 г. президиум Северо-Кавказского крайисполкома принял постановление «Об украинизации», в котором разъяснялось, что украинизация ряда районов и станиц «служит легальной формой классовому врагу для организации сопротивления мероприятиям Советской власти и создания под этим прикрытием контрреволюционных организаций» [16]. Спустя месяц органы ОГПУ начали политический процесс по делу так называемой украинско-кубанской самостоятельной контрреволюционной повстанческой организации «Союз Кубани и Украины». В составе фигурантов этого дела наряду с другими преподавателями и студентами оказался и Сергей Григорьевич Грушевский. Обвиняемым вменяли в вину попытку создания «Единой соборной Украины» и отделения с этой целью Кубани и УССР. Суд над ними состоялся в августе 1933 г. По приговору суда И. Шаль, С. Грушевский, Б. Скубко, И. Коцюберда были осуждены по статье 58-2, 11, 13 УК к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 10 лет, а их коллеги П. Гребинник, Я. Вадьмак, С. Пидга́йный, Г. Ярмак – на 8 лет.

Согласно информации оперативного сообщения агента НКВД, в 1934 г. С. Грушевский был размещен в лагере недалеко от Москвы, где «имел отдельную комнату, и писал труд, и ездил на Кавказ», однако, вероятнее всего, из-за доноса сотрудницы ГПУ, снова был изолирован [17]. По другим данным, около года он провел в Ростове-на-Дону, где работал над научным трудом, стремясь доказать лояльность политической власти и продемонстрировать свои возможности быть полезным науке. Однако его просьбы о пересмотре сурового приговора остались без ответа. Вскоре С. Грушевский был переведен в Дмитровские лагеря, а затем – в один из Соловецких лагерей особого назначения.

5 декабря 1934 г. на группу заключенных, в числе которых был и С. Грушевский, поступил донос, в котором информатор сообщал о том, что после убийства Кирова заключенные обсуждали политические темы, в частности, вопрос о покушении. «Если убийство совершено кем-либо из видных членов партии, – говорил С. Грушевский в беседе с заключенными П. Приступой и Ф. Королевым, – из-за личных вопросов, то дело не может принять большого политического значения в сторону репрессий, если же убийство проведено политическим врагом, то будет ухудшение для нас и большей изоляцией на воле, так что надо ожидать нового пополнения в Соловки», – сообщалось в оперативной записке информатора НКВД. Ученый оказался прав: вследствие нового витка репрессий количество политзаключенных увеличилось. В своих воспоминаниях один из узников Соловецких лагерей Ю. Чирков писал, что в 1936 г. украинское землячество в лагере сильно пополнилось: «Кроме соловецких старожилов – академика Рудницкого, профессоров-историков Яворского и Грушевского, националистов разных оттенков от бывших коммунистов, последователей Скрыпника и Затонского, до сторонников Петлюры и Коновальца, – в последний год прибыло много украинской интеллигенции, в том числе неоклассиков» [18].

Пребывая в заключении, С. Грушевский стремился не терять присутствия духа и сохранять достойный интеллектуальный облик. Об этом свидетельствует и тот факт, что в уголовном деле ученого сохранилась тетрадка со стихами, написанными им в камере.

В 1937 г. С. Грушевский был снова обвинен Оперативной частью Соловецкой тюрьмы ГУГБ НКВД СССР по делу №103010. В рамках этого дела были обвинены еще 133 человека, которым в вину вменялось то, что, будучи «буржуазными националистами, осужденными ранее на разные сроки за контрнационалистическую шпионскую и террористическую деятельность на Украине, оставаясь на прежних позициях и продолжая подобную деятельность», они создали контрреволюционную организацию «Всеукраинский центральный блок».

Постановлением заседания Особой тройки УНКВД от 9 октября и УНКВД Ленинградской области о повторном осуждении лиц, обвиненных без дополнительного расследования, по уже имеющимся материалам 1933 г., от 2 ноября 1937 г. все обвиненные были приговорены к расстрелу.

3 ноября 1937 г. Сергей Григорьевич Грушевский был расстрелян в урочище Сандармох под Медвежьегорском Карельской АССР.

По определению военного трибунала Северо-Кавказского военного округа от 8 августа 1960 г. ученый был полностью реабилитирован.

Ссылки и примечания:

1. Грушевский Д.В. Кубанский историк Сергей Григорьевич Грушевский / Д.В. Грушевский // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2011. №1.4. С. 38.

2. Остання адреса: Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках: в 2 т. Т. 2. К.: «Сфера», 2003. С. 715, 918.
3. Грушевский Сергей Григорьевич [Электронный ресурс]. – Доступ к источнику: https://ru.wiki2.org/wiki/Грушевский,_Сергей_Григорьевич (дата обращения 17.07.2017 г.).
4. Государственная архивная служба Луганской Народной Республики (далее – Госархив ЛНР). Ф.Р-840. Оп. 1. Д. 2. Л. 102–104, 110.
5. Госархив ЛНР. Ф.Р-405. Оп. 1. Д. 9. Л. 156.
6. Госархив ЛНР. Ф. Р-416. Оп. 1. Д. 34. Л. 7-об., 8-об.
7. Там же. Д. Ф. 56. Л. 174.
8. Репресоване краєзнавство 20–30 рр. К.: Хмельницький ред.-вид. відділ, 1991. С. 302.
9. Госархив ЛНР. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 13. Л. 223.
10. Там же. Ф.Р-401. Оп. 1. Д. 287. Л. 75.
11. Бельський Ф.А. До питання про організацію Наукового Товариства на Донеччині / Ф.А. Бельський // Праці наукового товариства на Донеччині: наук. зб. Т. 1. Луганськ: Н.Т.Д., 1928. С. 91–92.
12. Госархив ЛНР. Ф.Р.-416. Оп. 1. Д. 92. Л. 15.
13. Там же. Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 287. Л. 29.
14. Там же. Ф.П. 2. Оп. 1. Д. 10. Л. 61; Д. 195. Л. 31–32.
15. Чумаченко В.К. Казачья литературная голгофа (кубанские писатели, историки и журналисты – жертвы политических репрессий) [Электронный ресурс] / В.К. Чумаченко. – Доступ к источнику: http://www.cossackdom.com/cossack21/chumachenko_golgofa.htm (дата обращения 16.07.2017 г.).
16. База данных Книг Памяти. Грушевский Сергей Григорьевич [Электронный ресурс]. – Доступ к источнику: <http://bessmertnybarak.ru/books/person/24300/> (дата обращения 16.07.2017 г.).
17. Остання адреса... С. 616.
18. Там же. С. 980.

УДК 94:331.214(477.6)«1920/1930»

А.В. Чеботарева

соискатель,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: abc5071@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ ДОНБАССА В 1920–1930-е гг.

Аннотация

В статье рассматривается процесс формирования системы обеспечения представителей партийной и советской элиты, а также законодательное закрепление системы обеспечения ответственных партийных и советских работников Донбасса.

Ключевые слова: *продовольственное обеспечение, спецснабжение, номенклатура, региональная элита, Донбасс.*

Summary

The article studies process of forming provision system for party representatives and Soviet elite, as well as legislative consolidation of the system of responsible party and Soviet workers.

Keywords: *food supply, special supply, nomenclature, regional elite, Donbass.*

Одним из популярных направлений в современной отечественной историографии сегодня является история повседневной жизни советского чиновника в 1920–1930-е годы, а именно наличие льгот и привилегий, о чем свидетельствует большой объем выходящей в последнее время литературы [1]. Однако исследователи в основном рассматривают общие тенденции формирования системы «преимуществ» в жизни «ответственного работника». В связи с этим целью данной работы является изучение продовольственного снабжения номенклатуры как своеобразного показателя ее социального статуса в советском обществе.

В условиях нехватки продовольствия и периодического голода в 1920-1930-е гг. насущным оставался вопрос продовольственного снабжения, поэтому он не мог не быть включен в систему номенклатурных привилегий. В декрете, принятом 30 апреля 1920 г., говорилось о необходимости введения специальных норм для рабочих и служащих предприятий и учреждений, имеющих особо важное значение для государства, для рабочих на особо тяжелых и опасных работах и для лиц, занятых наиболее высококвалифицированным умственным трудом. Условия снабжения последних были детально определены как вознаграждение

«ответственным работникам», которым предоставлялись те же права, что и рабочим, на получение товаров натурой, а также дополнительных пайков. Это были так называемые «ответственные пайки».

Существенным по содержанию документом, устанавливающим особые льготы для советских властей в 1921 г., было постановление СНК УССР «О пайке для особо ответственных и абсолютно незаменимых работников центральных, губернских и уездных учреждений», в котором было утверждено месячную норму основных продуктов: хлеб - 18 кг., мясо - рыба - 1,6 кг., крупы - 3 кг., жиры - 400 гр., сахар - 400 гр., свежие овощи - 8 кг., соль - 600 гр., кроме того, мыло - 200 гр., спички - 3 коробки, сигареты - 500 шт., чай или кофе - 100 гр. [2].

В постановлении говорилось, что «паек распространяется на членов семьи, находящихся на иждивении сотрудников, но не более трех едоков на каждого сотрудника, кроме его самого» [3]. Так, в середине 1923 г. месячный паек семьи номенклатурщика был следующим (в фунтах): мука белая – 28, мука ржаная – 18, крупа – 7 (из них 3 фт. риса), макароны – 3, сыр голландский – 4, мясо – 30, масло сливочное – 5, жиры растительные – 3, сахар – 6, кондитерские изделия – 2,5, чай – 0,5, мыло хозяйственное – 2 (детям – 3 фт), кофе – 1,4, какао – 1, копчености – 8, овощи – 45, соль – 1, шоколад (только детям) – 1, яйца – 60 шт., молоко – 60 стаканов, сигареты мужчинам – 1 тыс. шт., спички – 10 коробок[4].

Было установлено количество лиц, получавших такие пайки, в центральных учреждениях УССР «особо ответственных и незаменимых» было 2000 чел. и 6000 чел. членов семей. Для губернских учреждений выделялось 2650 основных и 7950 семейных пайков, так, например, для губернии отводилось 300 и 900 пайков соответственно. Для уездных учреждений было установлено по 40 пайков для «самых» и 120 - для членов их семейств[5]. Волостных чиновников, к «незаменимым» не относили, поскольку о них в этом документе не упоминалось.

Добиваясь наилучшего обеспечения, губернские и окружные комитеты ходатайствовали перед ЦК РКП(б). Свидетельством такого обращения к Центру является фрагмент из выступления секретаря Донецкого губкома Э. Квирина на 7-й губернской партконференции в марте 1922 г.: «... Я по этому поводу поднял скандал и написал письмо, что если ЦК хочет, чтобы мы вели работу ... то он обязан нам давать паек на содержание секретарей волячеек. Это ... ходатайство повлияло на ЦК, оно дало уже соответствующие результаты, и на март месяц мы получили 1250 пайков» [6].

Работники руководящих партийно-государственных органов имели достойный прожиточный минимум продовольствия, так, в феврале 1922 г. была определена месячная норма пайка для ответственных работников Донецкого губпарткома. На одного едока в месяц полагалось: муки – 50 фунтов, мяса – 4 фунта, жиров – 1 фунт, соли – 2 фунта[7]. Наряду с официально установленными нормами продовольственного снабжения региональные власти практиковали выдачу так называемого добавочного пайка. Особым распоряжением Секретаря Донецгубпарткома Э.Квирина, по именному списку сотрудникам губкома было выдано 200 добавочных пайков [8]. И это в то время, когда и в городе, и на селе

население продолжало страдать от недоедания, умирали дети и старики, оставался высоким процент заболеваний, которые были последствием голодания.

Спецснабжение чиновников было особо актуальным и в 1930-е годы в условиях фактической ликвидации свободной торговли, административного распределения продуктов и товаров. С введением в 1931 году карточной системы на основные продукты питания и непродовольственные товары группа руководящих работников партийно-советского аппарата входила в число тех слоев населения, которые находились на особом государственном обеспечении. В 1931 году постановлением Наркомата снабжения СССР на централизованное снабжение продовольствием и промышленными товарами были приняты нормы обеспечения руководящих работников районов и членов их семей [9]. Снабжение производилось по нормам рабочего пайка, который включал следующее количество продуктов на человека в месяц: крупа - 2,5 кг., рыба - 2 кг., сахар - 1,5 кг., растительное масло - 400 гр., чай - 25 гр., консервы - 3 банки. Список предусматривал снабжение хлебом из расчета 800 гр. в день [10]. Помимо обеспечения продовольствием, ответственные районные работники имели право приобретать в специальных магазинах промышленные товары (хлопчатобумажные ткани, готовое платье, обувь, галоши, трикотаж, папиросы, нитки).

Привилегии в продуктовом снабжении сохранялись и в последующие годы, несмотря на тяжелое экономическое положение страны. Так, 1 ноября 1933 г. бюро Донецкого обкома КП(б)У приняло постановление «О снабжении районного актива», где были утверждены месячные нормы индивидуального снабжения: сельдь - 3 кг., крупы - 2 кг., макароны - 1 кг., масло растительное - 500 гр., животное масло - 1 кг., сахар - 2,5 кг., кондитерские изделия - 1 кг., кроме того, мыло хозяйственное - 2 куска, мыло туалетное - 1 кусок, папиросы - 500 шт.; хлеба они получали 800 гр. в день. [11]. Также, в документе отмечалось: «... Облпотребсоюзу максимально развернуть децзаготовки, чтобы обеспечить руководящий состав другими дефицитными продуктами питания (молочные, овощи и др.). Обязать Облпотребсоюз ежемесячно обеспечивать отпуск промтоварной продукции распредам райактива на сумму 200 руб. для одного прикрепленного. Уделить внимание ассортименту» [12].

Государственное снабжение номенклатурщиков заключалось также и в доступности ответственных работников к дефицитным товарам через особую сеть закрытых магазинов. В 1932 г. по СССР насчитывалось 700 закрытых распределителей для инженеров и директоров, в частности в Донбассе существовало 33 закрытых магазина [13].

Таким образом, сотрудники руководящих партийно-государственных органов и их семьи имели преимущества в снабжении пищевыми продуктами, и промтоварами, которые со временем трансформировались в особую группу льгот и привилегий. В конечном итоге это привело к консолидации партийного и советского управленческого аппарата как изолированной системы, относительно закрытой, с корпоративными интересами и приобретающими самостоятельный характер.

Ссылки и примечания:

1. Гимпельсон Е. Г. Становление и эволюция Советского государственного аппарата управления 1917-1930 гг./Е.Г. Гимпельсон.- М.: Институт российской истории РАН, 2003. 226 с.; Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю/Н.Лебина.- М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.; Мохов В. П. Повседневность советской номенклатуры / В.П.Мохов. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11. Ч. 1. С. 124-127.; Туфанов Е. В. Кравченко И. Н. К проблеме формирования номенклатуры - правящего класса советского государства / Е. В. Туфанов // Вестник Пятигорского лингвистического университета 2015. № 1. С. 239-242.
1. ЦГАГОУ. Ф. 1. Оп.20. Д.610. Л. 273.
2. Там же..
3. ЦГАГОУ.- Ф. 1, оп.2. д. 368, л. 26.
4. ЦГАГОУ.- Ф. 1, оп.20. д. 610, л. 274.
5. Госархив ДНР. - Ф. П-1, оп.1. д. 960, л. 37
6. Там же. Ф.1. Оп.1. Д.1415. Л.63.
7. Там же. Ф.1. Оп.1. Л.61.
8. Степкин В. П Полная история Донецка/В. П. Степкин ; В. И. Гергель. Донецк : Апекс, 2008. С.188.
9. Там же. С.189.
10. Госархив ДНР. Ф. 326. Оп.1. Д. 71. Л. 3
11. Там же. Л. 5
12. Инженерный труд. 1932, № 22. С. 519.

УДК 94:35.072.6:67/68(477.6) «1932/1934»

В.А. Стадник

аспирант,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: ayah19@rambler.ru

РОЛЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ КК-РКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ НАРОДНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В ДОНБАССЕ В 1932 – 1934 гг.

Аннотация

В статье рассматриваются особенности развития легкой промышленности Донбасса в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Акцентируется внимание на роли территориальных органов Контрольных комиссий Рабоче-крестьянской инспекции в развитии предприятий группы «Б», включавшей производство товаров народного потребления для трудящихся Донбасса. На основе архивных материалов и опубликованных документов отображены данные, характеризующие дисбаланс в развитии предприятий легкой промышленности по отношению к тяжелой индустрии.

Ключевые слова: *Контрольные комиссии Рабоче-Крестьянской инспекции, легкая промышленность, Облпотребсоюз, Донбасс, партийно-хозяйственное руководство*

Summary

The article discusses the features of the development of light industry in Donbass in the late 1920s and early 1930s. Attention is focused on the role of the territorial bodies of the Control Commissions of the Workers' and Peasants' Inspectorate in the development of Group B enterprises, which included enterprises producing consumer goods for Donbass workers. On the basis of archival materials and published documents data describing an imbalance in the development of light industry enterprises in relation to heavy industry are displayed.

Keywords: *Control commissions of the Workers' and Peasants' Inspectorate, light industry, Regional Consumer's Association, Donbass, party economic management*

Период конца 1920-х – начала 1930-х гг. отличается сложностью и контрастностью. В этот период активизируется проведение социалистической модернизации народнохозяйственного комплекса, ужесточается управление общественным производством, происходят чистки местного партийного, административного и хозяйственного аппарата. Особую роль в указанных

процессах партия и правительство отводили областным, районным и городским контрольными комиссиями Рабоче-Крестьянской инспекции (далее КК-РКИ), которые выполняли распоряжения республиканской НК РКИ УССР и ЦКК ВКП(б) НК РКИ СССР в Москве. В условиях индустриализации начала 1930-х гг. органы КК-РКИ осуществляли непосредственный контроль за развитием и становлением промышленности Донбасса.

Донбасс и его угольно-металлургические предприятия стали основной базой для создания предприятий тяжелой индустрии, на фоне которых значительно отставало производство товаров народного потребления и продуктов питания.

Основной целью статьи является изучение деятельности контролирующих органов в работе предприятий группы «Б», к которым относилась легкая промышленность.

Указанная тема ранее специально не исследовалась. Так, в работах советских историков [1] рассматривалось проведение индустриализации в СССР, в целом, и роль в этом процессе КК-РКИ. Проблема развития предприятий легкой промышленности в Донбассе в указанный период обзорно отображена в работах донецких историков З.Г. Лихолобовой [2] и А.М. Михненко [3]. Специальных научных исследований по указанной проблеме не было. Поэтому особый интерес для современных исследований представляет деятельность территориальных КК-РКИ и их роль в развитии предприятий группы «Б», производивших товары народного потребления для трудящихся Донецкого бассейна.

Исторические работы дополняют архивные и опубликованные источники - решения и резолюции съездов, стенограммы выступлений партийных руководителей.

Автор данного исследования, на основании архивных материалов и научных работ, комплексно рассматривает особенности развития легкой промышленности Донбасса, прежде всего швейной, текстильной и обувной, в спектре деятельности местных органов контроля.

Промышленный потенциал Донбасса к началу второй пятилетки состоял преимущественно из крупных предприятий союзного подчинения, относящихся к группе «А» (тяжелая индустрия - производство средств производства), в которой, уже к 1936 г., было задействовано 36% рабочих и производилось 97,4% всей промышленной продукции. Однако существовала острая необходимость развития легкой и пищевой промышленности, как компонента социально-бытового, культурного, а также идеологического аспектов развития советского государства. Директивы по второй пятилетке (1933-1937 гг.), утвержденные по докладу председателя СНК СССР В.М. Молотова на XVII партконференции [4], а затем подробно рассмотренные на Пленуме ЦК ВКП(б) от 28 сентября – 2 октября 1932 г., предусматривали не только натуральные показатели - добыча угля, нефти, производство кокса, электроэнергии, чугуна, минеральных удобрений, тракторов, урожайность зерновых, но и национальный доход, капиталовложения и потребление на душу населения, развитие торговли и общественного питания,

производство товаров широкого потребления, что невозможно было без развития легкой и пищевой промышленности [5].

В Советской Украине на рубеже 1932 – 1933 гг. наиболее продуктивно развивалась пищевая промышленность, в этой отрасли осваивались новые производства: производство масла, цельномолочное, беконное, колбасное, сахарное, консервное. В УССР валовая продукция легкой промышленности за годы второй пятилетки была увеличена вдвое. Однако легкая и пищевая промышленность не полностью удовлетворяли запросы трудящихся в товарах широкого потребления и продуктов питания. Было необходимо расширить ассортимент продукции и улучшить ее качество [6]. В Донбассе, в свою очередь, успехи и просчеты первой пятилетки поставили перед местными партийными и хозяйственными органами конкретные задачи по дальнейшему повышению социально-бытового уровня жизни трудящихся. Секретарь обкома КП(б)У М. Чувьирин в докладе на I-й Донецкой областной партконференции 20.07.1932 г. отмечал: «Конференция поручает ОблКК организовать систематический контроль и проверку выпуска и продвижения...предметов ширпотреба, привлекая к суровой ответственности организации и лица, тормозящие выполнение этой ударной задачи» [7].

На основании директив ЦК ВКП(б) и СНК СССР областная КК-РКИ в течении ноября 1932 – февраля 1933 гг. занималась проверкой выполнения решений Президиума областного КК-РКИ от 29.09.1932 г. «О производстве предметов ширпотреба в Донбассе по индивидуальному пошиву обуви, одежды и их ремонту». Было обследовано 11 объектов по производству одежды и обуви для трудящихся в Сталино, Артемовске, Луганске и Мариуполе - государственные швейные фабрики, артели портных, обувные артели. Проверочная комиссия установила грубые просчеты и нарушения в деятельности руководства указанных предприятий, невыполнение плана по открытию пунктов приема заказов по пошиву одежды и обуви, а уже действующие пункты были не оборудованы: отсутствовали зеркала и стулья, помещения были тесными и не приспособленными для «культурного обслуживания заказов». Было выявлено неудовлетворительное качество изготавливаемых изделий, большая задержка в выполнении индивидуальных заказов, доходившая до 2-х месяцев. Так, в Луганске костюм рабочего Богачева изготавливался 46 дней, заказ рабочего Головлева по пошиву костюма изготавливался 69 дней. Обувная артель «Красный кожевник» выполнила заказ на обувь рабочих Ловазовского и Тарасенко только через три месяца [8]. Таковы были обследования швейных предприятий в Луганске. Однако и в других городах Донбасса были выявлены подобные ситуации. В Мариуполе была проверена продукция местной швейной фабрики им. Дзержинского: «при проверке обследовали 10 пиджаков, изготовленных по индивидуальным заказам, 7 из них были забракованы из-за того, что воротники и лацканы кривые, подкладка натянута, петли плохо прометаны, низ кривой и т.д.» [9]. Одной из причин низкого качества произведенной продукции было определено недоброкачественное сырье, поставляемое на швейные фабрики, обувные и пошивочные артели, большой

процент текстильного брака, низкое качество суконно-шерстяного сырья. Ответственные работники Донецкой областной КК-РКИ, главный инспектор цен Кофман и старший инспектор Цодиков в докладной записке указывали на нецелевое использование денежных средств, большие накладные расходы, перерасход по заработной плате на Сталинской и Мариупольской швейных фабриках [10]. Потребности в одежде и обуви для рабочих практически не удовлетворялись (табл. 1-2).

Таблица 1
Удовлетворение индпошивом одежды рабочих (ориентировочно) [11]

Название организации и районов	Месяц	Количество рабочих	Количество изделий	% удовлетворенности
Сталинская фабрика	январь-февраль	210000	м - 2472 ж - 1418	1,2 0,7
Артемовская ф-ка	январь-февраль	30000	м - 3108 ж - 3191	10,6 10,7
Луганская ф-ка	январь-февраль	40000	м - 1070 ж - 1343	2,6 3,4
Мариупольская ф-ка	январь-февраль	75000	м - 1662 ж - 1720	2,2 2,3

*м - мужчины
ж - женщины

Таблица 2
Удовлетворение индивидуальными заказами по обуви [12]

Название организации и районов	Месяц	Количество рабочих	Количество изделий	% удовлетворенности
Сталинская фабрика	янв.-февр.	210000	м - 2200 ж - 2150	1,0 1,0
Артемовская ф-ка	янв.-февр.	30000	м - 800 ж - 745	2,7 2,5
Луганская ф-ка	янв.-февр.	40000	м - 596 ж - 633	1,5 1,6
Мариупольская ф-ка	янв.-февр.	75000	м - 488 ж - 612	0,7 0,8

*м - мужчины
ж - женщины

В распределении талонов на индивидуальный пошив обуви и одежды отсутствовал порядок: как правило талоны выдавались не по разрядкам Горпросвета, а по распоряжению Горснаба, директоров швейных фабрик, в

отдельных случаях, как в Луганске, обменивались на разные материалы и продукты. Областная КК-РКИ констатировала, что отсутствие контроля в распределении талонов на индпошив способствовало нарушению социалистической законности лицами, их распределяющими.

В обувных и швейных артелях производство было еще более неэффективным: никакого планового сырья артели практически не получали, сырье и материалы приобретались за свой счет по коммерческим ценам, в свою очередь, городские и районные КК-РКИ «в повседневной работе в достаточной мере не контролировали работу госшвейпромышленности и кустпромкооперации в деле выполнения директив ЦК и Совнаркома об индивидуальном пошиве, ремонте одежды и обуви» [13].

По мнению донецкого историка А.М. Михненко основной причиной дисбаланса между тяжелой и легкой промышленностью было неравномерное капиталовложение, т.к. легкая промышленность финансировалась по остаточному принципу. В целом, по Украине, первый пятилетний план предусматривал вложение в тяжелую индустрию 87,5 % денежных средств, а в легкую и пищевую - только 12,5 %. Однако этот показатель был перевыполнен и капиталовложения в тяжелую промышленность превысили 90,5 %, а в легкую и пищевую - были снижены до 9,5 %. Соответственно, в 1932 г. производственная программа предприятий группы «Б» была выполнена только на 65,4 %, план по рабочей силе - на 87,8%, а по продуктивности труда - на 74,4%. Наиболее сложной была ситуация в текстильно-швейной промышленности, где работали женщины и были тяжелые материально-бытовые условия. Также в легкой промышленности был низкий уровень квалификации админперсонала, который состоял из рабочих-выдвиженцев, имеющих, к тому же, и слабую техническую подготовку. Так, на Луганской швейной фабрике зафиксировали неудовлетворительную работу оборудования и текучесть рабочих кадров, которая в 1932 г. составила 110%, а админкадров - 50%. Основная причина - профнепригодность [14].

Профессор Донецкого национального университета З.Г. Лихолобова также отмечала, что во второй пятилетке итоги развитие легкой и пищевой промышленности были намного скромнее чем в тяжелой индустрии. За вторую пятилетку число швейных фабрик увеличилось с 6 до 20, обувных - с 1 до 13, предприятий пищевой промышленности - с 52 до 200, хлебозаводы увеличили производство в 3,5 раза. Все это далеко не отвечало потребностям численно выросшего населения Донбасса, особенно городского [15].

Под особый контроль в легкой промышленности было поставлено производство предметов широкого потребления для детей. По словам старшего инспектора группы заготовок, областной КК-РКИ Халдея «советские рабочие требуют для своего ребенка не роскоши, а...хорошо, красиво, легко и прочно сшитый ботинок, красиво и прочно сшитый костюмчик, платице. Несмотря на предъявляемые требования, был зафиксирован дефицит детского ассортимента - на складах Кожснаббита скопилось до 17 тыс. пар школьной обуви - негодной, несезонной, не удовлетворяющей настоящего потребителя...были случаи, когда

из-за такого головотяпского подхода дети целых районов не выходили в школу, потому, что нечего было обуть, одеть» [16]. На 1 млн. детского населения Донбасса в течение первого полугодия 1933 г. детской одежды и обуви было завезено в учреждения реализации всего на 1,8 млн. руб. или 9,5% к общему объему завоза, несмотря на то, что детское население Донбасса составляло около 25%. В артели «Красный кожевник» из 6889 пар обуви, детской обуви было произведено всего 225 пар. В следствие «преступно-бесхозяйственной» деятельности в Промкооперации стоимость детских меховых пальто была несоизмеримо высокой по отношению к получаемой рабочими зарплате и достигала 332 руб. за единицу. На швейной фабрике «Иншвейтестилькомбинат» производственные мощности позволяли производить детскую одежду для всего Донбасса, но, от запланированных 2% к концу первого полугодия 1933 г., не было произведено ничего [17]. Вопрос о производстве детской одежды и обуви в Донбассе был настолько острым, что Президиум областной КК-РКИ и Коллегия РКИ в постановлении по вопросу «О состоянии и производстве детского ассортимента» приняли решение о предупреждении директоров швейных фабрик и обувных артелей о строжайшей ответственности за дальнейшее игнорирование производства запланированного детского ассортимента. Было предложено организациям, отвечающим за реализацию детского ассортимента, - Облпотребсоюзу, Облдонбассторгу, ОРСам, ЗРК увеличить заказы на детский ассортимент не менее, чем на 15% [18].

В течение 1932-1933 гг. проводились и отдельные плановые проверки отдельно взятых швейных предприятий Донбасса, как, например, Мариупольской швейной фабрики им. Дзержинского и Сталинской швейной фабрики им. Володарского. Были сделаны проверки качества сырья, себестоимости готовой продукции, условий ее хранения и порядка распределения [19].

Данные о проверке отдельных швейных фабрик Донбасса, как, и соответствующих предприятий УССР, поступали в ЦКК КП(б)У - НК РКИ УССР, который, анализируя и сопоставляя материалы проверок, докладывал о результатах в ЦКК-НК РКИ в Москву. Широкий охват проверок предприятий и ряд материалов территориальных КК-РКИ позволили полностью показать уровень работы легкой промышленности в Советской Украине [20].

Таким образом, выступая за досрочное выполнение производственных планов, ЦКК-РКИ и ее территориальные органы в Донбассе находили дополнительные резервы, определяли рациональность использования имеющихся ресурсов, контролировали качество выпускаемой продукции, снижение ее себестоимости, рост производительности труда. Немаловажным аспектом в деятельности контролирующих органов было увеличение производства товаров широкого потребления, которые бы позволили улучшить уровень материального благосостояния трудящихся Донбасса в конце 1920-х - начале 1930-х гг.

Ссылки и примечания:

1. Иконников С.Н. Создание и деятельность объединенных органов ЦКК-РКИ в 1923-1934 гг. М.: Изд-во «Наука», 1971. 480 с.; Химович Е.М. Режим экономии в СССР: ЦКК в борьбе за режим экономии в СССР и рационализацию общественного производства и управления (1926-1934 гг.) / Отв. ред. А.И. Чугунов. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1989. 216 с.
2. Лихолобова З.Г. Индустриальное развитие Донбасса в условиях «большого скачка» // Лихолобова З.Г. Вибрані праці. Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2003. С.45-76.
3. Михненко А.М. Історія Донецького басейну другої половини ХІХ-першої половини ХХ ст.: Монографія. Київ, Донецьк: ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2003. 440 с.
4. Никонов В.А. Молотов. Наше дело правое. В 2 кн. Кн.1 / Вячеслав Никонов. - М.: Молодая гвардия, 2016. С.284.
5. Пленум ЦК ВКП(б). Москва. 28 сентября – 2 октября 1932 г. Резолюции Пленума: О развитии советской торговли. С.421-427; О производстве товаров широкого потребления. С.427-432 // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.5. 1929-1932. - 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1984.
6. Сырцова С.М. Рабочий класс Украины на завершающем этапе социалистической индустриализации. - Киев: Вища школа, 1979. С.42-43.
7. Чувьрин М. Важнейшие задачи Донецкой парторганизации. Доклад на I-й Донецкой областной партконференции (20.VII.1932 г.). Харьков: «Український робітник», 1932. С.61.
8. Государственный архив ДНР (далее - ГА ДНР). Ф. Р-835. Оп.1. Д.5. Л.132.
9. Там же. Л.134.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же. Л.135.
13. Там же. Л.136.
14. Михненко А.М. Вказ. праця. С.199, 208.
15. Лихолобова З.Г. Указ. соч. С.65.
16. Там же. Д.51. Л.4.
17. Там же.
18. Там же. Л.2.
19. Там же. Д.153. Л.30-40.
20. Там же. Л. 9-16.

УДК 94: 355.422 (477.62-81) «1941»: 82-94:355.11 (131.1)

Джорджо Скотони

*доктор исторических наук, доцент кафедры истории России
Национальный исследовательский ядерный университет "МИФИ"*
e-mail: giorgioscotoni@yandex.ru

ЗАХВАТ СТАЛИНО В 1941 ГОДУ И ПАМЯТЬ ИТАЛЬЯНСКИХ ОККУПАНТОВ О «НОВОМ ПОРЯДКЕ» В ДОНБАССЕ

Аннотация

В статье рассматривается участие итальянских солдат и офицеров в войне на Восточном фронте и оккупации Донбасса в 1941 – 1943 гг. На основании документов и мемуаров ветеранов экспедиционного корпуса и 8-й итальянской армии автор описывает ход боевых действий, отношение итальянцев к «новому порядку»

Ключевые слова: *Вторая мировая война, Донбасс, итальянский экспедиционный корпус КСИР, 8-я итальянская армия, истребительная война*

Summary

The report examines the participation of Italians in the war and occupation of Donbass in 1941 – 1943. Based on the documents and memoirs of the veterans of the Italian Expeditionary Corps of the IRGC and the 8th Army, the author describes the course of the hostilities and proves how the Italian troops witnessed the “new order”

Keywords: *World War II, Donbass, Italian expedition corps of the IRGC, 8th Italian Army, extermination war*

Как известно, 22 июня 1941 г. итальянский фашизм осуществил колоссальную авантюру, вступив в войну против СССР. Италия в качестве главного союзника Германии приняла участие в кампании с кодовым названием «Барбаросса». В августе 1941 г. на южное крыло советско-германского фронта был отправлен Итальянский экспедиционный корпус в России – КСИР (Corpo di spedizione italiano in Russia) под командованием генерала Джованни Мессе. Личный состав КСИР насчитывал 58,8 тыс. чел., в том числе 2,9 тыс. офицеров. Материально-техническое обеспечение корпуса было следующим: 4,6 тыс. лошадей и выючных животных, 5,5 тыс. автомашин, 1 тыс. пушек и миномётов, 1,5 тыс. пулемётов, 60 танков. В состав корпуса вошли две «автотранспортируемые» пехотные дивизии: 9-я дивизия «Пасуббио» и 52-я дивизия «Торино», 3-я подвижная дивизия «Челере», кавалерийские полки «Савойя» и «Новара», 63-й легион «Тальяменто» – 1500

чернорубашечников MVSN (Milizia Volontaria Sicurezza Nazionale) – Добровольческой милиции национальной безопасности.

Изначально экспедиционный корпус был включен в резерв группы армий «Юг и подчинялся командованию 11-й немецкой армии. 14 августа 1941 г. корпус был переведён в подчинение 1-й танковой группе генерала Клейста, наступавшей на киевском направлении.

Поддержка дивизий КСИР в операциях группы Клейста осуществлялась в так называемых «боях за Петриковку». Для того, чтобы действовать успешно, генерал Мессе считал необходимо напасть на Петриковку, сконцентрировав все силы, и предполагал осуществить ее взятие в три этапа за 28, 29 и 30 сентября. Пехота дивизии «Пасубио» и 14-й немецкий моторизованный корпус форсировала реку Орел, а дивизии «Торино» и «Челере» во взаимодействии с 198-й, 60-й немецкими дивизиями и дивизией СС «Викинг» атаковали советские войска на левом берегу Днепропетровского плацдарма. 29 сентября части дивизии «Пасубио» и «Торино» пошли на соединение в районе населённого пункта Петриковка [1]. Взятие Петриковки «явилось первым манёвренным боем, который начал и окончил экспедиционный корпус собственными силами» [2]. На южном крыле советско-германского фронта главной целью Германии и её сателлитов являлся захват Донецкого угольного бассейна. В начале октября части итальянского корпуса принимали участие в боевых действиях по захвату Павлограда. Во время штурма города итальянские войска прикрывали левый фланг 198-й немецкой дивизии. 11 октября 1941 г. немцы захватили город. Немецкие части после взятия Павлограда были заменены дивизией «Пасубио», которая вместе с другими подразделениями заняла полосу обороны от Павлограда до Гуляй-поля.

План немецкого командования по овладению Донбассом состоял в том, чтобы ударами по сходящимся направлениям 1-й танковой группы из района Днепропетровска и 11-й армии из Северной Таврии окружить и уничтожить армии Южного фронта восточнее Мелитополя. 8 октября перед 1-й танковой армией Клейста была поставлена задача наступать в направлении Таганрог – Ростов-на-Дону – Красный Луч. Новое расположение частей в составе 1-й танковой армии с севера на юг было таким: итальянский экспедиционный корпус, 49-й немецкий горнострелковый корпус, 14-й танковый корпус, 3-й танковый корпус. Итальянские дивизии остались на севере для того, чтобы прикрывать левый фланг группировки и обеспечивать стык с 17-й полевой армией Вермахта, наступавшей на Харьков. На юге с задачей занять Таганрог и Ростов действовал 3-й немецкий корпус. Перед КСИР была поставлена задача наступать в центре в направлении Сталино (ныне г. Донецк) вместе с 49-м горнострелковым корпусом. Для того, чтобы действовать сконцентрированными силами, генерал Мессе приказал трем дивизиям переправиться через реку Волчья и наступать следующим образом: с юга – дивизия «Челере», на севере – дивизия «Пасубио», в центре во втором эшелоне в резерве оставалась дивизия «Торино». 13 октября началось наступление берсальеров (элитные стрелки – *ит.*) «Челере», находившихся на левом фланге 49-го немецкого горнострелкового корпуса. Бои 3-го полка берсальеров и кавалерийских полков

«Савойя Кавалерия» и «Ланчьеры ди Новара» против советской пехоты, в частности, бойцов 383-й шахтерской стрелковой дивизии, продолжались до 17 октября в районе Успеновки и до 19 октября в Максимильяновке.

Утром 20 октября 1941 г. части «Челере» прорвались на окраину Сталино и овладели городом одновременно с немецкими войсками 49-го горнострелкового корпуса. Одновременно на севере дивизия «Пасубио» форсировала с большим трудом р. Волчья. Только вечером 15 октября 80-й пехотный полк под командованием полковника Кьяромонте и батальон 79-го пехотного полка вошли в населенный пункт Гришино, расположенный вдоль железнодорожной линии Днепропетровск-Сталино, а 19 октября на станции Гродовка завязали бой с подразделениями 296-й советской стрелковой дивизии.

После захвата Сталино генерал Мессе поставил перед корпусом новые задачи: дивизии «Челере» надлежало продвигаться на Енакиево, дивизии «Пасубио» – наступать на Горловку – станцию Трудовая, дивизии «Торино» – продвинуться на восток через реку Крынка и далее развивать наступление на правом фланге. Советские дивизии контратаковали итальянский корпус по всей полосе наступления. 25 октября на станции Железное части «Пасубио» были остановлены упорным сопротивлением противника. Штурм продолжался четверо суток и завершился только 30 октября [3]. Бои за поселок Железное стали сигналом новой фазы сражения за Донбасс. Советским войскам удалось укрепиться на рубеже обороны. С 1 по 6 ноября 1941 г. в боях за город Дебальцево 296-я стрелковая дивизия Красной Армии отбила все попытки «Челере» и «Торино» прорвать оборону.

1 ноября 3-й полк «Челере» ворвался в Енакиево. Наступление на Горловку, которое осуществляло «Пасубио», велось в изнурительной борьбе за каждый дом с частями 74-й и 296-й советских стрелковых дивизий. Бои были настолько тяжелы, что за несколько часов наступления потери «Пасубио» составили 22 чел. убитыми и 113 ранеными. Для захвата города пришлось перебросить подкрепление – кавалерийский полк «Ланчьеры ди Новара». Конечной целью наступления была станция Трудовая, выход к Каспийскому нефтепроводу. Но части КСИР не смогли выполнить её. На станции Никитовка (10 км севернее Горловки), где дивизия «Пасубио» должна была соединиться с 17-й немецкой армией, наступление итальянцев остановили красноармейцы 74-й стрелковой дивизии. С 6 по 12 ноября 80-й итальянский пехотный полк был в окружении и вырвался из кольца только при поддержке 79-го пехотного полка, 3-го полка берсальеров, кавалерийского полка «Ланчьеры ди Новара» и 371-й эскадрильи истребителей итальянской авиации. Большие потери [4] и опаснейший прорыв советских войск, осуществленный между КСИР и немецкими частями, убедили командира итальянского корпуса в том, что надо остановить наступление изнурённых войск и занять оборону по линии Горловка – Енакиево – Гуково (Ростовская область). Но 17 ноября КСИР получил приказ развивать наступление в направлении Городище, чтобы прикрыть северный фланг 1-й танковой армии, продвигавшейся на юге к Ростову, – главной её цели в кампании 1941 г. Однако генерал Мессе отказался выполнять приказ вермахта [5].

Немецкое командование напомнило, что КСИР является частью германской армии и поэтому обязан подчиняться приказам вышестоящих штабов, как любой корпус вермахта. Но командир итальянского корпуса проигнорировал указания немецкого командования и отдал приказ приступить к фортификационным работам и готовиться к зимовке.

Как только стабилизировалось южное крыло фронта, генерал Мессе принял решение выпрямить линию расположения своих дивизий, для чего отдал приказ занять станцию Хацапетовка (с 1958 г. Угледорск) на линии Дебальцево – Малая Орловка. Взятие Хацапетовки продолжалось с 5 по 14 декабря. Имея перевес в живой силе и огневой мощи, части 52-й дивизии «Торино» несколько дней пытались прорвать позиции 74-й советской стрелковой дивизии и 95-го пограничного полка войск НКВД, но без успеха [6]. В боях за город дивизия «Торино» понесла значительные потери: из ее состава выбыло почти полторы тысячи человек, был убит заместитель командира дивизии генерал Уго Де Каролис [7].

Первый серьёзный оборонительный бой экспедиционный корпус провел спустя две недели в районе рек Северский Донец и Миус. 25 декабря 1941 г. начались кровопролитные сражения после начала первого в Донбассе зимнего наступления советских войск, получившего кодовое название «Чистяковская операция». В итальянскую военную историю оно вошло как «Рождественская битва». Удар советской пехоты по передовым позициям итальянцев пришелся на чернорубашечников легиона «Гальяменто» и части «Челере». В ходе декабрьского сражения особенно серьезные потери потерпел берсальерский полк. В боях у Новой Орловки только подвижная дивизия «Челере» потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 1.400 человек. С января 1942 г. в секторе действия КСИР наступило затишье, и итальянские части осуществляли исключительно операции местного значения. В боевых действиях в Донецком бассейне КСИР понес большие потери. Такие города как Павлоград, Дебальцево, Горловка, Никитовка, Рыково (с 1943 г. Енакиево) стали хорошо известны в Италии. В 2014 г. у городов Донбасса вновь развернулись кровопролитные сражения. Именно здесь вновь совершаются военные преступления аналогичные тем, которые творили гитлеровцы и бандеровцы.

Итальянские военно-воздушные силы в боях за Донбасс. Летом 1941 года в экспедиционном корпусе был также авиационный компонент итальянской Королевских ВВС («Regia Aeronautica», R. A.) В состав корпуса были включены 61-я автономная группа разведывательной авиации (34-я, 119-я, 128-я эскадрильи разведчиков), состоящая из 32-х Капрони Са-311 и 1 Савойя S.M.81; 22-я автономная группа сухопутных истребителей (359-я, 362-я, 369-я, 371-я эскадрильи истребителей), оснащенная 51 истребителем Макки MC.200 «Молния» и отдельными транспортными самолетами, в том числе 2 S.M.81. [8]. Русская кампания итальянских ВВС началась 27 августа 1941 г. в боях под Кривым Рогом. 9 ноября 1941 г. 371-я эскадрилья истребителей была выведена из состава корпуса и переведена на аэродром Сталино. Здесь она поддерживала наступления

итальянских частей. 5 марта 1942 г., когда возобновились широкомасштабные боевые действия, вся 22-я автономная группа перешла в оперативное подчинение «С.А. Группенфюрер», базировавшейся в Сталино. 24 марта 1942 г. группа советских штурмовиков Пе-2 осуществила авиаудар по аэродрому в Сталино. Ущерб был нанесен серьезный: на земле были уничтожены три самолета разведывательной авиации (Капрони Са 311, Са 164 и Са 133) и повреждены три Са 311. Во время нападения восемь летчиков получили ранения, двое погибли [9]. 8 мая 1942 г. на этот же аэродром был налет трёх Пе-2. Бомбами советских бомбардировщиков были повреждены два транспортных самолета S.81 и ранены три итальянских летчика. 10 мая новым налетом советской авиации был уничтожен еще один транспортный самолет S.81. 27 июня 1942 г. немецким командованием большинство итальянских истребителей было передислоцировано на восток: подразделение в составе 23 Макки MC.200 вместе с тремя SM81 переместили с аэродрома Сталино в Барвенково, а группу разведывательной авиации распределили между аэродромами Сталино и Запорожья.

Движение сопротивления и антипартизанские акции. С момента стабилизации фронта активизировались действия партизан Донбасса, которые совершили нападения на подразделение КСИР. Первая диверсия была совершена на вещевой базе, куда поступало зимнее обмундирование для фронтовых частей. Изучив порядок ее охраны, подпольщики в момент, когда часовой отлучился, бросили в помещение базы взрывчатку. Взрыв вызвал пожар, который быстро распространился на весь склад. База сгорела. Затем в Сталино была подожжена казарма итальянских солдат, помещавшаяся в здании школы на Пролетарском проспекте. Воспользовавшись тем, что итальянцы для уборки казармы привлекали местных жителей, подпольщики под видом уборщиков проникли в здание и оставили там бутылку с самовоспламеняющейся жидкостью. Пожар произошел ночью. Солдаты выбегали из казармы в нижнем белье. Ободренные первыми успехами, подпольщики заминировали гараж, где стояли итальянские автомашины. Взрывом были уничтожены все находившиеся в гараже машины и убиты 25 итальянских солдат-шоферов. Наиболее активно в начальный период оккупации развернулась подпольная борьба в Артемовске, Амвросиевке, Сталино, Славянске, Чистяково, Красноармейске, Горловке. Задачей партизан было уничтожение складов, баз и гаражей оккупантов, нарушение телефонной и телеграфной связи, а также проведение операций во взаимодействии с частями Красной Армии, сражавшейся по другую сторону линии фронта. Осенью 1941 г. линия фронта проходила недалеко от Енакиево. Первый бой против итальянских фронтовых частей произошёл в ночь на 22 ноября 1941 г. В селе Бажковке енакиевские партизаны окружили пехоту 81-го полка 52-й дивизии «Торино» и совместно с регулярными частями Красной Армии напали на 1-й батальон [10]. По итальянским данным, потери 81-го полка на реке Булавин составляли 15 погибших и 92 раненых.

Отряды сопротивления участвовали в подпольной борьбе против немцев, итальянцев и румын также и на территориях Ворошиловградской и Днепропетровской областей. Вермахт вел беспощадную борьбу с «бандитами»,

внушая местным жителям мысль о том, что «немецкая армия пришла освободить украинский народ от большевизма». Факты ведения немецко-фашистскими захватчиками «войны на уничтожение» (*Vernichtungskrieg*) в Донбассе известны. Война, которая велась гитлеровцами, была грабительской и истребительной. Захватчики установили на занятой территории режим кровавого террора и насилия. «Новый порядок» принес массовые расстрелы и депортации миллионов мирных жителей. Вермахт играл руководящую роль в преступлениях против военнопленных, гражданского населения и евреев. Важно отметить, что в отличие от гитлеровских войск, части итальянского корпуса КСИР не занимались поддержанием «нового порядка» и не вели военные действия против партизан. Только с 9 июля 1942 г. войска итальянской королевской армии начали выполнять «охранные функции» в Донецком бассейне. Тогда все части КСИР были объединены в 8-ю армию (*Armata Italiana in Russia*, АРМИР) во главе с генералом Гарибольди.

АРМИР была самой многочисленной из всех армий вооруженных сил Италии, находившихся за границей. Она насчитывала 10 дивизий, 229 тыс. человек. Кроме дивизий бывшего КСИР, переименованных в 35-й армейский корпус, она включала еще 4 пехотные дивизии (2-я дивизия «Сфорцеска», 3-я дивизия «Равенна», 5-я дивизия «Коссерия», 156-я дивизия «Винченца») и дивизии горнострелкового корпуса (2-я альпийская дивизия «Тридинтина», 3-я альпийская дивизия «Юлия», 4-я альпийская дивизия «Кунеэнзе»). В АРМИР вошли также легион «Хорватия» [11] и четыре легиона чернорубашечников – всего 5,5 тыс. чел. Летом 1942 г. 8-я армия вышла к Дону. Она находилась в подчинении командования немецкой группы армий «Б» и прикрывала левый фланг 6-й армии Паулюса.

В Донбассе Вермахт ставил перед находившимися здесь подразделениями АРМИР «охранные» задачи. Семимесячный период деятельности войск 8-й армии в прифронтовой зоне в очередной раз подтвердил подчиненное положение итальянцев по отношению к своему союзнику. Командование 8-й армии рекомендовало своим солдатам строго разделять мирных жителей и сторонников партизанского движения. В тылу, как и в оперативной зоне, по-прежнему осуществлялись репрессивные действия по отношению к участникам сопротивления, что продолжало оставаться компетенцией Вермахта. Первой мерой, предпринятой для предотвращения партизанской угрозы, стало создание восьми истребительных отрядов, так называемых «отрядов охотников против бандитов», и трех «этапных управлений». Под командование каждого из управлений передавалось несколько артиллерийских групп и территориальных подвижных батальонов, на которые возлагалась ответственность за охрану складов и транспортных коммуникаций.

В тылу 8-й армии с партизанским движением боролись «стрелковые отряды». Эти отряды были созданы в середине сентября 1942 г. для повышения эффективности действия территориальных батальонов по приказу генерала Гарибольди при интендантской службе «этапного управления». Отряды

формировались на добровольной основе из состава войск «этапного управления», артиллерийских групп и территориальных подвижных батальонов. В каждом отряде насчитывалось 18-20 человек, вооруженных автоматами и гранатами. Наибольшего успеха в борьбе против антифашистского движения достигли «этапные управления» в тылу. В Ворошиловграде «специальное этапное командование 309» вело активную борьбу с подпольщиками под руководством офицеров карабинеров с помощью истребительных отрядов и отделов местной вспомогательной полиции. Своим неоспоримым достижением этапное командование считало арест всех членов небольшой партизанской организации во главе с десантником-парашютистом. Ее захват дал возможность раскрыть другие более мелкие диверсионные группы, действовавшие в Ворошиловграде, и получить ценную информацию о заброске парашютистов. Специальное «этапное командование 304» также внесло свой вклад в борьбу по пресечению действий подпольщиков. Так, в районе Белолуцка была пресечена деятельность подпольной организации. Двенадцать основных обвиняемых были приговорены к смертной казни [12].

С 2 сентября по 19 декабря 1942 г. «Этапные управления» обеспечивали контроль за транспортным сообщением на Юго-западной железной дороге на участке протяженностью 300 км (от Евдаково до Мальчевской), вели охрану железной дороги в районе Енакиево, трассы Сталино-Енакиево, имевшей жизненно важное значение для снабжения и движения автомобильного транспорта АРМИР, железнодорожной ветки Николаев-Валуйки.

Лагерь 8-й Армии для советских военнопленных. После преобразования КСИР в АРМИР советские военнопленные, взятые итальянскими частями, больше не передавались немецкому командованию, а направлялись в распоряжение командования корпусов, а затем в концлагерь АРМИР. Создание итальянской системы интернирования на русском фронте предполагало создание двух типов лагерей: на линии фронта и в тылу. В оперативной зоне командование корпусов создавало недалеко от фронта временные сборные пункты, так называемые «места концентрации корпусов». В тылу местные штабы интендантской службы организовывали концлагерь со всеми службами: пунктом дезинфекции, туалетами, медпунктами.

Отношение к пленным в итальянских лагерях отличалось от режима в немецких концлагерях. Командованию 8-ой Армии было хорошо известно об ужасных условиях содержания советских пленных: «В немецких концлагерях пленных держали в голоде, они были плохо одеты, не имели обуви. Отношение к ним было очень жестоким, никакого милосердия к слабым и больным, офицеры находились вместе с рядовым, дневной паёк состоял только из одного приёма пищи и отвратительного супа, лишённого витаминов. Пищи недостаточно не только для того, чтобы работать, но и для поддержания жизни ... Сыпной тиф, брюшной тиф, дизентерия, холера уничтожают пленных в немецких лагерях, где условия жизни действительно невыносимые» [13].

В отчётах интендантской дирекции 8-ой армии содержится информация о 14 стационарных лагерях (11 включены в подробный список «Отчёта об отношении к

военнопленным в СССР»), находившихся в тылу Армии, узники которых использовались для проведения различных работ [14]. Их дислокация известна. В РФ было организовано 8 концлагерей: 3 – в Воронежской области (Кантемировка, Острогжск, Россошь) и 5 в Ростовской области (Чертково, Каменск, Шахтинский, Мальчевская, Миллерово, Каржинская). На Украине были созданы 6 стационарных лагерей: по одному в Купянске (Харьковская обл.) и Днепропетровске, 4 лагеря в Сталинской области (Сталино, Дебальцево, Пантелеймоновка, Енакиево) [15]. В конце декабря 1942 г. во время наступления советских войск на Среднем Дону (операция «Малый Сатурн») был организован в Ворошиловграде еще один лагерь, чтобы собрать всех пленных из итальянских концлагерей, отступавших вместе с итальянской армией (Кантемировка, Чертково, Мальчевская, Каменск, Шахтинский). Лагерь в Ворошиловграде не был включен в «Отчет» интендантской дирекции, так как просуществовал очень мало времени – в январе 1943 г. все военнопленные были переданы Вермахту.

Репрессии в отношении мирных жителей. Итальянцы, воевавшие в составе КСИР и АРМИР свидетельствуют о насилиях, совершенных в ходе «бандеризации Донбасса» по отношению к советским военнопленным и гражданским лицам. После падения режима Муссолини первым, кто рассказал о том, что происходило на территории Советского Союза, был майор Джусто Толлой, высокопоставленный офицер штаба АРМИР, в книге «С Итальянской армией в России». Он пишет: «На оккупированной территории евреи и коммунисты вносились в особые списки. Когда эти списки достигали достаточной величины, немецкая полиция давало распоряжение собрать всех в одно время в определенном месте. Оттуда собранные люди переводились для уничтожения в безлюдное место, недалеко от города, где должны были вырыть себе могилы... Так в Ворошиловграде были убиты за один день 1.300 евреев... Уничтожение осуществлялось не только вследствие расовых или политических причин... Одновременно с этими массовыми убийствами немецкие власти организовали систематические грабежи и депортацию людей на работу в Германию. Циркуляры призывали всех желающих к «добровольному участию». Но набор рабочих являлся принудительным. Женщины, девушки и мальчики получали приказ собраться в конкретный день в конкретном месте для отправки в Германию. Не существовало причин для отмены приказа: если у женщин были дети, они должны были оставить их у соседей. В Макеевке поступили следующим образом: в момент максимальной наполненности городского рынка людьми немцы блокировали из него выходы и все пригодные к работе были немедленно отправлены в Германию» [16].

Офицер итальянского экспедиционного корпуса Этторе Спанджари также рассказывает о массовых расстрелах советских граждан. В мемуарах «С КСИР на русском фронте» он написал: «В офицерской столовой в Рыково (Енакиево) в начале января 1942 г. я узнал от самых немцев, что уже долгое время только в этом городе они расстреливают ежедневно от 400 до 500 гражданских лиц без различия пола и возраста. Я был приглашён офицером поучаствовать в одной из таких массовых казней. Я категорически отказался, не скрывая своего возмущения.

Известно, что Вермахт не только организовывал массовые расстрелы русских жителей, но и осуществлял их депортацию на принудительные работы. Через каждые десять – пятнадцать дней мы видели, как двигались бесконечные колонны женщин, мужчин и мальчиков, отобранных немцами для вынужденной эмиграции на сельскохозяйственные работы в Польшу или для работ на заводах Германии и Чехословакии» [17].

Джованни Скалья служил в 452-м пехотном дивизионе артиллерийского полка. Дивизион был переброшен в СССР в марте 1942 г. В своих воспоминаниях он пишет: «Из Тренто до Днепропетровска дорога длилась 20 суток. Там нас остановили. Это было в конце марта. До приезда в Днепропетровск мы остановились в маленьком посёлке. Мы видели, как расстреливали русских военнопленных... Русские были обвинены в сопротивлении после пленения. Русские военнопленные ехали в нашем поезде под конвоем немцев. Мы из поезда видели их спины. Помню, что один из них, молодой человек, вышел из строя и побежал. Он пробежал едва ли 200 метров до края хлебного поля. Немцы расстреляли его из автоматов, а потом убили всех остальных... В Днепропетровске мы познакомились с семьёй евреев. Они жили в домике рядом с дорогой к нашему лагерю. Капитан говорил: «Отнесите им поесть». Выполнял приказ иногда я, иногда другие. Приносили суп или то, что было под рукой. Этого хватало на пятнадцать – двадцать дней. Однажды утром приехал немецкий посыльный. На семью поступил донос. Их арестовали и убили. Однажды утром мы узнали о приказе немцев: 700 евреев, включая только что родившихся и девяностолетних стариков, должны были пройти пешком 20 км и обратно. Перед этим их заставили выкопать яму 4–5 м в диаметре. Пришли мужчины, женщины с детьми на руках, мальчики и девочки, старые люди, некоторых принесли на спине. После марша офицеры СС приказали полициям расстрелять евреев. Видели бы вы все это! Может быть, у меня будут проблемы после этого рассказа, но это правда! Немцы врывались в массу людей, вырывали детей из рук женщин, бросали их вверх и стреляли в них из пистолетов. Не могли раньше убить матерей? Но «милосердия» они не проявили. Мы ничего не могли сделать. Нас было семь или восемь человек. Ведь если бы мы отреагировали, нас бы расстреляли. Когда я увидел эту бойню, убежал» [18].

Выводы. С лета 1941 г. итальянские вооруженные силы принимали участие в кампании «Барбаросса» и поддержали боевые действия в Донецком бассейне в направлении Днепропетровск, Павлоград, Дебальцево, Горловка, Никитовка, Енакиево. В ходе операций многие солдаты и офицеры Королевской армии были шокированы поведением союзников на «восточном жизненном пространстве» и им было стыдно продолжать войну под флагом Оси. Десятки участников боевых действий АРМИРа поведали правду о войне на русском фронте, о жестокости оккупационного режима в Донбассе. Воспоминания ветеранов важны не только для историков, но и для формирования в Италии коллективной памяти о войне.

Ссылки и примечания:

1. Потери составили: 87 убитых (в том числе 6 офицеров), 190 раненых (в том числе 13 офицеров), 14 пропавших без вести. Потери понесла, в основном, дивизия «Торино» (*Le operazioni delle truppe italiane sul fronte russo 1941 – 1943*, Roma, 1947. P. 59.).
2. Messe G. *La Guerra Al Fronte Russo. Il Corpo di Spedizione Italiano (C.S.I.R.)*. Milano: Rizzoli, 1964. P. 83.
3. Потери итальянцев составили: 61 убитый, 143 раненых, 8 пропавших без вести.
4. Потери 80-го пехотного полка составили: 68 убитых (4 офицера), 205 раненых (17 офицеров), 6 пропавших без вести. Потери частей подкрепления: 62 убитых (5 офицера), 347 раненых (10 офицеров), 10 пропавших без вести.
5. Messe G. *La Guerra Al Fronte Russo* P. 98.
6. Никитин Р., Ржевцев Ю. В боях за город Дебальцево // Красная звезда. 24 марта 2015.
7. *Le operazioni del C.S.I.R. e dell'ARMIR dal giugno 1941 all'ottobre 1942»* (Операции КСИР и АРМИР с июня 1941 г. по октябрь 1942 г.), Рим, Историческое Бюро генерального штаба сухопутных войск, 1947, С. 99. КСИР понес большие потери: 135 убитых (11 офицеров), 523 раненых (31 офицер), 10 пропавших без вести (1 офицер), 915 обмороженных (17 офицеров). На 9/10 потери касались дивизии «Торино».
8. Lembo D. *La Regia Aeronautica in Russia / D. Lembo*. Piacenza : Delta Editrice, 2011. P.4-5.
9. Там же. С. 27.
10. AUSSME. Операции итальянских войск на русском фронте. 1941-1943 гг. Рим, 1993 г. С.129-130.
11. Эта небольшая часть создавалась в Хорватии специально для ведения боевых действий в СССР. Легион состоял из пехотного батальона, роты минометчиков и противотанковой роты.
12. Архив Исторического бюро Генштаба Армии (далее - AUSSME) DS II 1560/1. «Отчёт интендантской службы восьмой армии о деятельности интендантской дирекции. Июнь 1942 года – март 1943 года».
13. AUSSME. «Отчёт об отношении к военнопленным в СССР».
14. Там же.
15. Там же.
16. Tolloy Giusto *Con l'armata italiana in Russia*. Milano: Mursia, 1968. P. 136, 139, 140.
17. Spaggiari E. *Con lo CSIR al fronte russo*. Modena, Mucchi, 1983. P. 13.
18. Скалья А. История войны в воспоминаниях ветеранов. Из Сторо (Тренто-Италия) на Дон и обратно. 1943-1943 гг.// Война на Дону 1942-1943 гг. С. 599.

УДК 94-316.(477) «1943/1945»

Т.М. Удалова

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: udalova-tm@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫХ УСЛОВИЙ НАСЕЛЕНИЯ ДОНБАССА В 1943-1945 гг.

Аннотация

В статье на основе архивных документов раскрываются особенности жилищно-бытовых условий населения Донбасса в 1943-1945 гг. Детализируется внимание на основных направлениях восстановительных работ в жилищно-коммунальном секторе территории Сталинской и Ворошиловградской областей с момента освобождения и до завершения военных действий в Донбассе.

Ключевые слова: *жилищно-бытовые условия, население, Донбасс, Великая Отечественная война.*

Summary

The article on the basis of archival documents reveals the peculiarities of the living conditions of the population of Donbass in 1943-1945. The attention is focused on the main directions of restoration work in the housing and communal sector in the Stalin and Voroshilovgrad regions from the moment of their release to the end of hostilities in the Donbas.

Keywords: *living conditions, population, Donbass, World War II.*

Великая Отечественная война существенно повлияла на состояние жилищно-бытовых условий населения Донбасса. Боевые действия стали прямым следствием разгрома жилых домов, поликлиник, школ и других жизненно необходимых учреждений, восстановление которых требовало значительных физических сил и материальных ресурсов. Однако при огромных масштабах разрушений, в кратчайшие сроки гражданам Сталинской и Ворошиловградской областей удалось возобновить инфраструктуру довоенного уровня. На сегодняшний день жители Донецкой и Луганской Народных Республик, особенно проживающие в прифронтовых районах, очень остро нуждаются в возобновлении их населенных пунктов и в улучшении условий жизни. В этой связи актуальным является исследование процесса возрождения жилищно-бытовых условий граждан края после освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков и до завершения военных действий на ее территории.

Следует констатировать тот факт, что исследование проблематики жилищно-бытовой сферы не оставляло равнодушными историков как в советскую эпоху, так и на современном этапе. Среди плеяды известных исследователей следует отметить работы П.Н. Чернеги [1], А.Е. Лысенко и М.Л. Головка [2], П.В. Доброва и Есипа И.М. [3], Е.Л. Кравченко [4]. Однако, перечисленные работы касались только отдельных аспектов данного вопроса и не отражают целостной картины жилищно-бытовых условий населения Донбасса, что и служит основанием освещения этой проблемы автором данной научной статьи.

Целью научной работы является изучение состояния жилищно-бытовых условий населения Донбасса на основе ранее опубликованных и неопубликованных источников.

Исследование базируется на архивных источниках, которые находятся на постоянном хранении в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины (далее ЦГАОО Украины), а также государственном архиве Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР) и государственном архиве Луганской Народной Республики (далее ГА ЛНР). Среди документов особенно ценными являются отчеты органов власти, партийных и комсомольских организаций, материалы периодической печати, воспоминания очевидцев, которые позволяют достичь поставленной цели исследования.

За годы оккупации нацистами было разрушено более половины жилого фонда Донбасса, что значительно усложнило жилищно-бытовые условия ее населения. Статистические данные свидетельствуют о том, что только по 12 населенным пунктам Сталинской области (Артемовске, Горловке, Дружковке, Дебальцево, Сталино, Енакиеве, Краматорске, Константиновке, Макеевке, Мариуполе, Славянске и Торезе) оккупантами было разрушено 6035 жилищ помещений, нанесено повреждений 9631 домостроений. Объем нанесенных повреждений достигал от 40 до 90%, что доказывало факт непригодности для проживания людей. По выявлению фактов разрушения жилого массива было выявлено, что на территории Донбасса из 3,6 млн. м² жилья было разрушено и выведено из строя более 2 млн. м² жилья, из которых 600 тыс. м² было уничтожено полностью [5]. В городах и рабочих поселках, где плотность населения была высокой, там ситуация с жильем приобрела катастрофического характера и люди были вынуждены селиться в землянках, палатках, бараках.

Мероприятия по восстановлению поврежденных жилых строений и строительству новых было начато с момента известия об освобождении территории Донбасса и подкреплялось в дальнейшем принятым постановлением Государственным Комитетом Обороны (ГКО) "О восстановлении угольных шахт Донбасса" от 22 февраля 1943 г. [6]. Первым шагом в разрешении жилищного вопроса стало построение общежитий, в которых жили работники со своими семьями вблизи предприятий, где они работали [7]. Однако следует отметить, что население Донбасса прекрасно осознавало остроту проблемы, поэтому активно включались в восстановительные работы, инициировав при этом соревнования по выполнению и перевыполнению планов

строительства, а также введению в эксплуатацию жилых массивов [8]. Масштабы и сроки возведения жилья были фантастическими. Так, только за полугодие 4-го квартала 1943 г. - 1-го квартала 1944 г. в Донбассе было сдано в эксплуатацию 135 тыс. кв. м жилья и коммунально-бытовых зданий[9].

В 1944 г. было продолжено возобновление жилищно-бытовой инфраструктуры. Даная инициатива подкреплялась двумя постановлениями ГКО «О создании индустриальной базы для массового жилищного строительства» и СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению индивидуального жилищного фонда в освобожденных районах и усилению индивидуального жилищного строительства в городах и рабочих поселках СССР» [10].

Процесс восстановительных работ тщательно контролировался государственными органами. Так, например, в феврале 1944 г. на пленуме ЦК профсоюза рабочих жилищного хозяйства был заслушан вопрос о ходе выполнения постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»[11]. Пленум обязал профорганизации в кратчайшие сроки восстановить жилищные управления, ремонтные конторы, домоуправления во всех освобожденных городах, а также развернуть соревнование за скорейший ввод в строй жилья и культурно-бытовых учреждений. 92 тыс. членов профсоюза принимали активное участие в составлении планов жилищного строительства, добивались утверждения программы строительства жилищ и обеспечивали специалистов строителей, а также обеспечивали стройматериалами. Вопросы жилищного строительства регулярно заслушивались на профсоюзных заседаниях и утверждались меры, способствующие решению всех важных проблем [12].

Строительная индустрия буквально вставала из пепла и руин: в 1944 г. изготавливалось только 13 % цемента, 9 % кирпичей от довоенного уровня. Поэтому значительная часть средств бюджета шла на возрождение предприятий, которые изготавливали строительные материалы. А на восстановление жилищного фонда и коммунального хозяйства VI сессия Верховного Совета УССР ассигновала свыше 500 млн. руб. [13].

Профсоюз коммунального и жилищного строительства Юга, ее областные и строительные комитеты развернули активную работу среди тех, кто возводил из руин города и села промышленные предприятия, жилищный сектор. В постановлении VI пленума ЦК профсоюза работников промышленного строительства Юга от сентября 1944 г., акцентировалось, что до 1 августа 1944 г. в Сталинской области было возобновлено 35 тыс. м² жилищного фонда, 22643 м² квартир, а также 4 клуба, 7 детских садов, 1 ясли. Строительно-монтажное управление №60 запустило в эксплуатацию 58 пошивочных и ремонтных мастерских, 27 пекарней, 7 бань-санпропускников, 7 прачечных. Администрация профсоюз ответственно относилась к ремонту общежитий, для чего было выделены материалы и средства. Жители общежитий в свободное от работы время подвели отопление, воду, электрику, радио, покрасили и побелили помещения. Все временные общежития здесь ликвидировали, а рабочих и их семьи перевели в

кирпичные помещения нормального типа. Общежития на 100 % были обеспечены матрацами, кроватями, одеялами, подушками, покрывалами, а на 40 % - табуретками, столами и другим инвентарем. Постельное белье меняли три раза в месяц, как того требовали санитарно-гигиенические нормы. В домах, где жили около 800 работников, были собственные парикмахерские, прачечные, и пошивочные и ремонтные мастерские [14]. В течении 1944-1945 гг. строители возобновили 209 050 м² жилой площади, 19 больниц, 36 школ, 15 клубов, 41 детский сад и ясли в Кривбасе. До конца войны в Донбассе было возобновлено 1 млн. 291 тыс. м² жилищного фонда и объектов социокультурного предназначения, 1123 общежитий, в которых проживали около 60 тыс. рабочих [15].

Профсоюзы отслеживали ситуацию с жильем и постоянно держали под контролем. Летом в 1945 г. секретариат ВЦСПС рассмотрел вопросы о работе Центрального комитета профсоюзов каменноугольной промышленности Донбасса и железорудной промышленности Юга. В принятых постановлениях констатировалось, что, несмотря на сложную ситуацию с жильем, средства, ассигнованные на жилищное строительство, в полном объеме не были использованы. Из 68 млн. руб., выделенных в 1944 г., по комбинату «Сталинуголь» было освоено только 40 млн. Бани и прачечные работали плохо и за наведением порядка никто не боролся (шахты № 30 и № 31 Рутченковского района, им. Кагановича Куйбышевского района, № 15 Снежнянского района).

В марте 1945 г. состоялся XIII пленум ВЦСПС, который разработал программу улучшения бытового обслуживания трудящихся и их жилищных условий. Секретариат ВЦСПС систематически контролировал деятельность отраслевых ЦК, обкомов и местных профсоюзов по внедрению в жизнь этих решений.

Усилия, направленные на разрешение жилищной проблемы, постепенно давали результаты. С момента изгнания гитлеровцев с территории УССР до завершения войны в республике было отстроено и сооружено 10,3 млн. м² жилья, что позволило довести жилищный фонд городов и рабочих поселков до 75 % от уровня 1940 г. Кроме того, сооружено 250 тыс. усадеб для колхозников, 95 630 производственных и 2 600 культурно-бытовых помещений. До лета 1945 г. введено в эксплуатацию 137 электростанций, 105 водопроводов, 210 городских бань и механических прачечных, в 19 городах было возобновлено движение трамваев [16].

Следует также акцентировать внимание на показателях восстановительных работ, производимых в сфере жилищного строительства и восстановления в Донбассе. Так, на 1 июня 1945 жилой фонд горняцких городов края составлял 75 % довоенного уровня [17]. После освобождения от гитлеровской оккупации восстановленный жилой фонд Донбасса превышал 10,3 млн. м², из которых в городах и рабочих поселках достигал 76% от общего уровня возведенного жилого фонда в СССР, по состоянию на 1940 г. [18]. Оценивая масштабы в целом по Сталинской и Ворошиловградской областям на 1 сентября 1945 г., следует

отметить, что было восстановлено и вновь возведено только 1123 общежития для 60 тыс. рабочих [19].

Таким образом, автор делает вывод о том, что, не смотря на огромные масштабы разрушений нанесенных фашистами, население Донбасс смогло консолидировать свои усилия и провести колоссальные по своим масштабам не только восстановительные работы в жилищном секторе, но и возвести достаточное количество помещений, которые были оснащены необходимыми предметами обиходами. Следует отметить, что Донбасс настолько был привлекательной административно-территориальной единицей, что он манил жителей из других регионов СССР, и в большей мере население западных областей УССР, что приводило очень часто к катастрофическим показателям дефицита жилищного фонда. Однако, как правило, выдержать условия тяжелого труда шахтеров и металлургов удавалось не всем, поэтому происходил естественный отток этих рабочих в родные населенные пункты и разрешение жилищного вопроса естественным путем.

Ссылки и примечания:

1. Чернега П.Н. Профсоюзы Украинской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). - М.: Главное издательство издательского объединения "Вища школа", 1987. 173 с.; Чернега П.Н. Вклад рабочих Украины в укрепление военно-экономической мощи СССР в годы Второй мировой войны в 1939 - 1945 гг: Автореф. дис. ... д.и.н. - Донецк: ДонНУ, 2005. 39 с.
2. Головки М.Л., Лысенко А.Е. Профсоюзы Украины в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Учеб.пособие. М.: Академия труда и социальных отношений Федерации профессиональных союзов Украины, 2002. 688 с.
3. Добров П.В., Есип И.М. Трудовая деятельность женщин Донбасса в годы Великой Отечественной войны (1941 - 1945 гг.). Донецк: ООО «Печать - инфо», 2000. 240 с.
4. Кравченко Э.Л. Жилищные условия шахтеров Донбасса в 1943 - 1945 гг. //Новые страницы истории Донбасса. Статьи. Донецк: ДонНУ, 1997. Кн. 5.
5. Добров П.В., Есип И.М. Трудовая деятельность женщин Донбасса в годы Великой Отечественной войны (1941 - 1945 гг.). Донецк: ООО «Печать - инфо», 2000. С. 71, 157-158.
6. КПСС в резолюции и решениях. М.: Политиздат, 1978. Т. 6. С. 90-91. Чернега П.Н. Профсоюзы Украинской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941 - 1945). М.: Главное издательство издательского объединения «Высшая школа», 1987. С. 83, 137.
7. Чернега П.Н. Профсоюзы Украинской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941 - 1945). М.: Главное издательство издательского объединения «Высшая школа», 1987. С. 83, 137.
8. КПСС в резолюции и решениях. - М.: Политиздат, 1978. Т. 6. С. 90.

9. Кравченко Э.Л. Жилищные условия шахтеров Донбасса в 1943 - 1945 гг. //Новые страницы истории Донбасса. Статьи. Донецк, 1997. Книга 5. С. 139.
10. Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941-1945 гг.: 3 т. К: Политиздат Украины, 1975. С.237.
11. Труд. 1944. 19 февраля.
12. Профсоюзы СССР и народный контроль, 1917-1965: Документы и Материалы. М.: Профиздат, 1957. С. 193.
13. Чернега П.Н. Профсоюзы Украинской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941 - 1945). М.: Главное издательство издательского объединения «Высшая школа», 1987. С.137.
14. ЦГАОО Украины. Ф. 5451. Оп. 25. Д. 624. Л. 130; Д. 1125. Л. 15.
15. ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп. 46. Д.415. Л. 3 об.
16. ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп. 46. Д.414. Л. 94.
17. Кудлай А.С. Рабочий класс Украинской ССР в борьбе за восстановление и развитие промышленности в послевоенный период. К.: Наукова думка, 1965. С. 142-143.
18. История Украинской ССР в 8 т., 10 кн. - К.: Наукова думка, 1977. Т. 7. С. 442.
19. Головкин М.Л., Лысенко А.Е. Профсоюзы Украины в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Учеб.пособие. М., 2002. С. 196.

УДК 93:727(477.6)

М.В. Шатохина

аспирант,

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»

e-mail: m.v.sh@bk.ru

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЕТИ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДОНБАССА В 1943-1955 гг.

Аннотация

В статье на основе архивных материалов автор рассмотрел процесс восстановления сети учебных заведений Донбасса. При изучении фактического материала были определены: этапы воссоздания материально-материально технической базы, бюджетные ассигнования, предусмотренные правительством, проблемы и перспективы восстановления сети педагогических учебных заведений.

Ключевые слова: образование, ассигнации, восстановление, Донбасс, педагогические кадры.

Summary

In an article based on archival materials, the author reviewed the process of restoring the network of educational institutions of Donbass. When studying the actual material, the following were identified: the stages of reconstruction of the material and technical base, budget allocations provided by the government, problems and prospects for the restoration of the network of pedagogical educational institutions.

Keywords: *education, banknotes, restoration, Donbass, teaching staff*

Исследование событий Великой Отечественной войны, является актуальным в связи с тем, что в данный период происходят сдвиги в социально-экономической, политической и культурной сферах, трансформируется общество и его потребности. При восстановлении хозяйства одной из главных задач правительства стало возрождение системы образования, поскольку производство нуждалось в высококвалифицированных рабочих. Проанализировав этап воссоздания материально-технической, учебной и кадровой баз учебных заведений в послевоенный период в Донбассе. Можно выделить факторы, благодаря которым удалось воссоздать, а в дальнейшем и развить одну из самых лучших систем образования в мире.

Со времени провозглашения Донецкой Народной Республики история образования требует дополнительного изучения. Поскольку исторический пример сможет показать проблемы и пути решения связанные с процессом его возрождения и развития, а полученный опыт, возможно, реализовать в современных условиях в рамках реформирования государственной системы.

Обзор историографического материала и первоисточников показал, что тема работы вызывает интерес среди исследователей, однако анализируются только определенные аспекты. В своих работах анализировали проблему развития советской высшей школы Е. В. Чуткерашвили [1], К.Т. Галкин [2]. Вопрос высшего образования в Донбассе XX в. рассмотрен в диссертационном исследовании И.Н. Кравчук [3]. Комплексный анализ системы школьного образования в Донбассе содержится в монографии П.В. Доброва и М.А. Быстрой [4].

Целью исследования является попытка рассмотреть процесс возрождения учебных заведений Донбасса после освобождения от немецко-фашистских захватчиков, а также меры применяемые правительством по развитию системы образования и воспитанию научно-педагогических кадров.

Хронологические рамки исследования охватывают период 1943-1955 гг., что обусловлено временем восстановления и развития народного хозяйства Донбасса во время двух послевоенных пятилеток.

Территориальные рамки исследования предусматривают охват Сталинской и Ворошиловградской области, как целостной территориальной единицы – Донбасс.

Военные действия в период Великой Отечественной войны и приход неприятеля на территорию Донбасса повлияли на процесс становления и развития системы образования. Во время оккупации согласно распоряжению А.Розенберга

все высшие учебные заведения подлежали закрытию, однако продолжили работу общеобразовательные и ремесленные школы [5].

В 1943 г. Красная Армия в ходе наступательной операции начала освобождение востока УССР. С продвижением фронта правительство приступает к налаживанию мирной жизни в освобожденных городах и селах. Возникает потребность в возрождении системы образования. Первый этап работ по воссозданию учебных заведения начинается 27 февраля 1943 г., когда издается постановление СНК УССР «О восстановлении работы школ в районах УССР, освобожденных от немецкой оккупации» [6].

В конце декабря 1943 г. все шесть институтов Сталинской области приступили к работе. Высокими темпами восстанавливалась, общеобразовательные школы [7].

Усилиями учителей, учеников и родителей была воссоздана 1271 школа Сталинской области из 1532 школ работающих до войны [8]. 16 апреля 1945 СНК УССР и ЦК КП(б)У приняли постановление «О фактах нарушения постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) об использовании школьных помещений не по назначению» [9]. Согласно решению все ранее принадлежавшие школам здания должны быть возвращены органам народного образования. В дальнейшем, главной целью школьной системы становится исполнение Закона «Об всеобщем обязательном обучении детей с семилетнего возраста и привлечение подростков оторванных от обучения в оккупационные годы, а также ликвидация безграмотности среди населения». В результате в 1952-1953 уч.году в Сталинской области работало 1619 школ (контингент учащихся 466689 чел.) [10].

Занятия в открывшихся учебных заведениях проходили с большим затруднением, поскольку их восстановление и развитие зависело от возрождения материально-технической базы, достаточных ассигнаций со стороны государства, подготовки и привлечения научно-педагогических кадров, обеспечения учебными пособиями и учебниками.

В тяжелом положении в первые месяцы после оккупации находился Донецкий индустриальный институт, так как все корпуса института были сожжены, а все материальные ценности во время эвакуации в г. Прокопьевск были оставлены в г. Сталино [11]. Согласно плану восстановления Обком КП(б)У своим решением обязал «Сталин уголь» закончить строительство главного корпуса института к 1 сентября 1944 г. [12].

После оккупации не имел своего учебного корпуса и Сталинский педагогический институт [13]. Запланированное начало учебного процесса с 15 ноября 1943 г. было сорвано. Сталинским ОблОНО для института выделили шесть комнат в СШ № 3 г. Сталино. Оборудовать необходимой мебелью и стульями только три аудитории. Положение института усложнялось тем, что СНК УССР не утвердил ассигнования контингента студентов и штата в результате институт не финансировался [14].

Не была проведена плановая эвакуация Сталинского государственного медицинского института. Вследствие чего только часть оборудования было сдано

на хранение Сибирскому медицинскому институту. Студенты и преподаватели сразу же после освобождения г. Сталино принялись восстанавливать вуз. Следует отметить, что в период немецкой оккупации материально-техническая база вуза была полностью разрушена. Здания морфологического корпуса и клинической больницы им. Ворошилова были полностью сожжены. От учебно-материальной базы осталась только часть, которую эвакуировали в г. Новосибирск [15].

Все помещения Артемовского и Славянского учительских институтов также были взорваны и сожжены. Учебный год Артемовского учительского института начался в выделенном под учебный корпус доме из девяти комнат. Учебная база вузов не сохранилась, остро нуждались в учебниках, наглядных пособиях и оборудовании [16]. После оккупации учебный год Мариупольского металлургического института начался 1 января 1944 г. в выделенном здании, которое было отремонтировано с помощью завода им. Ильича. Однако, для полноценной работы вуза не хватало помещений для лабораторий и мастерских [17].

На основании постановления СНК ССР И ЦК ВКП(б) свою работу возобновили техникумы и училища. 10 октября 1943 г. начал функционировать Сталинский горный техникум на базе которого удалось открыть несколько направлений подготовки: отделение-разработки пластовых месторождений, горная электромеханика, обогащение полезных ископаемых, разведочные бурения. Тем не менее, развитие техникума ограничивалось вместимостью учебного корпуса и отсутствием учебной базы [18].

10 ноября 1943 г. начал работу Артемовский керамико-механический техникум, 20 декабря 1943 – Макеевский металлургический техникум, 25 января 1944 г. – Горловский горный техникум. 20 января 1944 г. благодаря выделенному помещению заводом им. Ильича принял студентов Мариупольский металлургический техникум [19].

Очень тяжело шел процесс восстановления педагогических училищ, так как ни одно из этих учебных заведений своих помещений не имело, а были размещены в зданиях средних школ. Оборудование удавалось частично возобновить благодаря энтузиазму и помощи студентов. Учебные фонды училищ были уничтожены, литературой студенты не обеспечивались [20].

Удалось возобновить учебный процесс в своих помещениях Мариупольскому фельдшерско-акушерскому училищу и Артемовской фельдшерско-сестринской школе. Сталинское фельдшерско-акушерское училище, Константиновское фельдшерское училище, Славянское фельдшерско-акушерское училище также восстановили работу, но не в своих помещениях [21].

Задачи четвертой пятилетки в области культурного строительства были выполнены. В конце 40-х гг. XX в. система высших учебных заведений не расширялась, но на базах уже действующих вузов открывались новые факультеты. Планом пятилетки на 1951-1955 гг. предусматривалось увеличение численности выпускников высших и средних учебных заведений.

В процессе восстановления система образования испытывала трудности обеспечения учебного процесса научно-педагогическими кадрами, но уже в 1944 г. по инициативе комиссара образования П.Г. Тычины в УССР было возобновлено заочное обучение [22]. Молодым специалистам после окончания вузов давались льготы на решение жилищного вопроса.

Для популяризации образования использовали материальные поощрения. В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров СССР с 1 сентября 1943 г. всем студентам вузов и ученикам педагогических школ, которые успешно усваивают изучаемые дисциплины, назначили стипендию. Для студентов педагогических вузов стипендия была распределена следующим образом: первый курс – 140 руб/мес., второй курс – 160 руб/мес., третий и четвертый курсы – 185 руб/мес., пятый курс – 210 руб/мес.. Ученикам педагогических школ назначалась стипендия: первый курс – 80 руб/мес., второй курс – 100 руб/мес., третий курс – 120 руб/мес.. С целью поощрения студентов и учеников, которые имели отличные оценки по всем дисциплинам, размер стипендии увеличивался на 25% [23].

В 1948 г. Сталинской области Министерством образования УССР для премирования лучших работников системы народного образования, отличившихся при восстановлении школ и достигнувших лучших показателей в деле обучения и воспитания детей было выделено 17000 руб. [24].

По расчетам специалистов, Вторая мировая война принесла СССР колоссальные финансовые потери в 2 трлн. 569 млрд. руб. [25], из них Сталинской области – 30 707 млрд. руб. [26], Ворошиловградской области – 17 млрд. руб. [27] Ущерб необходимо было возместить за счет быстрого восстановления промышленности. Работа новых предприятий и восполнения кадров в разных сферах завесила от восполнения кадровых потребностей за счет восстановления системы образования.

К 1950 г. в 7 вузах, 43 техникумах 1715 школах Сталинской области обучалось значительно больше студентов и учеников чем в довоенный период [28]. Следовательно, можно сделать вывод, что уничтоженную систему образования удалось возродить, преодолевая трудности.

Как результат из пяти корпусов Донецкого индустриального института, эксплуатируемых до Великой Отечественной войны к 1954 г. удалось восстановить только три. Промедления в процессе восстановления влияли на учебный процесс. По некоторым дисциплинам лабораторные занятия, рассчитанные на половину академической группы, проводились со всей группой сразу [29].

В начале 1955-1956 уч.года ввели в эксплуатацию еще один учебный корпус, но в связи с увеличением количества студентов (в 1954-1955 уч. году обучалось 5,5 тыс., в 1955-1956 уч.году – 6 тыс.) ситуация не изменилась и требовалось новое расширение материально-технической базы. Что касается учебно-технической базы вуза то она отставала от техники, находившейся на предприятиях, а для переоснащения требовалось дополнительное финансирование [30]. Расширение учебной площади повлияло на необходимость увеличить

количество профессорско-преподавательских ставок. Для обеспечения института кадрами в полном объеме в 1955-1956 уч.году штатным расписанием был утвержден профессорско-преподавательский состав в количестве 416 чел., приступило к работе в начале учебного года – 356 чел.. Следовательно, институт был обеспечен преподавателями только на 85,6 %. Такие трудности были связаны с отсутствием жилого фонда [31].

В 1954 г. для Ворошиловградского педагогического института строился спортзал, проводились ремонтные работы учебного корпуса и общежития. Однако директор вуза отмечал, что ремонт идет медленно. Несмотря на то, что государством на строительство и благоустройство института было выделено 1 млн. руб., к середине 1954 г. строителями было выполнено работ на 80 тыс. руб.. Показатель свидетельствует о выполнении работ на 10 %.. Отставания от графика выполненных работ связано с перебоями в поставке необходимых строительных материалов для областного строительного треста и нехваткой рабочих. Финансирование вуза Министерством просвещения в 1954-1955 уч.году было неудовлетворительным. Институту для работы лабораторий было необходимо закупить новое хозяйственное и учебное оборудование на сумму 500 тыс. руб., за пол года из выделенных 230 тыс.руб. профинансировали только 44 тыс. руб. [32].

Руководству страны в течении всего периода восстановления через прессу удалось сформировать в сознании граждан представление о исключительной важности воспитания подрастающего поколения. Уже вначале 50-х гг. контингент учащихся в учебных заведениях увеличивается, но появились новые проблемы, связанные с обеспечением учебных учреждений научно-преподавательскими кадрами и уже требовались новые ассигнации для развития системы образования. Анализируя архивные материалы следует отметить, что в 1951-1952 уч.году в Сталинской области не хватало учителей иностранных языков [33]. Для того чтобы решить данную проблему по приказу Министерства образования УССР из г. Белая Церковь (Киевская обл., УССР) в г. Горловка (Сталинская обл., УССР) в 1954 г. был переведен Белоцерковский педагогический институт иностранных языков. На новое место вуз получил новое название – Горловский педагогический институт иностранных языков [34]. После переезда вуз на баланс получил четырехэтажное здание с 17-ю аудиториями, 5-ю учебными кабинетами, 1-й фонолабораторией, библиотекой, спортивным и актовым залами, лекторскими, буфетом. Также в корпусе отводились 4 комнаты для размещения административно-управленческого персонала, 2 комнаты выделили под санчасть и книгохранилище [35].

Таким образом, не смотря на тяжелое социально-экономическое положение Донбасса в после оккупационный период и продолжения военных действий на территории СССР правительству удалось восстановить работу системы образования. Достижение данных результатов стало возможным благодаря консолидации усилий правительства и народа. Материально-техническая база впервые после оккупационные годы не соответствовала потребностям учебных

заведений и не обеспечивала учебный процесс. Однако в последующие годы ее удалось возродить и приумножить.

Следует отметить, что благодаря усилию правительства, администрации научно-педагогическому составу общеобразовательных, средних и высших учебных заведений удалось не только увеличить контингент учащихся, но и способствовать расширению сети вузов.

Ссылки и примечания:

1. Чуткерашвили Е.В. Кадры для науки. (Специалисты высшей квалификации в СССР и в капиталистических странах). М., 1968.
2. Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М., 1958.
3. Кравчук І.М. Розвиток вищої освіти в Донбасі у ХХ столітті: автореф. дис. ... іст. наук. Донецьк, 2008. 19 с.
4. Добров П.В., Бистра О.М. Система освіти в Донбасі в роки Великої Вітчизняної війни. Донецьк: Норд-прес, 2006. 273 с.
5. Україна в Другій світовій війні у документах: Збірник німецьких архівних матеріалів (1942-1943). Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України; Львівський державний університет ім. І. Франка; Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського НАН України, 1998. Т. 2. С. 383.
6. Кирило В.С. Освіта та педагогічна думка Східноукраїнського регіону у ХХ столітті. Луганськ : ЛДПУ, 2000. С. 359.
7. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). Ф. 326. Оп 2. Д 441. Л 5.
8. ГА ДНР. Ф. 326. Оп 2. Д 441. Л 5.
9. Розвиток української культури за роки радянської влади. К.: Наукова думка, 1967. С. 49
10. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 8. Д. 1006. Л. 25.
11. Там же. Оп 2. Д 441. Л 28.
12. Там же. Л 110.
13. Там же. Л 31.
14. Там же. Д 91. Л 1.
15. Там же. Оп 2. Д 441. Л 30.
16. Там же. Л-33.
17. Там же. Л-34.
18. Там же. Л-37.
19. Там же. Л-39.
20. Там же. Л-40.
21. Там же. Оп 10. Д 225. Л 41.
22. В Наркомпросе УССР // Учительская газета. 1944. 14 июня.
23. ГА ДНР. Ф. Р-2852. Оп-1. Д-649. Л-231.

24. Там же. Л-18.
25. Рогачевская Л.С. Социалистические соревнования в СССР. Исторические очерки 1917-1970 гг. М., 1977.
26. История городов и сел Украинской ССР: В 26 т. Донецкая область. К. : АН УССР, 1983. С. 56.
27. История городов и сел Украинской ССР: В 26 т. Луганская область К. : АН УССР, 1983. С. 45.
28. История городов и сел Украинской ССР: В 26 т. Донецкая область. К. : АН УССР, 1983. С. 64.
29. ГА ДНР. Ф. 326. Оп 10. Д 225. Л 22.
30. Там же. Д 178. Л 11.
31. Там же. Д 444. Л 25.
32. Там же. Д 178. Л 4-5.
33. Там же. Оп. 8. Д. 1006. Л. 27.
34. Там же. Ф. Р-2794. Оп. 1. Д. 835. Л. 307-309.
35. Горлівський державний педагогічний інститут іноземних мов. історичний нарис. 1949-1999. Горлівка: ГДПШМ. 136 с.

УДК 94 (470.315) «1944»

В.С. Околотин

*доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»
e-mail: okolotin.vladimir@yandex.ru*

**ПОМОЩЬ ПРЕДПРИЯТИЙ И НАСЕЛЕНИЯ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
ОСВОБОЖДЕННОМУ ДОНБАССУ В 1944 ГОДУ**

Аннотация

Статья посвящена исследованию процесса помощи предприятий и населения Ивановской области Донбассу, освобожденному от немецких захватчиков. В ней приводятся объемы помощи и ее виды, порядок формирования и отправки. Указываются решения центра и региона, послужившие основанием для проведения такой гуманитарной акции.

Ключевые слова: *Государственный Комитет Оборона, обком ВКП(б), постановления, помощь, Донбасс, Ивановская область, энергопоезд, инструмент, одежда, деревянные опоры.*

Summary

The article is devoted to the research of the process of the assistance of the enterprises and the population of Ivanovo region to the Donbass, liberated from the German invaders. In it I give the volumes of the assistance and the kinds of it, the procedure of the formation and the sending. I point the decisions of the center and the region, served as the basis of such humanitarian action.

Keywords: *State Defense Committee, regional committee of CPSU(b), resolutions, assistance, Donbass, Ivanovo region, power train, instrument, clothes, wooden support.*

В годы Великой Отечественной войны Ивановская область являлась мощным источником людских, материальных и финансовых ресурсов не только для Красной армии, но и с начала с 1942 года стала оказывать посильную помощь территориям страны, освобожденным от гитлеровских захватчиков. Среди них Калининская, Сталинградская, Брянская и Смоленская области, хозяйство и инфраструктура которых в ходе ожесточенных боев были полностью разрушены. Ее оказание сопровождалось различными примерами бескорыстия и сочувствия со стороны жителей области, а также появлением различных инициатив, прогремевших на всю страну по скорейшему возрождению хозяйства указанных регионов. В целом эти факты общеизвестны и неоднократно освещались в местной печати. Однако тщательное изучение источников из Государственного архива Ивановской области и периодической печати позволяет расширить границы данного представления и включить в число указанных регионов Донбасс.

В довоенный период донбасский уголь, а в быту его с должным уважением называли «донбасский уголек», в большом количестве использовался в хозяйстве Ивановской области. Однако с началом Великой Отечественной войны хозяйственные связи были нарушены и электростанции, заводы и фабрики Ивановской области были вынуждены переходить на низкосортный уголь из других бассейнов, а затем на торф и дрова.

В 1943 году после освобождения Донбасса от оккупации на его территории началось восстановление энергетических объектов. 26 сентября 1943 года ГКО принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донбасса». Для его исполнения Ивановский обком ВКП(б) 2 ноября 1943 года принял аналогичное постановление. Согласно его содержанию руководителям предприятий области надлежало выделить оборудование, инструмент, а также различные материалы для восстановления шахт Донбасса и организовать их отправку в ноябре – декабре 1943 года. Среди такого оборудования в постановлении были названы локомобили, передвижные электростанции, паровые машины и т.д.

В Государственном архиве Ивановской области сохранился приказ управляющего РЭУ «Ивэнерго» Н.Н. Амосова №166 от 3 декабря 1943 года о монтаже энергопоезда к 20 декабря 1943 года. Согласно приказу монтаж поезда был произведен на ИвГРЭС. Руководство работами по оборудованию энергопоезда и ответственность за качественное и своевременное выполнение

задания было возложено на директора ИвГРЭС А.В. Антонова. Техническое руководство и ответственность за качество работ в тепломеханической части обеспечивал начальник турбинного цеха Н.А. Филиппов. Для этого был использован один из демонтированных турбогенераторов (с Тейковского хлопчатобумажного комбината мощностью 1100 квт). Постановление о монтаже поезда было принято на бюро обкома ВКП(б) 7 декабря 1943 года. Монтаж проводился в исключительно сжатые сроки с привлечением работников ИвТЭЦ, Ивэлектросети, ВладТЭЦ, транспортного, технического отделов и отдела снабжения «Ивэнерго». Так от ИвТЭЦ была выделена бригада слесарей-ремонтников в количестве 8 человек, Ивэлектросети – бригада электромонтеров из 6 человек, ВладТЭЦ бригада слесарей-ремонтников в составе 3-х человек[1].

Для приемки энергопоезда была назначена комиссия в составе: А.В. Кондакова, А.В. Антонова, Н.В. Борисова, Н.А. Филиппова, В.Н. Гуревич и главного инженера проекта Н.В. Годвинского. Директору ИвГРЭС А.В. Антонову управляющим Ивэнерго было предложено укомплектовать энергопоезд эксплуатационным инструментарием по тепловой и электрической части, тепловой и электрической схемам и его сборным чертежом. Энергопоезду было присвоено наименование «Энергопоезд 27. От Ивановских энергетиков-Донбассу». Оборудование и приемка энергопоезда были завершены к 1 января 1944 г, а уже 5 января 1944 года энергопоезд мощностью 1100 киловатт, сформированный на ивановской земле, был отправлен в Донбасс для обеспечения электроэнергией разрушенной войной угольной промышленности. Для его сопровождения до места назначения приказом по станции были назначены: С.Ф. Мартаков (начальник энергопоезда), И.И. Требухин (машинист), А.М. Муравьев (слесарь-турбинист). На время пребывания в Донбассе за ними сохранялась заработная плата, получаемая на ИвГРЭС[2].

Однако, это была не единственная помощь жителей области освобожденному Донбассу. На страницах «Рабочего края» была размещена публикация «Владимирцы – Донбассу», содержание которой дополняет данное представление. Из нее следует, что трудящиеся области, приняли деятельное участие в восстановлении разрушенного немецкими захватчиками Донецкого бассейна. Предприятия выделяли инструмент и оборудование, а рабочие собирали вещи домашнего обихода. Так, на граммофонном заводе г. Владимира было собрано для отправки в Донбасс 700 штук различного режущего инструмента и для шахтеров сотни различных вещей. Владимирский химзавод выделил 500 метров электрического провода, несколько аппаратов для электроустановок. Коллектив путейских мастеров первой дистанции Горьковской железной дороги за счет своих резервов направил в Донбасс 31 пару рельсовых клещей, 30 остроконечных ломов, 10 костыльных лап, путевые ключи и другой необходимый инвентарь. Трикотажная мастерская легпрома выделила сверлильный станок и тиски. Артель «Победа» сшила 15 комбинезонов, 200 пар теплых варежек и носок. Домашние хозяйки собрали среди жителей Владимира 200 пар белья, 100 различных вещей домашнего обихода. Не остались в стороне учащиеся школ, которые приступили к

сбору средств для школьников Донбасса[3]. Кроме того, лесхозами Ивановской области было заготовлено и отправлено в Донбасс большое количество деревянных стоек для укрепления шахт.

Таким образом, предприятия и население Ивановской области, которые также испытывали крайнюю нужду во всем, изыскивали любую возможность, чтобы оказать посильную помощь освобожденным районам, в том числе и Донбассу. Все понимали, что от скорейшего восстановления его угольной промышленности во многом будет зависеть как дальнейшее развитие страны, так и Ивановской области.

Ссылки и примечания:

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). ФР. 2184. Оп. 3. Д. 213. Л. 206-207.
2. ГАИО. ФП. 327. Оп.7. Д. 1247. Л. 141.
3. Владимирцы – Донбассу//Рабочий край. 1943. 4 декабря

УДК 371:81'272(477.6)“195”(045)

М.А. Полякова

соискатель,

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»

e-mail: polyakova.mariya.93@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДОНБАССА В 1950 - Е ГГ.

Аннотация

В статье рассматривается перехода к преподаванию на украинском языке в педагогических учебных заведениях Донбасса во второй половине 1950-х годов. А также определяются предпосылки и причины развертывания данного процесса.

Ключевые слова: *украинский язык, коренизация, педагогические институты, система образования, СССР.*

Summary

The article deals with the transition to teaching subjects in educational institutions of Donbass in Ukrainian language in the early 1950s. It also defines the background and reasons for the deployment of this process.

Keywords: *Ukrainian language, korenization, pedagogical institutes, educational system, USSR*

Современная отечественная наука связана с процессом становления суверенного государства ДНР и языкового самоопределения населения Донбасса. Вопрос национально-языковой политики был и остается центральной темой в дискуссиях лингвистов, политологов и историков. События настоящих лет, гражданская война на Донбассе, поводом для которой послужило ограничение использования русского языка, сохраняют актуальность данной темы. В этой связи, возрастает интерес к использованию советского опыта и реализуемого принципа равенства республик прописанного И.В. Сталиным в Докладе о национальных моментах в партийном и государственном строительстве [1].

Языковая политика СССР подробно освещена в научной литературе З.В. Нечипоренко «Региональные особенности политики коренизации (украинизации) в УССР: основные тенденции в историографии 1920-х – начале 1950-х годов», С.В. Чешко «Распад СССР: этнополитический анализ», А.П. Мякушев «Национально-языковое строительство в Советском союзе в послевоенный период: основные направления и тенденции». Однако вопрос перехода с русского на украинский язык преподавания в специальных (педагогических) учебных заведениях Донбасса не был изучен.

Целью работы является изучение предпосылок и причин перехода к преподаванию на украинском языке в педагогических учебных заведениях Донбасса во второй половине 1950-х годов.

Изучение фондов Государственного архива ДНР и хранящейся в них документации педагогических учебных заведений позволило выявить интерес партийного аппарата УССР к языку преподавания. Так, в директивах Министерства просвещения УССР от 3 марта 1956 г., пединституты обязываются предоставить данные о языке преподавания и объяснять причины задержки данной информации. [2]

Начиная со второй половины 1950-х годов руководителям учебных заведений стали поступать рекомендации о переходе на украинский язык преподавания. Директивы начальника управления подготовкой учителей Министерства образования УССР Ф. Усенко внести вопрос о языке преподавания в повестку дня учебных заведений: «Министерство образования УССР неоднократно обращало внимание директоров педагогических институтов на необходимость перехода всех преподавателей педагогических институтов на украинский язык преподавания и на ведение всей учебно-воспитательной работы на украинском языке. [3]

Так, в июньском протоколе Заседания совета Славянского педагогического института за 1956 год зафиксированы указания директора ВУЗа Ялового Ф.М. о необходимости проведения учебной работы на украинском языке: «Не нужно забывать преподавателям всех кафедр, что наш институт украинский и учебную работу следует проводить на украинском языке». [4] В Протокол о подведении итогов работы Славянского педагогического института за 1956 – 1957 учебный

год, также были внесены предложения о рассмотрении данного вопроса: «Совет института постановляет: ...всем преподавателям в этом году перейти на украинский язык преподавания». [5]

После реорганизации учительских институтов в педагогические, а также их объединения в данные учебные заведения стали направляться комиссии, ставившие цель проверить материально-техническую базу, учебно-методическую и воспитательную работу. При подобных проверках отдельное внимание комиссий уделялось вопросу о языке преподавания. «О проверке Сталинского педагогического института: указать директору института товарищу Ксенофонтову на то, что он не выполнил указаний Министерства образования о чтении преподавателями курсов лекций на украинском языке». [6]

Важное место в системе образования УССР отводилось изучению украинского языка. Граждане, получившие аттестат об окончании школ других союзных республик, а также получившие аттестат в школах УССР, но не имеющие оценки по украинскому языку освобождались от экзамена по данному предмету при поступлении в высшие учебные заведения. Однако, для таких студентов дирекция должна была организовать факультативный курс украинского языка, а уже после его прослушивания студенты должны были сдать экзамен. Следовательно, для поступления в ВУЗы УССР второй половины 1950-х годов получение отметки за экзамен по украинскому языку было обязательно, более того студенты не имевшие такой отметки изучали украинский язык в качестве иностранного на протяжении двух курсов обучения в институте. [7]

Партийный интерес к подобной языковой политике возникает во второй половине 1950-х годов. Имеет место предположение о навязывании украинского языка министром просвещения УССР в 1957 – 1962 годах И.К. Белодедом, однако будучи лингвистом и академиком АН УССР, в свои научные работы он вкладывал идею единства восточнославянской группы языков и необходимости изучения русского языка как их основы. [8] Возглавляющий в эти годы партийную организацию УССР Н.В. Подгорный известен как активный деятель в области советской внешней политики. Именно Подгорный впервые выступал в ООН на украинском языке. Это были скорее вынужденные меры, во время его выступления началась акция протеста украинских националистов из США, сориентировавшись политик, продолжил свою речь на украинском языке. Делопроизводство УССР велось на украинском языке, но переписка с ЦК КПСС, протоколы и обращения были выполнены на русском языке. [9]

Политика коренизации реализовывалась советским правительством в 1920-х – первой половине 1930-х годов. Поствоенная языковая политика 1945 – 1953 гг., напротив была направлена на внедрение русского языка во все сферы жизни, некоторые историки и политологи называют ее «насильственной русификацией». Целью подобной политики было создание единой советской общности, связанной общим (русским) языком и уже к началу 1950 – х гг. «интернационализация» в языковой сфере продвигалась успешно, а роль национальных языков ослаблялась. [10] Данные приведенные в статье (Таблица 1) Мякшева А.П. «Национально-

языковое строительство в Советском союзе в послевоенный период: основные направления и тенденции» свидетельствуют о сокращении численности населения обучающегося на родном языке, за период 1950 – 1960 гг. на 11%.

Таблица 1.
Количество учащихся, обучающихся на украинском и русском языках в УССР.

Язык обучения	1950/1951 учеб. год	1953/1954 учеб. год	1958/1959 учеб. год	1959/1960 учеб. год	
украинский	80%	77%	70%	69%	сниж. 11%
русский	19%	22%	29%	30%	рост 14%

В связи с очевидным сокращением обучения на украинском языке в Верховный Совет СССР, стали приходить письма, в которых была выражена обеспокоенность о судьбе украинцев подвергшихся русификации и не имеющих возможности обучаться на родном языке. Власть реагировала однозначно: в СССР созданы необходимые для развития национальных языков условия. Закон 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране» предоставляла возможность выбора языка обучения. Интерес представляет мнение С.В. Чешко: «на самом деле «коренизация» никогда не прекращалась, хотя такой термин и не употреблялся». [11] Начиная с 1950-х годов «посткоренизация» как назвал ее С.В. Чешко в одной из своих книг реализовывалась не согласно директивам центрального аппарата и не по средством официальных, предназначенных для массовой огласки декретов, а по инициативе республиканских властей. «Посткоренизация представляла собой редуцированный и модифицированный вариант коренизации 1920-х годов, но не отличалась от нее в принципе. И та и другая выражали общую идею нациестроительства. Однако в первом случае политика коренизации соответствовала генеральным целям центральной власти, а во втором случае в большей степени отражала националистические установки республиканских этнических элит». [11]

Итак в УССР в середине 1950 – х гг. развернулся т.н. процесс «посткоренизации», проявляющийся во введении украинского языка в качестве языка обучения, как в школах так и в специальных учебных заведениях, в том числе и педагогических. Анализ архивных материалов и научных работ исследователей показал снижение роли украинского языка в системе образования как результат поствоенной языковой политики советского правительства, что объясняет действия республиканских властей по навязыванию украинского языка, как попытки нациестроительства.

Ссылки и примечания:

1. Сталин И.В. Докладе о национальных моментах в партийном и государственном строительстве [Электронный источник]. – Режим доступа: http://grachev62.narod.ru/stalin/t5/t5_22_3.htm (дата последнего обращения - 25.01.2019 г.).
2. Директивы Министерства просвещения УССР за 1956 год// ГА ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 305. Л. 30.
3. Директивы и приказы Министерства просвещения УССР // ГА ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 349. Л. 107.
4. Протоколы заседаний совета института за 1955-1956 уч. год // ГА ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.
5. Протоколы заседаний совета института за 1956-1957 уч. год // ГА ДНР. Р-3313. Оп. 1. Д. 46. Л. 6.
6. Приказы Министерства просвещения УССР // ГА ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 304. Л. 54.
7. Директивы и приказы Министерства просвещения УССР // ГА ДНР. Р-3765. Оп. 1. Д. 262. Л. 22.
8. Белодед И.К. За дальнейший подъем языкознания на Украине// Правда Украины. Киев, 1951. - №144. С. 3.
9. ЦГАГОУ Ф 1. Оп. 52. Д. 4990. Л. 184.
10. Мякшев А.П. Национально-языковое строительство в Советском союзе в послевоенный период: основные направления и тенденции// Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Саратов, 2015. - №3. С. 40-48.
11. Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ/ С.В. Чешко. М.: ИЭА РАН, 2000. – 396 с.

УДК 338.45.37.007.2(477.61/62)

В.В. Липинский

*доктор исторических наук, профессор,
ГОУВПО Донецкий национальный университет
e-mail:lipinskiyv@mail.ru*

И.А. Ступак

*кандидат исторических наук, доцент
ГОУВПО Донбасская юридическая академия
e-mail:tigrp_dua@mail.ru*

**ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ
ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ТЯЖЕЛОЙ ИНДУСТРИИ
ДОНБАССА В 1960-Е ГГ.**

Аннотация

В статье рассмотрена деятельность администраций предприятий тяжелой индустрии Донбасса по внедрению различных форм и методов углубления профессиональных знаний инженерно-технических работников. Сделан анализ использования и эффективности применения таких форм работы как: направление на обучение в вечерние и заочные отделения высших учебных заведений, университеты технического прогресса, постоянно действующие семинары по изучению новой техники и технологии, соискательство и обучение в аспирантуре, курсы повышения квалификации при НИИ и вузах, «дни науки» и «дни инженера», командировки на технически передовые предприятия, профессиональные аттестации и другие.

Ключевые слова: *курсы повышения квалификации, университет технического прогресса, соискательство, аспирантура, инженерно-технический персонал.*

Summary

The article describes the activities of the administration of enterprises of the heavy industry of Donbass in the introduction of various forms and methods of deepening the professional knowledge of engineering and technical workers. The analysis of the use and effectiveness of the use of such forms of work as: referral to study at evening and extramural departments of higher educational institutions, universities of technical progress, ongoing seminars on the study of technology and technology, competition and training in graduate school, advanced training courses at research institutes and universities, "Days of science" and "days of the engineer", business trips to technically advanced enterprises, professional certifications and others.

Keywords: personnel development trainings, university of technical advancement, competition, postgraduate study, engineering and technical personnel.

Современная наука, техника, технологии и управленческие методы охватывают все сферы жизни и требуют от инженерно-технических работников непрерывного углубления знаний, мобильности, умения оперативно решать возникающие технико-технологические и управленческие задачи.

Актуальность данной темы обусловлена ускоренным развитием техники, созданием инновационных технологий, непрерывным обновлением технологических и управленческих методов, что требует постоянного углубления профессиональных знаний инженерно-технических работников. Именно от их расширения в решающей степени зависит использование и совершенствование существующего оборудования и внедрение отечественных и зарубежных новшеств, кардинально влияющих на технический уровень продукции, и ее конкурентно способность на внутреннем и мировом рынках.

Анализ существующей литературы показывает, что проблема изучения форм и методов повышения специальных знаний инженерно-технических работников тяжелой индустрии Донбасса специально не рассматривалась. В то же время, некоторые аспекты данной проблемы нашли свое отражение в работах донецких краеведов и партийных руководителей области [1].

Целью данной статьи является изучение опыта работы администрации и профсоюзных комитетов предприятий по непрерывному углублению специальных знаний инженерно-технических работников тяжелой промышленности региона в 1960-е годы.

Бурное развитие науки, техники, информатики, проникновение их во все сферы жизни требуют от инженерно-технических работников непрерывного пополнения знаний, мобильности, умения решать поставленные информационно-управленческие и технико-производственные задачи. Основа этого – непрерывное расширение технических и управленческих знаний, которые повышают качество работы предприятий.

Одной из наиболее действенных форм профессионального роста инженеров-практиков являлась их учеба на вечерних и заочных отделениях высших учебных заведений. Эта проблема рассматривалась как государственная, поэтому Совет Министров СССР 6 июля 1967 года принял постановление «О совершенствовании системы повышения квалификации руководящих работников и специалистов промышленности, строительства, транспорта, связи и торговли». В нем отмечалось, что «главной задачей повышения квалификации... специалистов является систематическое изучение... новейших достижений отечественной и зарубежной науки и техники, организации труда и управления» [2].

Администрация и профкомы предприятий и цехов путем индивидуальных бесед с каждым инженером-практиком согласовывали конкретные формы расширения технических знаний, исходя из уровня их подготовки. Такой подход на Коммунарском (Алчевском) металлургическом заводе способствовал тому, что

в 1960 – 1968 годах 177 направленных на учебу производственников закончили вузы и техникумы, что позволило сократить число инженеров-практиков до 12% [3].

Массовой формой повышения квалификации инженерных кадров стали университеты технического прогресса. Они, как правило, создавались на крупных предприятиях. Превращению их в постоянный источник получения информации о новейших достижениях науки, техники и технологии способствовало то, что в их работе принимали участие не только ведущие специалисты предприятий, но и ученые научно-исследовательских институтов и вузов. В частности, ученые ДонУГИ систематически проводили занятия в университетах шахт им. Засядько, «Октябрьская», № 11, им. Феликса Кона [6]. Научные сотрудники института Донгипроуглемаш регулярно читали лекции в университетах шахт № 10-бис, № 11 и ряде других [4].

Высокий научно-информационный уровень и разнообразная тематика лекций способствовали вовлечению в ряды слушателей все большего числа инженеров и техников, новаторов производства. Так, количество слушателей университета завода «Азовсталь» с 1966 по 1970 годы увеличилось с 1089 человек до 1513 [5]. Активизировалась также их творческая деятельность. В 1967/68 учебном году из 1400 слушателей университета 800 стали рационализаторами и изобретателями и внесли 1170 рацпредложений, из которых 1100 были внедрены и дали 1170 тысяч рублей экономии [6].

Всего же в Донецкой области к началу 1970-х годов действовали 140 университетов технического прогресса, в которых свои профессиональные знания совершенствовали 23 тысячи инженерно-технических работников [7]. Это была наиболее доступная форма повышения профессионального уровня инженерного персонала без отрыва от производства.

Наиболее эффективной формой роста профессионального уровня инженеров являлось их участие в научной деятельности путем соискательства или обучения в аспирантуре. Так, на Старокраматорском машиностроительном заводе в 1968 – 1970 гг., 17 человек поступили в аспирантуру, а 55 повышали свой уровень в группе соискателей [8]. В 1969 г. на Коммунарском металлургическом заводе обучались в аспирантуре 11 инженеров, трое из которых защитили диссертации [9]. В 1970 г. число аспирантом-заочником возросло до 21 инженера [10].

Важную роль в пополнении специальных знаний инженерно-технических работников играли постоянно действующие семинары по изучению новой техники и технологии, межотраслевые научно-теоретические и научно-практические конференции. Положительным в их работе являлось то, что они проводились при самом активном участии ученых Донецкого научного центра, научно-исследовательских институтов и вузов Донбасса. Так, 18 – 19 декабря 1966 г. Донецкий вычислительный центр АН УССР совместно с плановой комиссией Донецко-Приднепровского экономического района, Донецким отделением экономико-промышленных исследований Института экономики АН УССР, Донецким и Ворошиловградским правлениями научно-технических обществ,

провели конференцию на тему: «О расширении внедрения математических методов и средств вычислительной техники в планирование и управление народным хозяйством». Наряду с учеными в ее работе приняли самое широкое участие инженеры и экономисты крупнейших предприятий Донбасса.

В сентябре 1969 г. институт Автоматгормаш провел семинар, в работе которого приняли участие 166 инженеров шахт и заводов угольного машиностроения [11]. В ходе работы семинара они ознакомились с новинками автоматизации производственных процессов в угольной промышленности. Участие ученых в организации и проведении семинаров и конференций способствовало не только их высокому научному уровню, но и позволяло рекомендовать для внедрения конкретные предложения. Так, на состоявшейся в марте 1970 года научно-практической конференции в Торезском шахтоуправлении 2-43 учеными Донецкого политехнического института был рекомендован новый метод нагнетания воды в пласт с целью уменьшения пылеобразования, предложенный кафедрой рудничной вентиляции ДПИ [12].

Важной формой роста профессиональных знаний инженерного персонала являлись постоянно действующие курсы при научно-исследовательских институтах и вузах. В частности, за 1969 – 1970 гг. 598 инженеров Новокраматорского машиностроительного завода прошли курсовое обучение при Краматорском индустриальном институте. А 400 инженеров 17 шахт Донбасса в 1970 году изучали методы безопасного ведения горных работ в Макеевском научно-исследовательском институте МакНИИ [13].

Немалую работу по ознакомлению инженеров с новинками науки и техники и практическим их использованием проводило общество «Знание». По решению президиума Донецкой областной организации общества «Знание» в 1967 году в Донецке был создан постоянно действующий лекторий по актуальным проблемам научно-технического прогресса. Были разработаны и прочитаны циклы лекций «В лабораториях ученых», «Трибуна ученых» и другие [14]. Постоянное внимание общества «Знание» к пропаганде научно-технических знаний способствовало увеличению числа лекций по этой тематике. Если в 1966 год в Донецкой области было прочитано 14,2 тыс. лекций, то в 1970 г. – 20 тыс. В Ворошиловградской области соответственно 11,2 тыс. и 16,3 тыс. лекций [15]. Это значительно улучшало информированность инженерно-технических работников о последних достижениях отечественной и зарубежной научно-технической мысли.

Поиск новых форм повышения квалификации инженерного персонала привел к возникновению такой формы пропаганды научно-технических знаний, как «День инженера». Впервые в Донбассе он был проведен на Ждановском (Мариупольском) заводе тяжелого машиностроения (ныне Азовмаш) в октябре 1969 года и стал трибуной всестороннего обмена мнениями о путях технического развития предприятия. В нем приняли участие ученые Ждановского металлургического института, а также члены-корреспонденты АН УССР А.Н. Алымов и И.И. Гихман [16].

Почин ждановских машиностроителей был поддержан многими крупными

предприятиями Донбасса. Так, в рамках «Дня инженера» на Горловском машиностроительном заводе был прочитан курс лекций по патентоведению и изобретательству [17]. На Донецком металлургическом заводе при проведении «Дня инженера» в январе 1970 г. доменная секция обсудила и рекомендовала к внедрению 19 новинок, в том числе совершенствование системы автоматизированного опрыскивания шлаковозных ковшей. Замена клетки «трио» на клетку «дуо» предложенная прокатной секцией, повысила производительность труда в цехе на 10% [18]. Все чаще «Дни инженера» становились не только днями получения новейшей научно-технической информации, но и практического ее внедрения в технологические процессы.

Систематическому повышению профессионального уровня научно-технических работников способствовала их аттестация. Эта форма контроля и стимулирования роста профессиональных знаний получила распространение в конце рассматриваемого нами периода. На предприятиях создавались аттестационные комиссии. В их состав входили ведущие специалисты предприятий и представители профкомов, принимавшие совместные решения о профессиональной подготовке каждого инженера. Для проведения аттестации на Новокраматорском машиностроительном заводе в 1970 году были созданы аттестационные комиссии, которые объективно оценивали профессиональный уровень каждого аттестуемого работника. По ее результатам 157 работников не прошли аттестацию, были понижены в должности и исключены из резерва роста на повышение [19]. Все это заставляло инженерно-технических работников постоянно расширять свои знания и находиться на должном профессиональном уровне.

Пополнению специальных знаний инженерно-технических работников способствовала такая форма повышения профессионального роста как командировки на технически передовые предприятия. Своей доступностью наглядностью они способствовали практическому изучению и внедрению новой техники и передовой технологии. Так, руководство треста «Красноармейскуголь» только в 1966 организовало 30 выездов инженеров на передовые предприятия, в результате которых было позаимствовано 26 новшеств, внедрение которых принесло 65 тыс. рублей экономии [20].

Новой формой углубления знаний инженерных работников стали «Дни науки». Пионерами их проведения стали металлурги завода «Азовсталь», ученые Донецкого научного центра АН УССР и Донецкого политехнического института. В июне 1967 г. на заводе был проведен первый «День науки», в котором приняли участие член-корреспондент АН УССР В.И. Архаров и профессор ДПИ В.А. Сорокин [21]. «Дни науки» получили широкое признание у инженерно-технических работников.

Однако на некоторых предприятиях администрация формально подходила к использованию новой и эффективной формы повышения профессионального уровня инженеров, заботясь только о количественных показателях. Примером может служить решение администрации Горловского машзавода проводить «Дни

науки» ежемесячно. В целом же проведению «Дней науки» предшествовала серьезная подготовка, в их работе принимали участие ведущие ученые Донбасса и инженеры промышленных предприятий. Всего за исследуемый период на предприятиях Донецкой области было проведено 48 «Дней науки», в которых участвовали 496 ученых и 75 тыс. инженерно-технических работников [22].

В непрерывном повышении квалификации инженерно-технических работников достойное место занимали библиотеки предприятий, проводившие большую пропагандистско-информационную работу. Добиваясь совершенствования их работы, предприятия стремились своевременно пополнять их фонды новейшей научной литературой и другими информационными материалами. Например, библиотека Коммунарского металлургического завода ежегодно получала 15 тыс. экземпляров изданий и более 200 наименований отечественных и 40 зарубежных технических журналов [23].

При библиотеках предприятий работали постоянные группы референтов и технических информаторов, создававшихся из наиболее подготовленных инженеров. В частности при библиотеке «Азовсталь» в 1970 году работало 4 таких группы в количестве 99 человек. Они еженедельно анализировали всю поступающую литературу и давали рекомендации для изучения и внедрения новинок техники и технологии. В результате такой работы была внедрена кладка мартеновских печей из литого корунда на 4 печах, давшая экономический эффект в 200 тыс. рублей. Группа референтов Донецкого машиностроительного завода им. ЛК Украины способствовала внедрению 27 технических новинок, давших 104 тыс. рублей экономии [24]. Все это максимально приближало библиотеки к производству, превращая их в неотъемлемые и важные подразделения промышленных предприятий.

Таким образом, в системе углубления специальных знаний инженерно-технических работников следует выделить: обучение на вечерних и заочных факультетах вузов, аспирантуру, соискательство, курсы повышения квалификации при НИИ и вузах, научно-технические конференции, университеты технического прогресса, «Дни инженера» и «Дни науки» незаслуженно забытые в наше время. Полезность рассмотренных форм состоит в том, что они охватывали абсолютное большинство инженерно-технических работников и тем самым способствовали росту их профессионального уровня позволявшего успешно внедрять в производство новую технику и инновационные технологии, прогрессивные методы управления производством и персоналом.

Ссылки и примечания:

1. Инициатива и ответственность. Донецк: Донбасс, 1967. 197 с.; Заспівувачи технічного прогресу. Донецк: Донбасс, 1967. 176 с.; Дегтярьов В.І. У боротьбі за науково-технічний прогрес / В.І. Дегтярьов. К.: Політвидав України, 1972. 178 с.;

2. Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1969. С. 404.
3. Государственный архив Луганской Народной Республики (далее ГА ЛНР). Ф. 429. Оп. Д. 1286. Л. 61.
4. ГА ЛНР. Ф. 5612. Оп. 2. Д. 13. Л. 106.
5. Университет технического прогресса // Социалистический Донбасс. 1970. 12 февраля.
6. Рационализаторы и изобретатели // За металл. 1968. 23 ноября; Научно-техническое творчество // Машиностроитель. 1970. 20 марта.
7. Повышения профессионального уровня // За металл. 1969. 4 июня.
8. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). Ф. 23. Оп. 3. Д. 26. Л. 181.
9. ГА ДНР. Ф. 7421. Оп. 1. Д. 6. Л. 191.
10. Инженеры-аспиранты // Социалистический Донбасс. 1970. 27 марта.
11. Научный семинар // За технический прогресс. 1970. 27 октября.
12. Научная конференция // Макеевский рабочий. 1971. 2 февраля.
13. ГА ДНР. Ф. 18. Оп. 1. Д. 27. Л. 88.
14. Статистический сборник о деятельности общества «Знание» УССР за 1947 – 1970 гг. К.: «Знание», 1970. С. 48.
15. «Трибуна ученых» // Приазовский рабочий. 1969. 10 октября.
16. «День инженера» // Механизатор. 1970. 20 марта.
17. Собрание изобретателей // Социалистический Донбасс. 1970. 12 марта.
18. Рост производительности труда // За технический прогресс. 1970. 26 января.
19. ГА ДНР. Ф. 4217. Оп. 1. Д. 216. Л. 156.
20. Обмен опытом работы // За металл. 1967. 6 июля.
21. ГА ДНР. Ф. 4721. Оп. 1. Д. 187. Л. 103.
22. ГА ДНР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 159. Л. 20.
23. Пополнение фондов // Приазовский рабочий. 1970. 23 октября.
24. Внедрение технических новинок // За передовую технику. 1970. 23 апреля.

УДК 94: 613/614: 025.171 (477.6) «1964-1991

В.И. Карачевская

соискатель,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail karachevskayaviktoriya@yandex.ua

СОСТОЯНИЕ ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ И САНАТОРНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ДОНБАССЕ В 1964–1991 гг.

Аннотация

В статье проанализирован уровень обеспечения Донбасса лечебно-профилактическими и санаторно-профилактическими учреждениями. Автор дает характеристику основным профилактическим мероприятиям, которые проводились среди населения региона (профосмотры, диспансеризация). Важная роль отводится деятельности специализированных центров по лечению профессиональных заболеваний. Работа рассчитана на широкий круг читателей.

***Ключевые слова:** санаторий, профилакторий, оздоровительные мероприятия, профосмотр, диспансеризация.*

Summary

The article analyzes the level of provision of treatment-and-prophylactic and sanatorium-preventive institutions of Donbass. The author gives a description of the main preventive measures that were held among the population of the region (medical examinations, medical examinations). An important role is given to the activities of specialized centers for the treatment of occupational diseases. The work is designed for a wide range of readers.

***Keywords:** sanatorium, dispensary, health measures, professional examination, clinical examination.*

Изучение особенностей профилактической медицины Донбасса является актуальным вопросом, поскольку позволяет рассмотреть весь спектр медицинских и социальных мероприятий, направленных на сохранения здоровья населения и предупреждения заболеваемости.

Историография работы представлена монографиями, диссертацией, сборниками научно-практических конференций.

Источниковой базой нашего исследования являются сводные статистические таблицы, справки, отчеты Государственных архивов Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, а также материалы периодики.

В комплексе оздоровительных мероприятий в 1960–1970-е годы важное место занимали санатории-профилактории на больших предприятиях. В 1981 г. в СССР работало 410 санаториев-профилакториев, количество мест в них составляло 37 тыс. Почти $\frac{1}{4}$ санаториев-профилакториев была сосредоточена в Донецкой области. О необходимости усиления внимания к строительству профилакториев наряду с другими культурно-бытовыми объектами шла речь на XXVI съезде КПСС. В рапортах с мест о вводе новых промышленных объектов обычно не указывалось, что сделано для тех, кто будет работать, сколько построено жилья, детских садов, библиотек и профилакториев [1].

Как показывают данные статистики [2, 3], санатории в Ворошиловградской области имели более стабильные численные показатели, чем в Донецкой. До середины 1970-х гг. количество санаториев и домов отдыха расло (в среднем 31 в Донецкой и 15 санаториев в Ворошиловградской областях). В последующие годы ситуация изменилась. В 1980-х гг. число учреждений санаторного типа в Ворошиловградской области уменьшилось на 20 %, а в Донецкой – на 42 %. Несмотря на ощутимое уменьшение прироста профилакто-оздоровительных центров, популяризация этих учреждений не прекращала освещаться на страницах газет: «Только с прошлого года в Енакиево действует горный санаторий-профилакторий «Лесной», он расположен на окраине города, но уже успел завоевать популярность у работников шахт. Медицинское обслуживание – новое, современное. Тут и грязевые ванны, и новая физиотерапевтическая аппаратура» [4].

В 1969 г. в Донецке была открыта специализированная областная больница профессиональных заболеваний (на 500 больничных коек), ставшая научной, клинической и учебной базой для клинического отдела НИИ гигиены труда и профзаболеваний и кафедры профпатологии Донецкого медицинского института им. М. Горького [5]. В 1960–1970-х гг. в стенах института формируется идея профессионального отбора рабочих в угольные шахты. Со второй половины 1970-х гг. исследования касались, главным образом, угрожающего гигиенического состояния в угольной промышленности [6]. После объединения в 1988 г. с институтом травматологии и ортопедии НИИ стал называться Донецким научным центром гигиены труда и профилактики травматизма [7]. Кроме того, профилактические больницы действовали в Луганске и Стаханове (на 60 и 40 коек соответственно). Профилактикой и лечением профессиональных заболеваний занимался и Макеевский научно-исследовательский институт угольной промышленности (основное направление работы – борьба с угольной пылью).

Не получили должного развития специализированные санатории для лечения профзаболеваний. К сожалению, единственный санаторий «Шахтер» в Славяногорске, специализировавшийся на лечении органов дыхания, не мог предоставить услуги всем нуждавшимся горнякам. В шахтерских городах также действовали лечебные профилактории. Впрочем, незначительное количество мест не позволяло удовлетворить спрос на эти услуги. Например, в 1985 г. обеспеченность местами в санаториях-профилакториях работников

производственного объединения «Добропольеуголь» составляла лишь 4,5 на 1 000 человек (при норме 20 на 1 000 человек) [8].

Для профилактики инфекционных болезней активно использовали средства массовой информации (лекции, беседы, радиопередачи, кинофильмы [9]), выпускали санбюллетени, листовки, создавали комитеты борьбы. Например, во время вспышек эпидемий гриппа вводилось ежедневное информирование о состоянии заболеваемости. Для борьбы с заболеваниями начали массовую прививку. Так, в 1973 г. на территории Ворошиловградской области было привито около 70 % населения [10].

В 1970–1980-х гг. среди населения набирают популярность радиовыступления и телепередачи: «О комсомольском дне донора в Беловодском районе», «О всемирном дне Красного Креста», «Об организации бескорыстного донорства на тепловозостроительном заводе» [11].

Высокой результативностью пользовались специальные агитмашины. В УССР в течение 1975–1979 гг., благодаря агитационным машинам, проведено 22 тыс. лекций, бесед и 13 тыс. киносеансов [12]. В Донецке в 1973 г. первичные организации трамвайно-троллейбусного управления организовали семь агитвагонов [13]. Однако в основном такая разновидность пропаганды действовала в сельских местностях.

Профилактические мероприятия стали важным элементом в системе здравоохранения детского населения. «Медицинская газета» за сентябрь 1975 г. сообщала: «Для современного школьника характерно снижение подвижной активности на 50 %. Причин этому много: большая учебная нагрузка в школе и дома, склонность некоторых к занятиям музыкой, изучению иностранных языков, а главное – увлечение телевизионными передачами» [14].

С целью улучшения состояния здоровья молодого поколения вводились обязательная диспансеризация и регулярные профосмотры. Однако такие плановые мероприятия зачастую проводились формально, без участия в них узких специалистов. Немало проблем возникало также из-за отсутствия налаженной работы между участковыми педиатрами, школьными врачами, врачами подросткового кабинета и узкими специалистами [15].

В качестве основы целевых действий по снижению приоритетных групп заболеваний гигиенисты детей и подростков использовали широкий комплекс мер, в том числе экономическое стимулирование - создание санаторных групп в детских дошкольных учреждениях, организация питания детей и подростков, закаливание и физкультура, летнее оздоровление и т.п. [16]. В отдельных городах на базе действующих дошкольных учреждений создавались детские санатории-профилактории, которые работали по определенным профилям заболеваний, в том числе для детей с нарушениями зрения, болезнями органов дыхания. Некоторые промышленные предприятия организовывали круглосуточные дачи для ослабленных детей. Чаще всего такие заведения были подшефными организациями и финансировались государственными учреждениями, колхозами, заводами, фабриками и т. п. В УССР в течение 1970–1980-х гг. создана широкая

сеть детских санаториев по девяти медицинским профилям общим фондом 29,7 тыс. коек, где получили возможность ежегодно лечиться около 135 тыс. детей с хроническими заболеваниями сердца, легких, опорно-двигательного аппарата, печени, почек [17]. Территория Ворошиловградской области была представлена 13-ю [18], а Донецкой – 18-ю подобными учреждениями [19].

Детские профилактории и санатории проходили регулярные проверки со стороны органов народного контроля. Такие рейды часто выявляли немало недостатков. Но если нарушение санитарно-гигиенического режима могли быть решены самим персоналом учреждений, то проблемы недостаточной материальной базы, их мощностей требовали значительных временных и финансовых затрат, а потому из года в год оставались открытыми.

Таким образом, деятельность медицинских учреждений сосредотачивалась не только на лечении, но и на профилактике, предупреждении заболеваний, диспансеризации, регулярных профессиональных осмотрах, агитационно-просветительской работе с населением. Работа в этом направлении активизировалась со второй половины 1970-х годов. Профилактические мероприятия способствовали уменьшению уровня инфекционной заболеваемости и производственного травматизма.

Ссылки и примечания:

1. История Украинской ССР в десяти томах. Том десятый. Украинская ССР в условиях развитого социализма (60-е–начало 80-х годов) / А. В. Лихолат. Наукова думка. К., 1985. С. 389–390.
2. Статистический сборник ЦСУ УССР о сети, деятельности, кадрах медицинских учреждений и числа родовспоможений в целом по области (1977 г.) // Госархив ДНР. Ф. Р. 4249. Оп. 6. Д. 7585. Л. 28, 57, 58.
3. Отчеты по статистике здравоохранения (1964 г.) // Госархив ЛНР. Ф. Р. 2519. Оп. 10. Д. 497. Л. 25.
4. Санін Л. Відпочивайте на здоров'я! // Радянська Донеччина. 1985. 9 серпня. С. 4.
5. К истории развития экспериментальных исследований ВНИИ медико-экологических проблем Донбасса и угольной промышленности // Суханов В. В. / Актуальные проблемы медицины труда и экологии Донбасса: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию НИИ медико-экологических проблем Донбасса и угольной промышленности. Донецк. С. 23.
6. История медицины труда в Донбассе: наука Донбасса начиналась с медицины труда // Мухин В. В. / Актуальные проблемы медицины труда и экологии Донбасса: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию НИИ медико-экологических проблем Донбасса и угольной промышленности. Донецк. С. 11.
7. Там же. С. 13.

8. Кузіна К. О. Соціальні проблеми шахтарських міст Донбасу (1950–1980-ті роки): дис. ... канд. іст. наук. Донецьк, 2009. С. 99.
9. Годовой отчет отдела (1964 г.) // Госархив ДНР. Ф. Р. 4932. Оп. 2. Д. 432. Л.13.
- 10.Справки, информации, докладные записки о состоянии и мерах борьбы с инфекциями 1973–1975 гг. (1973–1975 гг.) // Госархив ЛНР. Ф. Р. 2945. Оп. 3. Д. 1774. Л. 14.
- 11.Сводный годовой статистический отчет о деятельности общества Красного Креста (1979 г.). // Госархив ЛНР. Ф. Р. 2672. Оп. 1. Д. 418. Л. 1, 24.
- 12.Воропай А. В борьбе за санитарную культуру // Советский Красный Крест. 1979. № 5. май. С. 14–15.
- 13.Сводный годовой статистический отчет областного комитета о работе и приложения к нему (1972 г.) // Госархив ДНР. Ф. Р. 5465. Оп. 1. Д. 558. Л. 86.
- 14.Сердюкова Г. Здоровье школьника // Медицинская газета. 1975. 3 сентября. С. 2.
- 15.Зелінський А. М. Основні напрями розвитку охорони здоров'я і медичної науки в Українській РСР у дванадцятій п'ятирічці. К.: Здоров'я, 1986. С. 4–5.
- 16.Трач В. Ф., Денисенко В. И. Организация санитарно-эпидемиологической службы: хроника, события, люди. Том 3. Организация санитарно-гигиенической и лабораторной деятельности. Донецк: Каштан, 2008. С. 281.
- 17.Зелінський А. М. Указ. соч. С. 55.
- 18.Сводный и первичный статистический отчеты о сети, деятельности и кадрах медицинских учреждений (1985 г.) // Госархив ЛНР. Ф. Р. 2519. Оп. 10. Д. 1136. Л. 58.
- 19.Справки и информации облздравотдела по выполнению приказов Минздрава СССР (1979 г.) // Госархив ДНР. Ф. Р. 4856. Оп. 1. Д. 2329. Л. 106.

УДК 94 (477.61) «1985-1991»

Ю.Р. Федоровский

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени В.Даля»

e-mail: zonnenberg@lds.net.ua

ДОНБАСС В ЭПОХУ «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Аннотация.

В статье дается обзорная картина событий общественно-политической жизни Донбасса в период «перестройки» (1985-1991). Освещаются факты зарождения многопартийности и идей донецкого регионализма, острое идеологическое противостояние сил националистического и интернационалистического направления.

Ключевые слова: шахтерские забастовки, Интердвижение, национал-сепаратизм.

Summary

The article provides an overview of the events of the social and political life of Donbass during the period of “perestroika” (1985-1991). The facts of the origin of the multi-party system and the ideas of Donetsk regionalism, the acute ideological opposition of the forces of the nationalist and internationalist tendencies are highlighted.

Keywords: miners’ strikes, Intermovement, national separatism

Пришедший к власти в 1985 году последний руководитель СССР М.Горбачев для выведения страны из кризисного положения начал предпринимать попытки различных реформ. Однако, их непродуманность и бессистемность приводили лишь к ухудшению экономической ситуации. Например, популистская по сути «антиалкогольная реформа» в конце 1980-х гг привела к снижению поступлений в бюджет и росту недовольства масс из-за повышения цен. Поэтому первоначальный лозунг «ускорения» (хозяйственно-экономического развития страны) с 1987 был вытеснен новым лозунгом «перестройки» (системы управления народного хозяйства), под которым этот период и вошел в историю.

Постепенный развал промышленности и сельского хозяйства, брошенных в стихию «самофинансирования» катализировал подъем народного недовольства, начавший приобретать антигосударственный, антисоветский и зачастую националистический характер. В 1989 начались забастовки шахтеров, быстро оседланные представителями новых политических организаций и стачкомов, резко оппозиционных к существующему строю. Забастовку начали 15 июля горняки

шахты «Глубокая» в Макеевке, но вскоре к ним присоединились 110 из 121 шахты Донецкой области и 52 из 93 шахт Ворошиловградской (Луганской) области (всего более 280 тыс человек). Хотя основные требования касались экономических вопросов, звучали и политические требования. Например, стачком Ворошиловградской области требовал отставки ряда чиновников, а в Стаханове, Кировске и Брянке бастующие добились отставки руководителей этих городов. Аналогичные требования выдвигались на митингах в Дзержинске, Красноармейске, Торезе, Снежном, Шахтерске, Первомайске, Павлограде.

Недооценка национального вопроса, который, как считалось в СССР, был давно и успешно решен, и запаздывание закостенелого бюрократического аппарата в разработке новой национальной политики привели к тому, что в союзных Республиках инициативой завладели национал-сепаратистские силы, которые разожгли в 1988-1989 кровавые конфликты на Кавказе и в Средней Азии. На Украине эти силы выступали под лозунгами «національного відродження».

В 1987 во Львове возникли «Товариство Лева», Украинский культурологичный клуб, в 1988 возобновила деятельность «Українська Гельсинська Спілка» во главе со старым диссидентом Левко Лукьяненко, в Киеве на базе Союза Писателей Украинской ССР в 1989 возникло «Народное движение за перестройку» («Рух»), во главе которого встал писатель И. Драч, вскоре замененный диссидентом В. Чорновилом. Разгул «гласности» на практике привел к огульному охаиванию и очернению вообще всего Советского периода. В национальных республиках это выливалось в модную русофобию с перманентным клеймением СССР как «империи зла».

На Луганщине также начался расцвет деятельности «неформалов»: возникли Комитет перестройки и Ассоциация молодых историков в Луганском педагогическом институте, клуб «Диалог» в Машиностроительном институте, «Апрель-85» в Стаханове, «Совет содействия перестройке» в Алчевске, затем Луганское городское историко-просветительское общество «Мемориал» (декабрь 1989). Дополнительным катализатором послужили выборы народных депутатов СССР в 1989 году, которые 1 секретарь Луганского обкома КПУ И. Ляхов проиграл. Этим знаменовался упадок «руководящей и направляющей» роли КПСС в обществе.

Национальное крыло представляли созданные в 1989 организации «Товарищества украинской мовы «Просвита»: 4 марта Луганская областная во главе с учителем-краеведом Б. Пастухом и 9 сентября городская во главе с А. Неживым. В августе 1989 во время акции «Дзвін за природу, мову й душу» впервые на Луганщине появился желто-синий украинский флаг [1]. В 1990 году сформировались областные ячейки националистических партий: Народного Руха, Украинской республиканской (бывшая УГС), Украинской партии демократической платформы. Начало возрождаться казаческое движение, с самого начала расколовшееся на украинское (Е. Петренко, А. Дудник, Н. Дураков) и Донское (В. Федичев, В. Герасимов, М. Рыльщикова, А. Кудяев) [2].

В противовес националистам начали зарождаться движения про-союзного, интернационалистического характера. В ответ на исторические изыски «руховских» деятелей, донбасские историки вспомнили о Донецко-Криворожской Республике 1918 года. Эти размышления плавно трансформировались в идею Донбасской автономии. В 1991 в Донецких газетах появились статьи енакиевского социал-демократа (СДПУ) В.Чердиченко, народных депутатов СССР А.Бойко и В.Гончарова, академика В.Мамутова, которые обосновывали необходимость создания «Донецкой федеративной земли» [3]. Наиболее активно эту идею отстаивала общественная организация «Интернациональное движение Донбасса» (ИДД), возникшая 18 ноября 1990 на базе Донецкого Интерфронта во главе с Дмитрием Корниловым и Виталием Заблоцким.

В Луганской области с аналогичными идеями выступали члены Движения «Демократический Донбасс» (Владислав Карабулин), Народного Движения Луганщины (Валерий Чекер), Историко-культурного общества «Возрождение» (Борис Локотош). **В.Чекер заявлял: «Наше движение выступает за автономию в рамках Украины, конечно, если республика подпишет союзный договор. А если этого не произойдет, тогда речь может идти лишь о переходе в юрисдикцию РСФСР» (декабрь 1990).** В сентябре 1991 в луганской газете «Молодогвардеец» вышла статья члена оргкомитета ДДД Г.Литвака с призывом к депутатам региона всех уровней провести Донецкую Ассамблею и принять решение об образовании республики Малороссии (Донецкая и Луганская области с центром в Луганске), с выходом ее из состава Украины условно. В случае, если Украина выйдет из состава СССР – остаться самостоятельным государством, если нет – Малороссия станет «автономией и будет в украинском парламенте защищать свои интересы, а не плясать под Киево-Галицкую дудку» [4]. Правда, на учредительном собрании ДДД часть делегатов осудила такой радикализм и в итоговом «Обращении к гражданам Украины» и Программе ДДД ограничилось требованием закрепления в новой Конституции Украины федеративного устройства и проведения областных референдумов по предоставлению Донецко-Криворожскому краю статуса автономии [5].

Пытаясь сдержать национал-сепаратистов, Союзное руководство провело 17 марта 1991 всенародный референдум о судьбе СССР. Однако, руководство УССР во главе с Л.Кравчуком добавило к общесоюзному вопросу о сохранении СССР, свой республиканский: о вхождении Украины в союз суверенных государств на основах Декларации о суверенитете. Понимая цели подвоха, Интердвижение Донбасса призвало своих сторонников ответить «да» на вопрос союзного референдума, а республиканский игнорировать или бюллетени унести с собой. Однако ИДД оказалось едва ли не единственной организацией на Украине, предлагавшей такой вариант, в то время как правящая КПСС предложила отвечать положительно на оба вопроса. Результат был прогнозируемый: За сохранение Союза высказались 77,85% проголосовавших (на Украине этот показатель составил 70,2%), за поддержку Декларации о суверенитете – 80,2%.

Решительным переломом стали события августа 1991 года, вошедшие в историю под названием «выступления ГКЧП». Произошло практически мгновенное обрушение и ликвидация Союзных структур. 24 августа Л.Кравчук написал заявление о выходе из КПУ-КПСС и в тот же день внеочередная сессия Верховной Рады приняла «Акт провозглашения независимости Украины». «Против» проголосовал только один депутат – дончанин Альберт Корнеев. Следующим шагом 26 августа был принят Указ «О временном прекращении деятельности Компартии Украины». Тогда же был снесен памятник Ленину в центре Киева, а в зал Верховной Рады внесен еще не узаконенный сине-желтый флаг.

После удаления с политического поля Компартии фактически Интердвижение осталось единственной организацией Донбасса, выступавшей против разрыва союзных отношений, отчётливо озвучившей идею региональной самобытности края, хотя бы и в рамках Украины. 28 августа Центральный Совет ИДД принял Заявление «Об общественно-политической ситуации», в котором выражалась «тревога в связи с тем, что Донбасс может стать ареной серьезных столкновений различных политических сил» и поэтому до 1 декабря 1991 г. здесь должен быть проведен референдум о предоставлении Донецкой области статуса автономии в составе УССР. В документе подчеркивалось, что ИДД «не мыслит себя в отрыве ни от Украины, ни от России». После этого выступления на Интердвижение обрушилась волна обвинений в «сепаратизме».

Осенью 1991 года в Донбассе имело место жесткое противостояние организаций, выступающих «за» и «против» федерализма. С одной стороны, это ИДД, ДВД, Движение «Демократический Донбасс», Демократическое Движение Донбасса «Братство», Народное Движение Луганщины, общество «Возрождение»; с другой – областные организации УРП, Демократической партии Украины, Партии демократического возрождения Украины, Народного Руха, Общества украинского языка имени Т.Шевченко, Союза украинской молодежи. Противостояние выражалось в различных формах: распространении листовок, принятии обращений и заявлений, выступлениях на страницах периодической печати, митингах, организации пикетов местных органов власти. Причем зачастую употреблялись весьма жесткие выражения, носящие оскорбительный характер: «сепаратисты-большевики, подкидывающие идею создания аппаратной республики», «перекрасившиеся партократы, ярые националисты, ненавидящие все русское». На заседании Регионального Союза стачкомов Донбасса обсуждалась идея автономии, «протаскиваемая прокоммунистами в рабочее движение», однако отмечалось, что федерализм «заслуживает внимания». В Обращении городской организации ДемПУ г. Кировское Донецкой области заявлялось, что «сепаратисты стремятся к созданию коммунистического заповедника» в Донбассе и потому разжигают межнациональную рознь. Аналогичным было Обращение Луганской краевой организации НРУ к областному Совету: «націонал-шовіністи» из ДДД обвинялись в призывах к образованию «сепаратистських князівств на зразок Донецько-Криворізької республіки, що провокує населення східних регіонів України до міжнародної

конфронтації». Под лозунгом: «Нет – Донецкой Аппаратной Республике!» 8 октября националисты пикетировали Донецкий облсовет, в то время как на центральной площади Донецка члены Интердвижения проводили сбор подписей в поддержку автономии. Сессия приняла Обращение в Верховный Совет Украины с предложением внести в новую Конституцию положение о федеративном устройстве государства. По воспоминаниям И.Сычева, именно на этом митинге был впервые поднят красно-сине-черный флаг Интердвижения [6], который ныне является государственным флагом ДНР.

26 октября 1991 в Донецке состоялось совещание народных депутатов всех уровней Юга и Востока Украины, к которым обратились делегаты учредительной конференции ДДД «Братство» с призывом поддержать идею федерализма, которая дает возможность «сохранить историческую, экономическую, национально-культурную самобытность регионов». Совещание открыл председатель Донецкого облсовета Ю.Смирнов и его участники почти единогласно приняли Обращение к народу и Заявление Верховному Совету Украины, в котором, в частности, говорилось: «Внести положение о федеративно-земельном устройстве Украины в концепцию и в проект Конституции» [7]. 5 ноября Мариупольский горсовет, первый на Украине принял решение о введении на территории города официального русско-украинского двуязычия.

Стремление к перераспределению полномочий в рамках федерализации или автономизации были продиктованы элементарной обеспокоенностью общественных сил региона перспективами насильственной украинизации, всплывшим национал-экстремизма, разрыва хозяйственных связей с республиками Союза, что пагубно отразится на экономике промышленного региона. Для успокоения данных настроений в рамках массовой «антисоюзной» пропаганды, развернутой осенью на территории страны Л.Кравчук обнародовал Обращение «К русским соотечественникам», а Верховная Рада приняла «Декларацию прав национальностей Украины», гарантирующую равные политические, экономические, социальные и культурные права всем этническим группам, проживающим на Украине. Единственной политической силой, выступившей с призывом сказать «Нет» на референдуме 1.12.1991, и даже выпустившей соответствующую листовку, оказалось Интердвижение Донбасса. Донецкий исследователь Алексей Иванов удачно назвал эти события «Арьергардные бои Красной Империи» [8].

Силы сторон были несоизмеримы и результат Перводекабрьского референдума был фактически заранее предопределен. Проведенные одновременно с ним выборы президента Украины закрепили у власти пережившую компартийную элиту в лице бывшего 2 секретаря ЦК КПУ Л.Кравчука. Киевский режим начал планомерное удушение автономистских и прорусских устремлений Донбасса. Результатом этой многолетней ползучей украинизации региона, игнорирования его неотъемлемой русской компоненты стало углубление раскола между Востоком и Западом, вылившееся в конце концов в фактический распад страны в 2014 году и начало гражданской войны.

Ссылки и примечания:

1. История Луганского края. Под ред. В.С.Курило. Луганск: Альма-матер, 2003. С. 373-374.
2. Федоровский Ю.Р. Казачество Донбасса в пост-советский период // Казачество России в бунтах, смутах и революциях (к столетию событий 1917 года). Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2017. с. 362-363.
3. Болбат Т.В. Проблема государственного устройства Украины в деятельности общественных организаций Донбасса в начале 1990-х гг. // Наука, релігія, суспільство. 2005. №1.
4. Литвак Г. Борис, ты снова был прав // Молодогвардеец. 1991. 17 сентября.
5. Обращение ДДД к гражданам Украины // Луганская правда. 1991. 2 сентября.
6. Любимова В., Сычев И. История ДНР. Интернациональное Движение Донбасса // Новая Земля. 2015. №10. с. 7.
7. Позднышев В. Для конфронтации нет причин // Вечерний Донецк. 1991. 29 октября.
8. Иванов А. Донбасс против нацизма: очерки из новейшей истории Украины. URL <http://www.odnako.org/blogs/donbass-protiv-nacizma-ocherki-iz-noveyshey-istorii-ukraini/> (дата обращения 25.01.2019).

УДК 94:304.4(477.6):304.4"1985/1991"

А.В. Дмитриевский

аспирант,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: dmitryjewski@mail.ru

КОЛЛЕКТИВНОЕ САДОВОДСТВО В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.: СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация

В статье рассматривается любительское садоводство и огородничество, ставшее массовым социальным явлением во второй половине 1980-х гг. в Донецкой области. Оно помогло в значительной мере снять остроту дефицита продовольствия, однако и само оказалось восприимчивым к целому ряду противоречий, характерных для общества тех лет.

Ключевые слова: *Донбасс, СССР, социальная политика, благосостояние, дефицит, Перестройка, семейный бюджет, любительское садоводство.*

Summary

In article the amateur gardening which became the mass social phenomenon in the second half of the 1980th in Donetsk region is considered. It helped to remove considerably sharpness of deficiency of food, however and itself it was susceptible to a number of the contradictions characteristic of society of those years.

Keywords: *Donbass, USSR, social policy, welfare, deficiency, Reorganization, family budget, amateur gardening.*

Коллективное садоводство и огородничество являлось специфическим социально-экономическим феноменом советской действительности, существовавшим с начала 1930-х гг. и до конца существования СССР. Его сущность имела комплексный характер и ставила перед собой ряд целей: частичное решение проблемы товарного дефицита за счёт самостоятельного производства гражданами отдельных видов продуктов питания повседневного и повышенного спроса, гармонизация семейных бюджетов за счёт вовлечения сбережений в обустройство земельных участков, организация досуга населения, освоение малоценных в сельскохозяйственном и природоохранном плане угодий. По своей сути коллективное садоводство и огородничество может считаться разновидностью личных подсобных хозяйств граждан (далее - ЛПХ), однако с некоторыми характерными особенностями: это явление существовало только в городской местности, обязательным требованием для желающих им заниматься было проживание в многоквартирных домах без прилегающего земельного участка.

На территории Донбасса оно появилось в 1932 г. по инициативе партийного и государственного деятеля Саркиса Саркисова (Даниэльяна), возглавлявшего в то время Сталинскую область [1]. Феномен коллективного садоводства в СССР и на постсоветском пространстве неоднократно изучался как российскими, так и зарубежными исследователями, однако применительно к Донбассу периода Перестройки ранее детально не рассматривался [2]. Основными источниками являются документы Донецкого обкома КПУ, содержащиеся в фонде № 326 Государственного архива Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). Все используемые в статье архивные материалы вводятся в научный оборот впервые.

Нормативно-правовая база по изучаемой проблематике достаточно богатая. Первое соответствующее постановление было принято Совнаркомом СССР в декабре 1933 г., и позволило снизить остроту ситуации с продовольствием в городах в период индустриализации. Большое внимание проблеме уделялось советским руководством в годы Великой Отечественной войны, когда примерно половина горожан в СССР была наделена земельными участками для выращивания овощей и картофеля. Это стало результатом принятия соответствующих постановлений - ГКО СССР от 7 апреля 1942 г., СНК СССР от 4 ноября 1942 г. и совместного постановления СНК и ЦК ВКП (б) от 19 февраля 1944 г. Надо отметить что все вышеупомянутые нормативные акты касались преимущественно огородничества, а постановление, относительно собственно садоводства на выделяемом в постоянное пользование участке было принято в 24

февраля 1949 г. Советом Министров СССР, и называлось оно «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих». Этот документ послужил отправной точкой для массового создания садоводческих товариществ в стран. В изучаемый нами период основными регулирующими актами были принимавшиеся в 1977, 1981 и 1988 гг. соответствующие совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР [3].

Согласно Постановлению ЦК КПСС и Совмина СССР от 14 сентября 1977 года «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих служащих и других граждан в коллективном садоводстве и огородничестве» в Донецкой области на начало 1985 года было создано 213 садоводческих товариществ, объединивших более 69 тыс. членов. По социальному составу среди них было 54% рабочих, 27% ИТР и служащих, 19% пенсионеров. Под товарищества выделено более 4 тыс. га малоценных и бросовых земель. В 13 городах и районах были созданы советы садоводческих товариществ [4]. По состоянию на 1 января 1985 г. годовые урожаи овощей и фруктов в коллективном садоводстве региона достигли 39 тыс. тонн [5]. Для сравнения: в Донецкой области в 1980-е гг. из-за нарушения правил хранения и транспортировки ежегодное списание в отходы составляло 35-40 тыс. тонн овощей, до 45 тыс. тонн картофеля, и до 2 тыс. тонн фруктов. Каждый год скоту в регионе скармливалось от 30 до 54 тыс. тонн плодоовощной продукции и картофеля, что было сопоставимо с суммарным потреблением таких городов, как Артёмовск, Дебальцево, Дзержинск и Дружковка [6]. Всего же ЛПХ граждан, включая коллективное садоводство, в изучаемый период давали 19% валового выпуска сельхозпродукции в Донецкой области, в том числе 78% картофеля, 58% фруктов, 12% овощей, 10% молока, 30% мяса, 17% яиц и 6% шерсти [7].

Таблица 1.

Садовые товарищества в городах и районах Донецкой области по состоянию на 1 января 1985 г. [8].

	Количество садоводческих товариществ	Занимаемая площадь	Количество членов	Количество садовых построек
Дебальцево	1	24	492	273
Дзержинск	1	н/д	н/д	н/д
Донецк	13	336,3	5335	3000
Енакиево	10	176	2857	н/д
Константиновка	7	71	1299	н/д
Краматорск	6	223,46	3297	н/д
Красный Лиман	1	35	н/д	н/д
Макеевка	17	349	6500	н/д
Славянск	16	н/д	5523	н/д
Ясиноватая	9	179	3002	н/д
Амвросиевский район	3	78,1	н/д	н/д
Артёмовский район	6	129,58	2620	н/д
Марьинский район	6	86	1837	1112
Першотравневый район	4	76,6	н/д	н/д

В эпоху Перестройки отмечался бурный рост коллективного садоводства в Донбассе. Только за 1985 г. количество садоводческих товариществ увеличилось на 13 единиц, а их общая численность достигла 246. Общая площадь коллективного садоводства составила 4489 га, вновь организованным товариществам выделено 279 га земли, в стадии согласования находилось ещё 530 га. Число членов товариществ составило 78 тыс. человек, что вместе с семьями тогда составляло 10% общего количества не имеющих приусадебных участков жителей городской местности. Немного изменился социальный состав занимающихся коллективным садоводством: процент рабочих остался прежним, зато уменьшилась до 22% доля ИТР и служащих, но возросла до 24% доля пенсионеров. К местам расположения садоводческих обществ было открыто 3 новых автобусных маршрута и 3 полустанка на железной дороге. На застройку участков Госбанком СССР выдано 649 тыс. руб. кредитов, что значительно превысило показатель предыдущего, 1984 г., составивший 418 тыс. руб. В результате в 1985 г. было построено 2,9 тыс. садовых домиков что на 1,5 тыс. больше показателей предшествующего периода, также в 1,2 и 1,8 раз соответственно увеличились продажи минеральных удобрений и саженцев. Это привело к тому, что уже в середине лета 1986 коллективное садоводство региона насчитывало 82 тыс. участков, занимавших 5 тыс. га земли, а к концу первого полугодия 1989 г. в области действовало 773 садоводческих товариществ, под которыми находилось почти 13 тыс. га. Однако и этого было мало: только в 1985 г. в области было взято на учёт 125 тыс. семей желающих заниматься садоводством и 50 тыс. - огородничеством, которым в 1986-1990 гг. планировалось выделить 6105 га земли, в том числе в 1986 г. - 610 га. Но уже в середине 1986 г. эти планы были скорректированы: число желающих возросло до 131 тыс., для удовлетворения спроса требовалось отвести уже около 7 тыс. га земли и построить подрядным способом 4300 новых садовых домиков. Летом 1989 г. стоял вопрос о выделении под новые участки ещё 5 тыс. га земельных угодий. Однако уже в 1985 г. было понятно что основное число семей, желающих вступить в садовые товарищества, проживают в крупных городах, а пригодных земель вблизи этих городов не осталось. Поэтому создание новых объединений садоводов-любителей часто производилось на землях сельских районов, что в свою очередь требовало дальнейшего улучшения инфраструктуры и транспортной логистики [9].

Основные трудности в коллективном садоводстве Донецкой области изучаемого периода можно объединить в несколько групп. Первая из них - это выделение земли и связанные с ней процедуры. Садоводческие общества являлись составной частью социальной программы многих крупных предприятий, и это часто озвучивалось партхозактивом на пленумах Донецкого обкома КПУ. Например, начальник Главдонецкстроя П.А. Журило сообщает, что для закрепления кадров и снижения текучести специалистов только в его главке нужно дополнительно ещё пару тысяч садовых участков к трём тысячам имеющихся [10]. Однако сам процесс выделения земли и соответствующие согласования длились достаточно долго: по словам директора комбината «Азовсталь» А.А Булянды его

предприятию на землеотвод потребовалось более одиннадцати месяцев [11]. Нередко приходилось сталкиваться с отказами: генеральный директор ПО «Донецкуголь» Н.С. Сургайжаловался что ворошиловградским горнякам региональные власти выделили 3600 земельных отводов под коллективное садоводство и огородничество, а аналогичная просьба его объединения была отвергнута [12].

Второй по значимости трудностью было инженерное обустройство участков. Дело было не только в дефиците тех или иных инструментов и расходных материалов на прилавках: как раз с этим товариществам и их членам достаточно часто помогали предприятия при которых создавались объединения садоводов. Однако вести строительство людям приходилось в основном своими силами, либо нелегально нанимать для этого работников - так называемых «шабашников»: существующие строительные организации были перегружены заказами, а кооперативы и индивидуальная трудовая деятельность для этой цели использовались незначительно. Например по вышеупомянутым причинам за первое полугодие 1987 г. план по строительству садовых домиков в области удалось выполнить всего на 32,3%, а строители Жданова не освоили ни единого рубля заложенных на эти цели средств. Также были незначительными количество открываемых Облпотребсоюзом пунктов проката сельхозинвентаря в регионе и объём оказанных ими услуг: в 1985 году таковых насчитывалось всего 11 и за последующие годы серьёзного их прибавления не последовало [13].

И, наконец, ещё одну проблему представлял сбыт излишков продукции. В документах Донецкого обкома КПУ отмечается что несмотря на большие возможности для увеличения производства зелени, чеснока, фасоли, ранних овощей, фруктов и ягод Облпотребсоюзом практически не налажена их закупка в садоводческих товариществах: её годовые показатели в изучаемый период составляли примерно 200 тонн. Главной причиной крайне малого поступления вышеуказанных продуктов в госресурсы из коллективного садоводства являлись крайне низкие закупочные цены, которые не устраивали ни население, ни заготовителей. Также крайне недостаточным было количество пунктов приёма сельхозпродукции у населения: на 1 января 1985 г. Облпотребсоюз имел таковых 359 постоянных и 300 сезонных, за последующие 12 месяцев дополнительно открыл в области 24 таких пункта, а на XII пятилетку запланировал строительство 18 магазинов с функцией приёмного пункта непосредственно в садовых товариществах. Помимо этого для увеличения закупок сельхозпродуктов у населения заготовительным организациям потребкооперации требовалось дополнительно 46 автомобилей с изотермическими кузовами, 12 большегрузных рефрижераторов, 20 легковых автофургонов. Также необходимо было увеличить фонды на товары повышенного спроса для встречной продажи населению в качестве стимулирующего фактора [14].

Развитие рассматриваемого нами явления в условиях товарного дефицита приводило к ворзникновению множества нездоровых явлений. Об этом свидетельствует принятие ЦК КПСС постановлений от 13 декабря 1983 года «О

серьёзных недостатках и извращениях в развитии коллективного садоводства и огородничества» и от 4 сентября 1984 года о ходе выполнения предыдущего документа. Можно выделить четыре основных группы нарушений: нарушения правил землепользования, нарушения устава садоводческих товариществ, нарушение правил застройки и материальные злоупотребления. К первой группе относились неосвоение участка, несоответствие его площади действующим нормам (не менее 400, но не более 600 кв. м), неполный комплект землеустроительной документации либо неправильное её оформление, а также самовольное освоение земельных угодий (так называемые «самозахваты»), часто сопровождавшееся злостным несоблюдением правил природопользования [15]. Также имели место неустраняемые нарушения геометрической формы не соответствующих нормативам площади участков, как например, в Красном Лимане, где земля членам товарищества нарезалась ещё в 1955 году узкими полосами шириной 5-7 метров [16]. Случались и конфликты между юридическими лицами, как например в Першотравневом районе, где Ждановское отделение Донецкой железной дороги самовольно отторгло для своего садоводческого товарищества кустарниковые угодья площадью 2,5 га, ранее принадлежавшие колхозу имени Горького [17].

Ко второй группе относились нарушение правил приёма в члены, пользования более, чем одним участком, оформление участков на подставных лиц, а также проживание в домостроениях с наличием приусадебного участка. Наиболее распространённым из них было приобретение членства лицами, не связанными трудовыми отношениями с предприятием-владельцем садового товарищества: этим часто пользовались руководящие работники, как например в Макеевке второй секретарь горкома партии и председатель исполкома Кировского райсовета, а также директор и секретарь парткома шахты «Красногвардейская» [18].

К нарушениям правил застройки относились превышение норматива полезной площади садового дома до 47 кв. м за счёт возведения мансарды, цокольного этажа или капитальной отапливаемой веранды вместо лёгкой летней, а также габаритов самого здания. Также отмечалось возведение строений в водоохранной зоне и строительство домов по проектам, разрешённым в других союзных республиках, но запрещённых в УССР, например, по российскому типовому проекту № 184-000-24 [19].

Из злоупотреблений материального характера наиболее часто отмечались приобретение стройматериалов, использование рабочей силы, автотранспорта и техники без соответствующих документов. Нередко они сопровождались противоправными действиями с использованием служебного положения: например за незаконную выписку стройматериалов для строительства садовых домиков путём подлога были исключены из КПСС и освобождены от занимаемых должностей несколько руководящих работников промышленных предприятий области. В Жданове был зафиксирован случай хищения водителем-экспедитором 4,8 куб. м бетона стоимостью 124 рубля с растворного узла ПО Азовжелезобетон с последующей продажей члену садоводческого товарищества, который

использовал его для заливки фундамента домика. Другим столь же распространённым злоупотреблением было присвоение средств из кассы товарищества: областной прокуратурой было установлено, что в горловском обществе «Виноградарь» председатель, его заместитель и казначей получали не предусмотренное уставом денежное вознаграждение, а в ждановском обществе ильичёвец председатель правления «за достигнутые показатели по садоводческому обществу и правильное ведение хозяйственно-финансовой деятельности» выписал себе 1000 руб. премии [20].

На основании вышесказанного мы можем утверждать что коллективное садоводство в Донбассе в период Перестройки сыграло важную роль в снятии остроты продовольственной проблемы, однако и само значительно испытало на себе влияние всеобъемлющего и набравшего обороты товарного дефицита. Из-за этого его возможности были использованы далеко не в полной мере, а садоводческое движение оказалось восприимчивым к целому ряду нездоровых явлений, характерных для общества того времени.

Ссылки и примечания:

1. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 1. Д. 842. Л. 32.; Смирнова И.Е. Репрессии против партийного руководства Донецкой области в 1937–1938 гг. // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Вип. XXIII. Запоріжжя: Просвіта. 2008. С. 248
2. Овчинцева Л.А. Развитие коллективного садоводства и огородничества: некоторые проблемы и поиск решений. [Электронный ресурс] / Л.А. Овчинцева. 2006. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiie-kollektivnogo-sadovodstva-i-ogorodnichestva-nekotorye-problemy-i-poisk-resheniy>; Lovell S. Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000. / S. Lovell. Cornell University Press. 2003. 275 p.
3. Овчинцева Л.А. Там же.
4. ГАДНРФ. 326. Оп. 127. Д. 27. Л. 4.
5. Там же. Л. 10.
6. ГАДНР Ф. 326. Оп. 123. Д. 29. Л. 82.; Оп. 136. Д. 4. Л. 36, 139.
7. ГАДНР Ф. 326. Оп. 133. Д. 186. Л. 26.; Оп. 136. Д. 4. Л. 140.
8. Подсчитано автором по: ГА ДНР Ф. 326. Оп. 127. Д. 27. Л. 12, 14-34, 36-37, 40, 42.
9. ГАДНР Ф. 326. Оп. 127. Д. 42. Л. 50.; Оп. 133. Д. 186. Л. 12-15.; Оп. 136. Д. 4. Л. 140.
10. ГАДНР Ф. 326. Оп. 134. Д. 31. Л. 55.
11. ГА ДНР Ф. 326. Оп. 133. Д. 13. Л. 85.
12. ГАДНР Ф. 326. Оп. 134. Д. 28. Л. 10.
13. ГА ДНР Ф. 326. Оп. 133. Д. 10. Л. 23, 56.; Д. 13. Л. 24; Оп. 134. Д. 149. Л. 15.
14. ГА ДНР Ф. 326. Оп. 127. Д. 27. Л. 38.; Оп. 134. Д. 149. Л. 14-15, 29, 35.
15. Там же. Л. 12, 14-34, 36-37, 40, 42-47, 52.

16. Там же. Л. 30-31
17. Там же. Л. 24
18. Там же. Л. 18
19. Там же. Л. 43-44
20. Там же. Л. 10, 46-47, 52.

УДК 94: 82-94 (477.62) «1989/1992»

Л.Х. Сигельбаум

профессор истории Джека и Маргарет Свит

Мичиганский университет, США

e-mail: siegelba@msu.edu

ВОСПОМИНАНИЯ О ДОНЕЦКЕ 1989 – 1992 ГОДОВ

Аннотация

На основе дневниковых записей, журнальных статей прошлых лет, научных публикаций и личных воспоминаний, автор, участник международной исследовательской группы, работавшей в Донецке в 1989-1992 гг., воссоздает общественно-политическую ситуацию в городе в разгар шахтерских забастовок, описывает настроения в шахтерской среде.

Ключевые слова: *АФТ/КПП, забастовка, «Перестройка снизу», устная история*

Summary

The author, participant of international research group that worked in Donetsk during the period of 1989-1992, reconstructs a social-political situation in the city in its full swing, describes moods in mining milieu. Research is based on the basis of diary records, journal articles of the recent years, scientific publications and personal reminiscences

Keywords: *The AFL-CIO, strike, «Perestroika from below», Oral History*

Профессиональные историки редко имеют возможность изнутри наблюдать протекание исторического процесса, тем более внести в него свой хотя бы скромный посильный вклад. Будучи американцем, специализирующимся на изучении истории советского рабочего класса в сталинскую эпоху, я никогда не ожидал, что окажусь среди тех немногих счастливицков, которым представляется такая возможность. Начиная с лета 1989 г. и на протяжении последующих четырех лет, я находился в центре общественного движения, сыгравшего немаловажную

роль в распаде Советского Союза и последовавшей затем дискуссии о путях развития зарождавшихся в независимой Украине новых экономических и политических отношений. Поделюсь некоторыми воспоминаниями, выводами, сделанными на основе анализа научных публикаций, отчасти журналистских отчетов, которые я и мои коллеги подготовили в те годы.

Я приехал в Донецк в конце июля 1989 г. в рамках реализации видеопроекта устной истории. Цель проекта состояла в проведении опроса донецких шахтеров и членов их семей для сравнения условия жизни горняков СССР и США. Мы прибыли в Донбасс в тот момент, когда около 400 тыс. горняков Советского Союза приостановили забастовку, чтобы дать Министерству угольной промышленности СССР (далее – МУП СССР) время для удовлетворения многочисленных шахтерских требований. В ходе прошедшей стачки возникли забастовочные комитеты, на базе которых со временем были созданы рабочие комитеты. Были переизбраны советы трудовых коллективов (далее – СТК), и у шахтеров появилось ощущение, что в их руках находится реальная власть. «Перестройка снизу», – так я охарактеризовал в прошлом году суть происходившего в предисловии к новому изданию своей монографии, посвященной возникшему в 1935 г. стахановскому движению в Донбассе. Часовой документальный фильм, в создании которого я принимал участие, носит то же название. «Впервые за пятьдесят лет – писал я в предисловии, – шахтеры оказались в центре общенационального и, без преувеличения, международного внимания. Но в отличие от прошлых лет это внимание вызвано не трудовыми подвигами, которые совершали немногие, чем создавали трудности для многих. Применив такое грозное оружие как забастовка, советские шахтеры возрождали традицию, суть которой состояла в том, что рабочие, самоорганизовавшись, осмеливались выражать свои коллективные требования»[1]. Этим шахтерам я посвятил новое издание своей книги.

Кто сейчас, кроме самого Донбасса, помнит стачки шахтеров 1989 г. – начала 1990-х годов? Кто связывает Донбасс с шахтерскими династиями? Всего через несколько лет после обретения Украиной государственной независимости «TheNewYorkTimes», «TheWashingtonPost», BBC и другие западные СМИ прекратили репортажи из Донбасса ...вплоть до 2014 г., когда на сцену вышли «маленькие зеленые человечки» из путинской России и поддержавшие их Донецкая и Луганская Народные Республики. Национальное доминирует над классовым. Но в конце 1980-х – начале 1990-х гг. национальные отношения мало меня интересовали, потому что в приоритете были классовые.

Видеопроjekt устной истории начался для меня тогда, когда профессор Уильям Чейз из Питтсбургского университета спросил, могу ли я заменить его в учрежденном бывшим сталелитейщиком Ларри Эвансом. Ларри, который раньше редактировал альтернативный журнал «TheMillHunkHerald»[2], решил воспользоваться тем обстоятельством, что Питтсбург и Донецк являлись породненными городами, и загорелся идеей взять интервью у металлургов обоих городов. Я не помню, как Ларри привлекал к участию в проекте других членов

команды, но к тому времени, когда в ней оказался я, в нее входили следующие люди: полдюжины студентов, изучавших социально-трудовые отношения в Ратгерском университете, ученый из Индианского университета (в Гэри), специализировавшийся на исследованиях трудовых отношений, историк из Израиля, с которым мне предстояло осуществлять интервьюирование участников забастовки, и Дэнни Волковиц, который непосредственно руководил проектом [3]. Дэнни - выдающийся американский историк трудовых отношений и урбанистики, профессор в Нью-Йоркском университете. Он имел опыт создания видеопродукции и хотел радикально изменить первоначальные планы Ларри [4].

Не успел проект устной истории стартовать, как шахтеры Донбасса и других городов Донбасса присоединились к бастовавшим горнякам других угольных регионов Советского Союза. Забастовка в Донбассе длилась с 18 до 30 июля 1989г, и завершилась накануне нашего прибытия в Донецк. Благодаря нашему гиду Славе, в прошлом комсомольскому активисту, мы получили возможность побывать на шахте «Куйбышевской», одной из 21-ой шахты, находившихся в черте города. Мы, надев каски и комбинезоны, спускались в забои, питались с горняками в шахтной столовой, побывали в их домах, играли с ними в футбол, посещали собрания и проводили интервью.

Первое интервью было взято 3 августа у 62-х летнего пенсионера, переехавшего в Донецк из Запорожья в 1947 г. Интервью проходило возле его побеленного известью дома «в великолепном саду», как я писал в своих заметках, «с пионами, гладиолусами, хризантемами, яблоками, грушами и абрикосовыми деревьями, пчелами и великолепными помидорами». Интервью продолжалось в течение часа, состояло из трех 20-минутных дублей, «под ярким палящим солнцем, с участием четырех технических специалистов, директора проекта и других окружавших нас людей». «Это утомительно, – писал я, – и я очень нервничаю». Почему я так нервничал? Потому что я никогда раньше не брал интервью, потому что мне не доставало уверенности в том, что я смогу найти психологический контакт с собеседником, боялся, что он расценит мои вопросы как вопросы человека некомпетентного, не умеющего понять суть проблемы, а также потому, что я никогда раньше не сталкивался с живым советским рабочим. После сделанного интервью в своем рабочем дневнике, где были записаны полусвязные и неграмотными «размышления», я зафиксировал свое состояние «восторга». «Это все так неожиданно и невероятно, но я знаю, что это не может продолжаться долго. Этот город и его жители люди очень советские, но в то же время и очень восточно-славянские. Шахтеры, которые живут в поселках, находящихся недалеко от шахт, летом копающиеся в садах, являются не знакомыми для меня и, на мой взгляд, прекрасными людьми».

Два дня спустя я с несколькими членами нашей команды находился на балконе актового зала, где около 200 рабочих и инженерно-технических работников шахт им. Куйбышева и им. Панфилова собрались на конференцию трудового коллектива. Одночасовой документальный фильм Дэнни Волковица «Перестройка снизу» завершается двадцатиминутным фрагментом этой

конференции [5]. Кульминацией конференции стало голосование за лишение звания «Почетный шахтер» председателя профкома Виктора Ефимова после того, как несколько шахтеров с жаром рассказали о жестоком обращении с ними. Мои заметки содержат несколько наблюдений, не вошедших в этот фильм. Я заметил, что на сцене в президиуме конференции не было ни директора шахты, ни секретаря парткома, которые теперь сидели в первых двух рядах внизу. В президиуме восседали члены забастовочного комитета, в том числе несколько наших друзей-футболистов, что подтверждало изменение их статуса. Голосование происходило закрытым голосованием, процессом более трудоемким, нежели подсчет поднятых рук, но устранявшим опасность мести. Собрание длилось почти весь рабочий день. Ораторы один за другим поднимались на трибуну, чтобы осудить Ефимова, а горняки из зала задавали ему вопросы: почему автомобили распределяются только среди руководителей? Почему Вас не было на месте, когда раздавались холодильники? Почему люди, не работающие в шахте, оказываются в шахтном пансионате на Черном море? Кто определяет счастливых для получения квартир? Они также требовали прекратить практику, когда инженеры и рабочие после смены моются в разных душевых, когда больничные дни считаются прогулами. Звучали слова: «Мы должны в совет трудового коллектива, в профсоюзный комитет выбрать своих представителей, а не голосовать за тех, кого навязывают сверху; социалистическое соревнование должно быть организовано самими рабочими» [6]. Перефразируя лозунг, который я повторял на многих митингах в Соединенных Штатах: «Вот как выглядит советская демократия».

Это было все так давно. Я рад, что у меня есть дневник, который помогает восстановить в памяти те события. Но даже в этом случае имена шахтеров - иногда написанные ими собственноручно, иногда мною - из числа тех, кого мы предполагали пригласить на собеседование, теперь остаются просто словами на бумаге. Среди сохранившихся фотографий запечатлен и я - сорокалетний, одетый в шахтерскую робу, стоящий на тихой улице на фоне возвышающихся с одной стороны высоких тополей, а с другой - одинокой «Лады», припаркованной перед старым, рушащимся двухэтажным зданием и прислонившимся к ней курящим человеком. На другой фотографии - группа Харе Кришна в одеждах шафранового цвета и сандалиях, которые пели, проходя мимо памятника Ленину на улице Артема. Еще на одной - шестеро членов забастовочного комитета шахты им. Куйбышева, сидящих в различные позах на длинной скамье. Среди них я легко узнаю Геннадия Куца с его впечатляющими усами, напоминающего Леха Валенсу, мужественное лицо белокурого Валерия Самофалова. Оба дали нам обширные интервью, гостеприимно принимали нас в своих домах и семьях. Оба были крепкими парнями, в свои 40 лет, что не редкость среди шахтеров, были уже дедами.

Помимо горняков шахты им. Куйбышева и членов их семей, мы воспользовались возможностью взять интервью у пожилых людей, пенсионеров, чьи жизненные истории сегодня воспринимаются даже более драматично, чем в 1989 г. Нарсис Меликян, сын бежавших от турецкого геноцида армян, сначала жил

в Нижнем Новгороде, потом воевал на Московском фронте, позже прибыл в Сталино (название города Донецка до 1961 года), где стал горным инженером. Татьяна Никифоровна Артемова, родилась в 1913 г. в Курской области, приехала в Сталино в 1932 г., работала на шахтах. Марфа Ивановна Лимонец, 1915 г. рождения, с 15 лет работала ламповой; в период военной оккупации «попала в руки итальянцев». С этими женщинами мы беседовали на скамейке у их домов. Во время интервью они принесли нам яблоки («наши особые украинские яблоки») и выразили свою благодарность за то время и внимание, которые мы им уделили.

Во время той поездки я побывал на дымящемся Донецком металлургическом заводе (ДМЗ), где взял интервью у рабочих предприятия, посетил художественный и краеведческий музеи в поисках материалов о стахановцах. Побродил по усыпанному галькой берегу Азовского моря. Встретился с некоторыми советскими евреями. Играл в теннис с мужем переводчицы Дэнни. Время от времени выкраивал несколько часов, чтобы поработать в областном архиве, и в «самый жаркий день лета, когда густая дымка нависала над городом, ... сидел с Юрием Болдыревым на скамейке в парке в тени акаций». Здесь я процитировал фрагмент из первой в своей профессиональной деятельности журнальной статьи «Что стоит за забастовкой шахтеров», которую написал для «TheNation» [7].

Болдырев был умен и знал это. Он получил диплом физика в Донецком государственном университете, но стал шахтером, прежде всего потому, что горнякам хорошо платили. Когда мы познакомились, он возглавлял забастовочный комитет шахты им. Горького, одной из крупнейших и наиболее мощных в Донецке. Он воплощал в себе все противоречия, сильные и слабые стороны шахтерского забастовочного движения - нового явления на советской политической сцене. Это была не последняя наша встреча.

Среди тех, кто приехал в Донецк летом 1989 г., только Дэнни и я вернулись сюда во второй, а затем в третий раз. В мае 1991 г. мы приехали, чтобы продемонстрировать шахтерам, нашими коллегам и друзьями из DOKATV, которые щедро снабжали нас фрагментами кинохроники 1930-х годов, фильм «Перестройка снизу». Как наши зрители оценили увиденное, поняли ли голос за кадром на английском языке, я не знаю.

В Донбассе ситуация еще более усложнилась. Забастовочная лихорадка не спала. На шахтах проходили всеобщие выборы. Теперь выбирали директора. Валерий, помощник Геннадия в шахтном СТК, уже устал выдвигать требования. Он пытался мобилизовать товарищей на новый раунд борьбы. Он выразился так: «Что меня удивляет, так это то, что мы уже через это все проходили. В 1917 г. нам сказали: «Давайте избавимся от богатых, распределим добро среди бедных, и мы все будем жить хорошо». История нас ничему не научила. Теперь слышим: «Давайте все отнимем у партии», и, логично тогда, «Давайте создадим новые ГУЛАГи, но теперь для коммунистов» [8]. Возникла напряженность в отношениях между СТК шахты Куйбышевская и городским стачечным комитетом, у членов которого мы также брали интервью.

Будучи в Москве, прежде чем вылететь в Донецк, я связался с Межрегиональным координационным советом рабочих (стачечных) комитетов, который был создан для координации действий шахтеров (еще советской) Украины, Кузбасса и Воркуты. Когда я вошел в штаб-квартиру комитета, находившийся «в гостинице «Россия», буквально в двух шагах от Красной площади», я не мог ничего разглядеть из-за голубого дыма, образовавшегося от слишком большого количества выкуренных сигарет и слишком слабой вентиляции [9]. Но среди делегатов мне удалось разглядеть Юрия Болдырева. Говоря быстрее, чем я понимал, Болдырев сказал мне, что шахтерам не видать улучшений, пока Михаил Горбачев не подаст в отставку и не пройдут новые выборы. Я поинтересовался – кто, по мнению шахтеров, может выполнить их требования? За три месяца до августовского путча Ю. Болдырев и его товарищи осознавали наличие огромной пропасти между горбачевским вариантом политической либерализации и экономической реформы (перестройки) и желаниями самих шахтеров. И если раньше между ними и Горбачевым существовали доверительные отношения, чему мы были свидетелями во время нашего первого визита в Донецк в 1989 году, то теперь их не существовало.

После года отсутствия мы вернулись в Донецк в июне 1992 г., на этот раз в сопровождении московского социолога Евгения Романовского и политолога из Оберлинского колледжа Стивена Кроули, который намеревался сделать сравнительный анализ политической активности шахтеров и металлургов Донецка и Кемерово [10]. Много изменилось после нашего последнего визита. Украина стала независимым государством, и многим из тех, кого мы знали, было трудно приспособиться к новой реальности. В нашей книге задокументированы опасения шахтеров в связи с принудительной украинизацией, их намерения провести забастовку, которая должна была оказать давление на киевские власти с тем, чтобы они осуществили федерализацию государства и выделили дополнительные финансовые средства на повышение заработной платы.

На вопрос «Что стало хуже?» сопредседатель Донецкого городского рабочего (стачечного) комитета (далее – ДГР(С)К) Юрий Макаров ответил: «Все. Изменение состоит только в том, что «центр» переместился из Москвы в Киев» [11]. Татьяна Самофалова поделилась мыслями о том, что украинская независимость значила лично для нее. Приведу ее слова, поскольку большая часть Донбасса вновь не мирится с движущейся на Запад Украиной, а моя собеседница была сторонницей иного вектора внешнеполитической ориентации: «Я родилась в Украине и прожила здесь всю свою жизнь. Мой отец, мой свекор, мои бабушка и дедушка похоронены здесь ... Мои родственники, моя тетья, моя двоюродная сестра живут в России, и теперь поездки к ним стали проблемой. Мы не можем часто встречаться, и письма не приходят. Почему я должна желать такой независимости? От чего я независима? От моих родственников? Я не хочу такой независимости» [12].

В статье «АФТ/КПП едет в Украину», мы с Дэнни Волковицом попытались разоблачить тактику сильной руки, которую использовал Институт Свободного

профсоюза (далее – ИСП) этого профобъединения, чтобы заставить ДГР(С)К более соответствовать их пониманию «демократии» [13]. Предложения ИСП предусматривали исключение Юрия Болдырева из ДГР(С)К и возвращение типографского оборудования, которое ранее было передано донецкому стачкому. В своей статье мы подвергли критике Адриана Каратницкого, американца украинского происхождения, который являлся представителем ИСП в Украине. Ярый сторонник украинской националистической организации «Рух» с момента ее основания в 1989 г., Каратницкий стал главой FreedomHouse, где «он разрабатывал программы помощи демократическим и правозащитным движениям в Беларуси, Сербии, России и Украине». В последующем он работал в Евразийском центре Атлантического совета [14].

Мое сотрудничество с шахтерскими активистами в Донецке было непродолжительным, но памятным, тревожащим душу. Я чувствовал, между прочим, что встал на ту же «тропу борьбы», которую в США мой отец вел в конце 1940-х– начале 1950-х годов. Ему и его товарищам по профсоюзу учителей противостояли силы, состоявшие из антикоммунистов как либералов, так и консерваторов. Болдырева и других, кого мы пытались защитить, вряд ли можно было обвинить в том, что они были коммунистами, но их враждебность по отношению к украинскому национализму и к той версии «демократии», которую исповедовал ИСП, вызвали у последних неприятие.

У нас тоже были разногласия с Ю. Болдыревым и другими шахтерскими активистами. Мы, знавшие, как в США манипулируют рыночными механизмами действующие в энергетическом секторе корпорации, не разделяли оптимизма наших друзей в Донецке, для которых рынок обладал магической силой. Когда в мае 1991 г. мы брали интервью у Ю. Макарова и других руководителей ДГР(С)К и спрашивали у них, как они относятся к перспективе рыночных отношений в угольной промышленности, слышали ответ: «Положительно». «Наша позиция позитивна» - говорил один из них [15].

Когда я позже проанализировал систему ценообразования на добытый уголь в Советском Союзе и в государствах-преемниках, то понял, что «цена на уголь, установленная в административном порядке, не имела никакого отношения ни к спросу, ни к издержкам производства». В рамках советской политики предоставления дешевой электроэнергии потребителям система «плановых потерь» имела следствием зависимость шахтеров от государственных субсидий. Эта зависимость горняков возмущала, они ее называли «министерским феодализмом» [16]. Отсюда и значимость, которую они придавали требованиям разрешить фирмам, созданным в угольной промышленности, продавать добытый уголь «по мировым ценам» при оставлении шахтам большей части вырученных средств [17]. Для них ценность их продукта была очевидной, и оценка их труда должны была быть достойной. Как сказал один активист Стивену Кроули: «Рынок таков: я зарабатываю сам, покупаю сам, продаю свою рабочую силу» [18].

Я не думаю, что кто-либо, те же шахтеры, задумывались тогда над тем, что сейчас воспринимается как само собой разумеющееся. Я имею в виду

экологический фактор. В Западной Европе и Северной Америке ветровая, солнечная энергия, другие источники энергии давно бросали вызов монополии угля, и защитники окружающей среды в этих частях мира вынуждали руководителей угольных компаний занять оборону. Но у экологов СССР, государств, образованных после его распада, было много других проблем: безопасность на атомных электростанциях после аварии на ЧАЭС в апреле 1986 г., предотвращение высыхания Аральского моря, сужение мест обитания животных в дикой природе, противостояние сумасбродной идее изменить направленность течения северных рек. Уголь оставался незыблемым, а люди, физиологическое существование которых напрямую зависело от угледобычи, включились в политическую борьбу.

Положение шахтеров в 90-е гг. существенно не изменилось. Оно даже ухудшилось. Вместо дефицита мыла – одного из самых неприятных последствий политики перестройки – несвоевременная выплата зарплаты. Задолженность по заработной плате отражала тупиковую ситуацию, которая сложилась вследствие противостояния между трудовыми коллективами, выбивавшими посредством забастовок и угрозой их проведения государственные субсидии, с одной стороны, а с другой, государственными органами, стремившихся установить финансовую дисциплину в бюджетных расходах. Никто не мог точно знать, чем завершится эта патовая ситуация. Но в заключительных строках своей статьи «Свобода цен и цена свободы», я смог увидеть «призрак Железной леди, нависшей над «раздутой» угольной промышленностью, шахтерским движением и сами шахтерами» [19].

В последующие годы я время от времени обращал внимание на шахтеров Донбасса. В 2004 г. я вернулся к этой проблематике, обновил содержание рассматривавшихся ранее тем в виде десятилетней ретроспективы [20]. Десять лет спустя началась война между украинскими правительственными войсками и подразделениями Донецкой Народной Республики. Она вызвала мучительные размышления о национализме и его жертвах. Памятуя о высказываниях Татьяны Самофаловой, я задавался вопросом: «Сможет ли Украина, выйдя из этой войны, приспособиться к такому безразличию к национализму?» [21].

Недавно я попытался восстановить связь с мужем Татьяны Валерием. «Я пишу это письмо, – писал я по-русски, – практически без надежды, что вы его получите. Тем не менее, пишу, потому что вы написали мне 9 февраля 1993 года. Я не знаю, почему я тогда не ответил и теперь прошу у вас прощения» [22]. В письме Валерия, которое я обнаружил среди моих записей, упоминалось об ухудшении условий жизни, высказывалась надежда, что если не его дети, то внуки смогут стать свидетелями «триумфа демократии над тоталитаризмом». В конверт письма были вложены две фотографии, запечатлевшие меня в его квартире. Валерий писал, что когда его маленький внук видел их, кричал: «Люся! Люся!» Внуку Валерия теперь около 25 лет, и он может быть призван в армию.

Это эссе о моем пребывании в Донецке, о публикациях, которые были подготовлены на основе полученной информации и впечатлений, я хочу завершить так. В ноябре 1992 г., через несколько недель после опубликования

моей статьи в «The Nation» об АФТ/КПП о вмешательстве Адриана Каратницкого в дела донецкого стачкома, я встретил на научной конференции американского профессора украинского происхождения, которого немного знал. Обычно при встречах мы обменивались любезностями. На этот раз, когда мы вышли из лифта, он повернулся ко мне и с легкой улыбкой риторически спросил: «А кто вы такие, Зигельбаум и Валковиц, чтобы защищать украинцев от Каратницкого?» Возможно, это был единственный случай в моей жизни, когда я почувствовал хлынувший на меня холод антисемитизма. Тем не менее, я дорожу тем опытом, который приобрел в Восточной Украине. Пребывание в Донбассе изменило меня в лучшую сторону – и в профессиональном, и в собственно человеческом отношениях.

Ссылки и примечания:

1. Siegelbaum L. H. *Stakhanovism and the Politics of Industrial Mobilization in the USSR, 1935–1941*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, 1990. Новое предисловие так и не появилось, потому что редактор забыл (!) добавить его.
2. Отчет Ларри о его руководстве *The Mill Hunk Herald* (1979–89 гг.) см. :[http://www.post-gazette.com/opinion/Op-Ed/2010/11/28/The-Next-Page-How-we-punched-it-out-From-Mill-Hunk-Herald-to-Northside Chronicle/stories/201011280190/](http://www.post-gazette.com/opinion/Op-Ed/2010/11/28/The-Next-Page-How-we-punched-it-out-From-Mill-Hunk-Herald-to-Northside-Chronicle/stories/201011280190/). Ларри скончался в 2014 году в возрасте 54 лет.
3. Тед, израильский историк, только что закончил двухтомную историю Юзовки. См.: Friedgut, Th. H. *Iuzovka and Revolution: Life and Work in Russia's Donbass, 1869-1924*. Princeton: Princeton University Press, 1989. Наша совместная работа: Friedgut Th. H., Siegelbaum L. H. *The Soviet Miners' Strike, July 1989, Perestroika from Below*// *The Carl Back Papers in Russian and East European Studies*. 1990. № 804.
4. В 1980 г. Д.Волковиц подготовил «*The Molders of Troy*,» киноверсию его *Worker City, Company Town: Iron and Cotton-Worker Protest in Troy and Cohoes, New York, 1855-84*. –Urbana: University of Illinois Press, 1978.
5. «*Perestroika from Below*», produced by Daniel Walkowitz and Barbara Abrash (Past Time Productions, 1990).
6. Частичную расшифровку стенограммы этой конференции см. Siegelbaum, L. H., Walkowitz, D. J. *Workers of the Donbass Speak: Survival and Identity in the New Ukraine, 1989–1992*. Albany: SUNY Press, 1995. P. 99–105.
7. Siegelbaum, L. H. *Behind the Soviet Miners' Strike*// *The Nation*. 1989. Oct. 23. P.451–454.
8. Siegelbaum L. H., Walkowitz D. J. *Workers of the Donbass Speak*...P. 108.
9. Siegelbaum L. H. *Labor Pains in the Soviet Union; Miners' Hopes Deferred* // *The Nation*. 1991. May 27. P.693.
10. См.: Stephen Crowley, *Hot Coal, Cold Steel: Russian and Ukrainian Workers from the End of the Soviet Union to the Post-Communist Transformations*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1997.

11. Siegelbaum L. H., Walkowitz D. J. Workers of the Donbass Speak...P.71-72, 143, 172.
12. Ibid. P. 197.
13. Siegelbaum, L. H. , Walkowitz, Д. J. The A.F.L.-C.I.O. Goes to Ukraine // The Nation. 1992. November 2. P. 502–505.
14. См.: <http://www.atlanticcouncil.org/about/experts/list/adrian-karatnycky#fullbio>
15. Siegelbaum L. H., Walkowitz D. J. Workers of the Donbass Speak... P. 120.
16. Siegelbaum L. H. Freedom of Prices and the Price of Freedom: The Miners' Dilemma in the Soviet Union and its Successor States // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 1997. Vol. 13, №4. P. 5.
17. Валерий нам сказал в мае 1991 г.: «Шахты... не должны просить Союзное или республиканское правительства поднять цену на уголь, а должны сами устанавливать ее». (Siegelbaum L. H., Walkowitz, D. J. Workers of the Donbass Speak...P.114–115).
18. Crowley, Hot Coal, Cold Steel. P.136. См. Интервью с Михаилом Крыловым в кн.: Siegelbaum L. H., Walkowitz D. J. Workers of the Donbass Speak... P.149: «Мы хотим, чтобы каждый человек был хозяином плодов своего труда».
19. Siegelbaum L. H. Freedom of Prices and the Price of Freedom // New York Times, 1996/February 29. A5. P. 22. Железная Леди – Маргарет Тэтчер. Этот эпитет происходит от ее конфронтации с забастовкой шахтеров в Великобритании в 1984–85 гг. Термин «раздутый» появляется в «New York Times».
20. Siegelbaum L. H. The Condition of Labor in Post-Soviet Russia: A Ten-Year Retrospective // Social Science History Journal. 2004. Vol. 28, №4. P. 637–665.
21. Siegelbaum, L. H. Does Donetsk Have a Future in the New Ukraine? // The Nation <http://www.thenation.com/article/180851/does-donetsk-have-future-new-ukraine>. 2014. 1 августа.
22. Мое суждение было верным. Через два месяца после того, как я его отправил, письмо было мне возвращено. «Не доставлено в том виде, в котором оно было адресовано – невозможно переслать».

Политология

УДК 04.51.54 , 19.01, 19.31

О.М. Морозова

*доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
e-mail: olgafrost@gmail.com*

КОНФЛИКТ НА ДОНБАССЕ В ПРОСТРАНСТВЕ БЛОГОСФЕРЫ

Аннотация

В данной статье предложено посмотреть на происходящее в Донбассе с учетом современных коммуникативно-информационных реалий. В качестве позитивной программы предложены некоторые темы и приемы использования инструментов видеоблогинга для влияния на общественное мнение.

Ключевые слова: *Конфликт на Донбассе, блогосфера, YouTube*

Summary

This article proposed to look at what is happening in the Donbass, taking into account modern communicative and informational realities. As a positive program, some topics and techniques for using video blogging tools to influence public opinion have been proposed.

Keywords: *The conflict in the Donbas, the blogosphere, YouTube*

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ 32.8553.2017/БЧ

Конфликт на Донбассе, современниками которого мы являемся, протекает в новых коммуникативно-информационных реалиях, что было бы целесообразно учитывать при организации информационного обеспечения деятельности государственных и общественных структур ДНР и ЛНР.

Цифровизацию нашей жизни принято рассматривать как вызов традиционным ценностям, как фактор, усиливающий негативные стороны протекания социальных процессов, среди которых и проблема взаимного непонимания поколений, и изъяны социализации молодых людей, и смена ценностных ориентаций личности. Если обратиться к все еще малочисленным действительно аналитическим работам по современной «Интернет-цивилизации»

и, в частности, по блогосфере и социальным сетям, к высказываниям авторитетных политологов поколения 40+, то мы увидим однозначно негативное и настороженное отношение к роли интернета в жизни общества.

На одном из выпусков популярного политического ток-шоу политолог С. Михеев утверждал, что интернет это не жизнь, а игра, которая пытается выдать себя за «территорию правды», за отражение массового общественного мнения. И что-то удастся, в том числе и «болотные» волнения в декабре 2011 г. Массовую компьютеризацию школ и проведение интернета в самые отдаленные районы страны политолог оценил как недалновидный и чреватый последствиями шаг, потому что тон в этом пространстве задают враги России[1].

Политолог прав в том, что ситуация в русскоязычном интернете это не только результат деятельности самой этой среды, но и результат просчетов и бездействия государства. Федеральный закон РФ от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» основное внимание уделяет процедурам ограничения доступа к информации, которыми должна руководствоваться в своей деятельности Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Идейно этот закон близок к позиции, высказанной политологом: регулировать и ограничивать.

Мысль о том, что государственным структурам пора переходить к роли активного игрока на этом пространстве, стала формироваться только в последнее время. Но первый опыт такого рода был крайне неудачным, потому что эта деятельность строилась по законам современной российской бюрократии. Негативные оценки со всех сторон получили и выступление блогерши Саши Спилберг в Государственной думе РФ (май 2017 г.), и «совещание блогеров» (июнь 2017 г.), и созданный при Госдуме Совет блогеров, судя по всему, мертворожденное дитя. То, что блогосферой нельзя править в «ручном режиме», демонстрирует отказ участвовать в этом «совещании» питерского блогера Дмитрия Пучкова (Гоблина), рупора государственных слоев, и ведущего канала Wylsacom на YouTube тотально прагматичного и конформистского Валентина Петухова. Отказ приглашенных Дмитрия Иванова (Камикадзе), Даниила Поперечного, Юрия Дудя (в Дудь), Максима Голополосова (+100500), Николая Соболева, Ильи Варламова, демонстрирующих разную степень оппозиционности, был вполне закономерен и странно, что организаторы это не прогнозировали.

И, тем не менее, технический прогресс создает новые общественные формы, и игнорировать их в высшей степени неблагоприятно. Отдельные примеры действенного функционирования ресурсов современного информационного пространства существуют. Их демонстрирует ТВ, которое рано списывать в тираж, что давно было предсказано и страстно ожидается блогерами, которые сами претендуют на роль «нового ТВ». Различные политические ток-шоу, идущие по федеральным российским каналам, способствуют оформлению политических позиций зрителей – и антиправительственных, и проправительственных. С одной

стороны, происходит поляризация мнений. Но с другой стороны, без этих ток-шоу отвечающая интересам государства позиция не приобрела бы четкого оформления в массовом сознании. Эффект, который возникает в ходе дискуссий, когда несколько оппозиционных групп пытаются защитить свое мнение, при этом приводится множество аргументов и примеров, подтверждающих позицию каждой стороны, но все это, главным образом, направлено не на перелом точки зрения оппонентов, а на подкрепление своей позиции. В результате накал страстей обычно возрастает, уверенность в собственной правоте крепнет, а расстояние между группами увеличивается. Таким образом, свойством этой модели коммуникации (имеется в виду дискуссия в интернете) является ее высокая конфликтогенность. Эту же функцию в интернете играют политические форумы (напр., <http://www.politforums.net/>; <http://www.politikforum.ru/>). А также сервис «комментарии», которым оснащены страницы в ЖЖ и на YouTube.

По личным наблюдениям автора, с помощью технологии ботов разогревались настроения украинских пользователей интернета примерно с середины 2013 г. Боты (отрбот) – это программы, имитирующие действия в интернете живых людей, работая по заложенному в них сценарию. Свою деятельность они осуществляют с фейковой страницы, которая достаточно легко распознается по небольшому количеству «друзей», низкой социальной активности в сети, однотипностью комментариев. Популярными в русскоязычном сегменте интернета музыкальные каналы, в том числе «Україна має талант», обычно пестрят положительными оценками исполнителей, особенно молодых. Но неожиданно и в массовом порядке они начали перемежаться негативными и даже оскорбительными отзывами, исходящими якобы от россиян, что следовало из контекста сообщений и ником пользователей. Как правило, после провокационного комментария начиналась словесная перепалка между «хохлами» и «ватниками». То есть, использовался типичный троллинг – провокация в общении в сети; размещение провокационных сообщений с целью вызвать флейм (огонь, «спор ради спора»), конфликты между участниками, оскорбления и т. п. вплоть до холивара (от англ. holywar – священная война) – обмена сообщениями в интернет-форумах и чатах, представляющего собой бессмысленные дискуссии, в которых участники яростно пытаются навязать друг другу свои точки зрения.

В настоящее время текстовый блогинг заменяется видеоблогингом. Это происходит параллельно с ростом доли визуалов по мере омоложения аудитории, что получило в теории поколений именование поколение Z. Тот психологический эффект, когда усвоение визуальной информации происходит, минуя центры рационального осмысления в мозге, привел к изменению отношения аудитории к получаемой информации и к характеристикам самой информации. Она стала активнее воплощаться в агрессивных образах.

Прежде чем обратиться к главному видеохостингу, разберем стиль вайнов (коротких зацикленных видеороликов с несинхронным звуковым сопровождением), сложившийся на видеохостинге Coub.com. Он начал работать в апреле 2012 г., по своему происхождению он российский, хотя в этом и в

большинстве случаев «родина» хостинга никакой роли в контенте не играет. Coub.com активно стала обживать грузинская и венгерская оппозиция, когда объектами их насмешек стали Виктор Орбан и другие политические оппоненты. Психологический механизм многократного повторения действует на основе принудительного привлечения внимания, подсознательного восприятия предлагаемой информации, существенного сужения сознания человека с активизацией нерациональных ассоциативных механизмов восприятия.

На Coub.com есть канал «Новости Донбасса» (<http://coub.com/novostidnua>), направленность которого будет понятна, когда Донбасс назван оккупированным. Рейтинги канала низжайшие. Появившись в мае 2015 г., канал выпустил 17 видео, получил 126 подписчиков и около 26 тыс. просмотров, а через полтора года свернул свою деятельность. Конечно, Coub.com не может сравниться с YouTube, но и там есть ролики с миллионами просмотров.

Рассмотрим, как отражается конфликт на Донбассе в пространстве YouTube.com. Это крупнейший видеохостинг, в 2017 г. он собирал свыше 10 млрд. просмотров в день. На запрос «Конфликт на Донбассе» поисковый сервис сайта выдает около 50 каналов. Доминирующий жанр – военная и политическая аналитика. Среди них в основном отрывки из ТВ-передач («Особая статья», «Право голоса» и др.). Обе стороны конфликта активны и пытаются использовать YouTube как средство информационной борьбы.

Блогосфера Новороссии представлена рядом каналов. «Первый республиканский канал» работает в том же здании, что и Донецкая государственная телерадиокомпания, и представляет собой выкладку ТВ-передач. Он имеет менее 10 тыс. подписчиков. Среднее число просмотров видеороликов – 2-3 тыс., у двух самых популярных – по 100 с лишним тыс. Та же ситуация с каналом, созданным ГТРК ЛНР.

Министерство информации ДНР выложило на своем YouTube-канале более 9 тыс. видео. Его подписчиками являются 25 тыс. чел., в начале 2017 г. было 16 тыс. Не только для YouTube, но и для традиционного СМИ темпы роста явно недостаточные. Наиболее популярными видео (более 200 тыс. просмотров) на этом канале стали интервью с известными полевыми командирами и официальными лицами ДНР.

Канал «Правда ДНР» демонстрирует большее понимание законов жанра. Значительную часть составляют динамичные видео продолжительностью 1-2 мин. Среди них есть действительно популярные, например, диалог Александра Захарченко с пленным офицером ВСУ, который собрал более 4 млн. просмотров [2]. Ориентация канала на молодежную аудиторию проявляется в фиксации, например, флешмобов и других форм активности [3].

В то же время редакция канала создает своего рода коллекцию свидетельств времени, например, интервью с хирургом Г. Д. Попандопуло, которые при низком числе просмотров, тем не менее, имеют историческую ценность [4].

Информационное агентство «Новостной фронт» запустило сайт Newsfrontv ноябре 2014 г. Агентство имеет свой канал и на YouTube. Это международный

проект, добившийся хороших результатов. Его видео собрали более 400 млн. просмотров. Продукцию сайта и канала отличает достаточно высокий профессиональный уровень, понимание правил современной интернет-журналистики. Броские заголовки, лаконичность текста, быстрое реагирование на текущие события и процессы сочетаются со знанием особенностей восприятия современной аудитории. YouTube привлекает тем, что там можно увидеть то, что не увидишь, идя по улице. Это цифровое «око», расширяющее горизонт, поэтому видео фронтовых операций, съемки на передовой собирает миллионы просмотров. Например, видео «Полная зачистка Углегорска» собрало более 4 млн. просмотров; «Марьинка. Снайперская дуэль» – почти 2 млн. [5]. Разумеется, ресурс стал площадкой столкновения оценок, где формируется новый мелос, отрабатываются обзывалки, среди которых «щевенмерлики», «кацапський біомусор» являются наиболее сдержанными.

Примером того, как сказывается на результатах деятельности отсутствие этого понимания, является деятельность ANNANews. Это агентство зарегистрировано в Абхазии, но работает во многих горячих точках. Канал обладает растущей аудиторией. Если в 2017 г. подписок было 57 тыс., спустя два года около 150 тыс. Совокупное число просмотров – более 70 млн. чел. Самым сильным направлением является сирийское. Наиболее популярным видео стали эксклюзивные съемки падения российского СУ-24 в Сирии и операция спасения (на начало 2019 г. более 3 млн.) [6]. Сюжеты, связанные с Донбассом (рубрика «Война на Украине / WarinUkraine»), не имеют такого зрительского внимания. Отражением всех недостатков этого направления в работе агентства может быть одно из видео, где сочетаются сухой и малоинформативный текст, непрофессионализм ведущей, пренебрежение визуальными инструментами подачи новостной информации [7].

Среди цифровых ресурсов, вещающих о конфликте на Донбассе, можно оценить как более удачные с точки зрения жанрового соответствия несколько проектов. Во-первых, анонимный канал Kazzura, который начинал с 2011 г. прохождением компьютерных игр, аниме – с наиболее популярных жанров среди массовой аудитории YouTube. Но потом, одновременно с событиями на канал проникает настоящая война. Можно сказать, что общая идея видео этого канала – это человек на войне и быт в условиях войны. Автор (или авторы) играет на провокационности тем и интересах аудитории. Видео, в котором заснят «разговор» ополченца с наркодиллером [8], встретило разнообразную реакцию аудитории. А вот интервью с девушкой-бойцом с позывным Рыжик получило исключительно позитивные отклики [9].

Kazzura обращается к эмоциональной сфере сознания, что соответствует основным тенденциям цифровой коммуникативистики. Комментарии под видео принадлежат преимущественно нерусскоязычным пользователям, поскольку видео снабжены названиями и субтитрами на английском языке, потому что иноязычные названия – индексируются не только в Рунете.

Во-вторых, канал блогера Дениса Селезнева, образ которого представляет собой стилизацию под узнаваемый образ гопника: кепочка, отсутствующий верхний резец (в прошлом), недельная щетинка, пиво на постеленной на стол газетке. Блогер комментирует текущие события, используя соответствующую образу лексику. В 2016 г. наиболее популярные видео, рассказывающие о ситуации в Донецке, собирали до 200 и более тыс. просмотров. Сейчас их число на ныне выходящих видео существенно ниже. Канал и его автор переживают кризис, выразившийся, прежде всего, в снижении уровня разработанности тем и проработки текстов.

Более устойчивым представляется положение второго канала Константина Долгова[10], где выложены короткие ролики в жанре стендапа общественные и политические темы[11]. При сравнительно небольшом числе подписчиков – около 40 тыс., канал имеет более 17 млн. просмотров, приобретя стабильную аудиторию, ищущую определенных, пусть и резких мнений в пугающе развивающихся событиях, а также инсайдерской информации.

Тут важно отметить, что обойдены вниманием все «баттлы», которые сопровождают жизнь не только кумиров молодежи типа Ларина и Хованского, но и блогеров, освещающих события на Украине. Сложность внутренней и внешней обстановки, разновекторность преследуемых целей, различия интересов спонсоров определяют раздробленность, антагонистичность и агрессивность блогерской среды. К слову, отрицание наличия «покровителей» одно из обязательных заверений всех блогеров, но партнерская программа для русскоязычного YouTube не дает никакой возможности окупать производство видео из этого источника. Значит, без внешнего финансирования никак не обойтись, что имеет многоплановые последствия.

Пространство YouTube очень динамично. Мгновенно зажигаются звезды и столь же стремительно гаснут, меняются жанры и идеологии каналов, что связано с творческими кризисами, усталостью и условиями финансирования. Деятельность блогера в секторе видео – напряженная, даже изматывающая, требующая времени, денежных средств, человеческих и технических ресурсов. Постепенно блогер должен переходить к работе с командой обеспечения. То есть на голом энтузиазме видеоблогинг не строится. Любой канал должен быть разработан как комплексный информационно-коммерческий проект. При оценке контента и истории канала важно учитывать этот момент.

При всей неуловимости категории успех можно резюмировать, что 1) внимание приобретают эксклюзивные видео- и иные материалы; 2) потребители контента выбирают отвечающий их ожиданиям и вкусам контент и стилистику канала, сживаются с ним, регулярный просмотр страниц становится частью их поведенческих схем.

Какие из уже сложившихся и зарекомендовавших себя эффективными жанров видеоблогосферы было бы целесообразно использовать при разработке проекта видеоканала? Если учитывать, что большинство пользователей видеохостингов воспринимают размещаемый там контент как средство наблюдения за отдаленной

реальностью, то можно продумать концепцию рубрик, показывающих повседневную жизнь гражданских лиц в условиях конфликта. Особенно в начале боевых действий во время повышенного внимания к событиям на Донбассе сюжеты выживания людей и гуманитарной катастрофы могли влиять на информационную повестку дня и общественное мнение. Ту же функцию могли бы выполнять онлайн веб-камеры, ведущие трансляцию в режиме реального времени.

Крупные структуры постепенно переходят к включению в свою информационную политику деятельности в социальных сетях и блогах, когда все инструменты объединены общей стратегией при отличии в тактике. За блогами сохраняется работа в сфере тонких смыслов, настроений, управления эмоциями, оперативного информирования.

Ссылки и примечания:

1. <https://www.youtube.com/watch?v=jxFOAFo2RpE> (дата обращения: 11.01.2019).
2. Полная зачистка Угледорска. Спецоперация ополчения. Эксклюзив. 18+ / Правда ДНР. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7g05kXeULis>(дата обращения: 12.01.2019); [18+] ДНР. Марьинка. Снайперская дуэль. Эксклюзив. 3 июня 2015 / Правда ДНР. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eSok4WWRjB0>(дата обращения: 13.01.2019).
3. Эксклюзив: удар в спину – на наших глазах сбит российский СУ-24 / Правда ДНР1. Михеев метко о либеральной тусовке и свободе в интернете / Вечер с Владимиром Соловьевым. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Обс92vRfY0o> (дата обращения: 12.01.2019).
4. Диалог Александра Захарченко с офицером ВСУ / Правда ДНР. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1dXpSgm5Uf4> (дата обращения: 13.01.2019).
5. #Последний выстрел / Правда ДНР. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9xmJH1pIbdA> (дата обращения: 14.01.2019).
6. Судьба хирурга: верность клятве и Родине / Правда ДНР. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ROgOqqeQAL4>(дата обращения: 12.01.2019).
7. Сводка событий за 11 сентября 2016 года / Правда ДНР. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cVvCsLCb5Ek> (дата обращения: 11.01.2019).
8. 18+ DPRcommander Olkhon tortures and [allegedly] executes a drugdealer / Kazzura. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TRC6FwjPZS4> (дата обращения: 15.01.2019).
9. Interview with 17 y.o. girl serving in Motorola's unit / Kazzura. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=j7-W02CNXPM>(дата обращения: 14.01.2019).
10. Главная / Говорит Долгов. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCNh999AUuVlsI1h5LCWIQNA> (дата обращения: 12.01.2019).
11. Стендап – сольное юмористическое выступление перед живой аудиторией, в том числе в режиме онлайн.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИЗДАНИЕ ДОНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**
Сетевое издание

№1 (68) 2019

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор – Никольский В.Н., д-р ист. наук.

Заместитель главного редактора – Бобровский А.С., к-т ист. наук.

Ответственный секретарь – Кухтин М.М., к-т полит. наук.

Члены редакции:

Агапов В.Л. – д-р ист. наук, **Бредихин А.В.** – д-р ист. наук, **Кузнецова Е.В.** – к-т полит. наук, **Морозов Р.Н.** – к-т ист. наук, **Пенькова О.Б.** – к-т ист. наук, **Черкашин К.В.** – к-т полит. наук.